This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

891.73
S27z

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Sbornik Tovarishchestva "Znanie".

VII.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1905 ГОДЪ

КНИГА СЕДЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

М. Горькій. Дѣти солнца.
Ал. Кипенъ. Бирючій островъ.
Ив. Бунинъ. Востокъ.
Скиталецъ. Полевой судъ.
Густавъ Даниловскій. На островѣ.
Ив. Рукавишниковъ. Стихотвореніе.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1905.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STAC
AUG 9 1967

293802

PG-3257
C33
v.7

STANFORD LIBRARY

Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.

СОДЕРЖАНІЕ:

	стран.
М. Горькій. Дѣти солнца	1
Ал. Кипенъ. Бирючій островъ	193
Ив. Бунинъ. Востокъ	251
Скиталецъ. Полевой судъ	263
Густавъ Даниловскій. На островѣ	285
Ив. Рукавишниковъ. Стихотвореніе	337

М. ГОРЬКІЙ.

ДѢТИ СОЛНЦА.

М. Горькій. Дѣти солнца.

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, книгоиздательству „Demos“ въ Женевѣ, по слѣдующему адресу:

Société d'edition et de librairie „Demos“,
22, B^d du pont d'Arve, Genève, Suisse.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПАВЕЛЪ ФЕДОРОВИЧЪ ПРОТАСОВЪ.

ЛИЗА, ЕГО СЕСТРА.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА, ЕГО ЖЕНА.

ДМИТРІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ВАГИНЪ.

БОРИСЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЧЕПУРНОЙ.

МЕЛАНІЯ, ЕГО СЕСТРА.

НАЗАРЪ АВДѢЕВИЧЪ.

МИША, ЕГО СЫНЪ.

ЕГОРЪ, СЛЕСАРЬ.

АВДОТЬЯ, ЕГО ЖЕНА.

ЯКОВЪ ТРОШИНЪ.

АНТОНОВНА, НЯНЬКА.

ФИМА, ГОРНИЧНАЯ.

ЛУША, ГОРНИЧНАЯ.

РОМАНЪ.

ДОКТОРЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Старый, барскій домъ. Большая, полутемная комната; въ ея лѣвой стѣнѣ—окно и дверь, выходящія на террасу; въ углу—лѣстница на верхъ, гдѣ живетъ Лиза; въ глубинѣ комнаты арка, за ней столовая; въ правомъ углу—двери къ Еленѣ. Книжные шкафы, тяжелая, старинная мебель, на столахъ—дорогія изданія, на стѣнахъ—портреты ученыхъ натуралистовъ. На шкафѣ бѣлѣетъ чей-то бюстъ. У окна налѣво—большой круглый столъ; передъ нимъ сидитъ Протасовъ, перелистываетъ какую-то брошюру и смотритъ, какъ на спиртовой лампочкѣ грѣется колба съ какой-то жидкостью. На террасѣ подъ окномъ возится Романъ и глухо, уныло поетъ пѣсню. Это пѣніе безпокоитъ Протасова.

ПРОТАСОВЪ.

Послушайте, дворникъ!

РОМАНЪ (въ окнѣ).

Чего?

ПРОТАСОВЪ.

Вы-бы ушли... а?

РОМАНЪ.

Куда?

ПРОТАСОВЪ.

Вообще... вы мнѣ нѣсколько мѣшаете...

РОМАНЪ.

А хозяйнъ велѣлъ... почини, говоритъ...

АНТОНОВНА
(входитъ изъ столовой).

Ишь, пачкунъ... сюда пришелъ...

ПРОТАСОВЪ.

Молчи, старуха...

АНТОНОВНА.

Мало тебѣ мѣста въ своихъ-то комнатахъ...

ПРОТАСОВЪ.

Ты, пожалуйста, туда не ходи... я тамъ надымилъ...

АНТОНОВНА.

А теперь здѣсь напустишь угару... Дай, хоть дверь отворю...

ПРОТАСОВЪ (торопливо).

Не надо, не надо! Ахъ ты... старуха... Вѣдь я тебя не прошу... Ты вотъ уговори дворника, чтобъ онъ ушелъ... а то онъ—мычитъ...

АНТОНОВНА (въ окно).

Ну, ты чего тутъ возишься? Уходи!

РОМАНЪ.

А какъ-же... хозяйнъ велѣлъ...

АНТОНОВНА.

Иди, иди! Послѣ удѣлаешь...

РОМАНЪ.

Ну, ладно... (Съ грохотомъ уходитъ)

АНТОНОВНА (ворчливо).

Задохнешься ты когда-нибудь... Вонъ, говорятъ, холера идетъ. Генеральскій сынъ тоже... а занимается неизвѣстно чѣмъ, только одни непріятные запахи пускаешь...

ПРОТАСОВЪ.

Подожди, старуха... я тоже буду генераломъ...

АНТОНОВНА.

По міру ходить будешь ты. Домъ-то вотъ спалилъ на свою химію съ физіей.

ПРОТАСОВЪ.

Физикой, старуха, а не физіей... И, пожалуйста оставь меня въ покоѣ...

АНТОНОВНА.

Тамъ этотъ пришелъ... Егорка...

ПРОТАСОВЪ.

Позови его сюда...

АНТОНОВНА.

Пашенька! Скажи ты ему, злодѣю, что-же онъ дѣлаетъ? На-ко, вчера опять жену смертнымъ боемъ билъ.

ПРОТАСОВЪ.

Хорошо... я скажу...

(По лѣстницѣ неслышно сходитъ Лиза,— останавливается передъ шкафомъ, тихо открываетъ его)

АНТОНОВНА.

Да ты—пригрози... Я, молъ, тебѣ дамъ!

ПРОТАСОВЪ.

Ужъ я его напугаю! Не безпокойся, старуха, иди...

АНТОНОВНА.

Надо—строго. А то ты со всѣми людьми точно съ господами разговариваешь...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, будетъ, старуха! Елена—дома?

АНТОНОВНА.

Нѣтъ еще. Какъ ушла послѣ завтрака къ Вагину, такъ и нѣтъ съ той поры... Смотри—прозѣваешь жену-то...

ПРОТАСОВЪ.

Старуха, не говори глупостей! Я разсержусь.

ЛИЗА.

Няня! Ты мѣшаешь Павлу заниматься...

ПРОТАСОВЪ.

Ага... ты здѣсь? Ну, что?

ЛИЗА.

Ничего...

АНТОНОВНА.

Тебѣ, Лизанька, пора молоко пить.

ЛИЗА.

Я знаю...

АНТОНОВНА.

А про Елену Николаевну я все-таки скажу: я-бы на ея мѣстѣ нарочно романъ составила съ кѣмъ-нибудь... Никакого вниманія женщинѣ нѣтъ... Видно, кашку слопалъ, чашку о полъ... И дѣтей нѣтъ... какое-же удовольствіе женщинѣ? Ну, она и...

ПРОТАСОВЪ.

Старуха! Я начинаю сердиться... уходи! Экая... смола!

АНТОНОВНА.

Ну-ну... лютый! Не забудь про Егорку-то... (Идетъ) Молоко въ столовой стоитъ, Лизанька... А капли—пила?

ЛИЗА.

Да, да!

АНТОНОВНА.

То-то... (Уходитъ въ столовую)

ПРОТАСОВЪ (оглянувшись).

Удивительная старуха! Безсмертна, какъ глупость... и такъ-же назойлива... Какъ здоровье, Лиза?

ЛИЗА.

Хорошо.

ПРОТАСОВЪ.

Это чудесно! (Напѣваетъ) Это чудесно... это чудесно...

ЛИЗА.

А нянька права, знаешь!

ПРОТАСОВЪ.

Сомнѣваюсь. Старики рѣдко бываютъ правы... Правда всегда съ новорожденнымъ. Лиза, посмотри здѣсь у меня простыя дрожжи.

ЛИЗА.

Нянька—права, когда говоритъ, что ты мало обращаешь вниманія на Елену...

ПРОТАСОВЪ
(съ огорченіемъ, но мягко).

Какъ вы мнѣ мѣшаете,—ты и нянька! Развѣ Лена—нѣмая? Вѣдь она сама могла-бы сказать мнѣ... еслибъ я что-нибудь... какъ-нибудь не такъ, какъ нужно и... вообще, тамъ... А она молчитъ! Въ чемъ же дѣло? (Изъ столовой выходитъ Егоръ, немного выпивши) Ага — вотъ Егоръ! Здравствуйте, Егоръ!

ЕГОРЪ.

Добраго здоровья.

ПРОТАСОВЪ.

Видите-ли, въ чемъ дѣло, Егоръ: нужно устроить

маленькую жаровню... съ крышкой... такая конусообразная крышка, а въ вершинѣ ея—круглое отверстіе, выходящее трубой... понимаете?

ЕГОРЪ.

Понимаю. Можно.

ПРОТАСОВЪ.

У меня есть рисунокъ... гдѣ онъ? Идите сюда...

(Ведетъ Егора въ столовую. Въ дверь съ террасы стучитъ Чепурной, Лиза отворяетъ ему)

ЧЕПУРНОЙ.

Эге, дома? Добрый день!

ЛИЗА.

Здравствуйте...

ЧЕПУРНОЙ
(поводитъ носомъ).

И коллега дома, какъ слышно по запаху...

ЛИЗА.

Откуда вы?

ЧЕПУРНОЙ.

А съ практики. Собачкѣ жены управляющаго казенной палатою горничная хвостикъ дверью отдавила,—такъ я тотъ собачій хвостъ лечилъ, и дали мнѣ за это три карбованца,—вотъ они! Хотѣлъ купить вамъ конфектъ, да подумалъ: пожалуй, неловко васъ угощать на собачьи деньги, и—не купилъ.

ЛИЗА.

И хорошо сдѣлали... садитесь...

ЧЕПУРНОЙ.

Однако-же, отъ этого варева запахъ—сомнительной пріятности. Коллега, уже кипитъ!

ПРОТАСОВЪ (выбѣгая).

Не надо, чтобы кипѣло! Ну, что это?! Что-же вы не сказали, господа?

ЧЕПУРНОЙ.

Да я же сказалъ, что кипитъ оно...

ПРОТАСОВЪ (огорченно).

Но—поймите: мнѣ совсѣмъ не нужно, чтобы кипѣло!
(Егоръ выходитъ)

ЛИЗА.

Кто-же это зналъ, Павелъ?..

ПРОТАСОВЪ (ворчитъ).

Мм... чортъ!.. Теперь надо снова...

ЕГОРЪ.

Павелъ Федоровичъ, дайте рублевку...

ПРОТАСОВЪ.

Рублевку? Ага... сейчасъ! (Ищетъ во всѣхъ карманахъ) Лиза, у тебя нѣтъ?

ЛИЗА.

Нѣтъ. У няни есть.

ЧЕПУРНОЙ.

И у меня тоже... вотъ три!

ПРОТАСОВЪ.

Три? Дайте, пожалуйста... Вотъ, Егоръ, три,—все равно?

ЕГОРЪ.

Хорошо... сосчитаемся... Спасибо! Прощайте...

ЛИЗА.

Павелъ, няня просила тебя сказать ему... ты забылъ:

ПРОТАСОВЪ.

Что—сказать? Ахъ... да! Гм... да! Егоръ, вы... при сядьте, пожалуйста! Вотъ... Можетъ быть, ты сама ска жешь, Лиза?.. (Лиза отрицательно качаетъ головой) Видите-ли, Егоръ... мнѣ надо вамъ сказать... т.-е., это нянька про сила... дѣло въ томъ, что вы... будто-бы бьете вашу жену? Вы извините, Егоръ...

ЕГОРЪ

(встаетъ со стула).

Бью...

ПРОТАСОВЪ.

Да? Но, знаете, это вѣдь нехорошо... увѣряю васъ!

ЕГОРЪ (угрюмо).

Чего хорошаго...

ПРОТАСОВЪ.

Вы понимаете? Такъ зачѣмъ-же вы деретесь? Это звѣрство, Егоръ... это надо оставить вамъ... Вы—чело вѣкъ, вы разумное существо, вы самое яркое, самое прекрасное явленіе на землѣ...

ЕГОРЪ (усмѣхаясь).

Я?

ПРОТАСОВЪ.

Ну, да!

ЕГОРЪ.

Баринъ! А вы-бы спросили сначала, за что я ее бью?

ПРОТАСОВЪ.

Но,—поймите: бить нельзя! Человѣкъ человѣка не долженъ, не можетъ бить... это-же такъ ясно, Егоръ!

ЕГОРЪ (съ усмѣшкой).

А меня били... и очень даже много... Если-же про жену сказать... можетъ, она не человѣкъ, а—чортъ...

ПРОТАСОВЪ.

Какой вздоръ! Что такое чортъ?

ЕГОРЪ (рѣшительно).

Прощайте! А бить я ее буду... покуда она передо мной не станетъ, какъ трава передъ вѣтромъ, буду я ее бить! (Идетъ въ столовую)

ПРОТАСОВЪ.

Послушайте, Егоръ! Вы-же сами сказали... ушелъ! И, кажется, обидѣлся... Какъ глупо вышло... Эта нянька всегда... что-нибудь устроитъ... нелѣпое!

(Съ досадой уходитъ за портьеру)

ЧЕПУРНОЙ.

Очень убѣдительно говорилъ коллега!

ЛИЗА.

Милый Павелъ... онъ всегда смѣшной!

ЧЕПУРНОЙ.

Я-бы, знаете, того Егора за чубъ да палкой!

ЛИЗА.

Борисъ Николаевичъ!

ЧЕПУРНОЙ.

А что? Ну, простите, коли грубо. Но онъ разсуждаетъ правильно: его били, значитъ, онъ можетъ бить! Я продолжаю: слѣдуетъ его еще бить...

ЛИЗА.

Прошу васъ... зачѣмъ вы такъ говорите, зачѣмъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Да на этой же логикѣ построены всѣ карательные законы!

ЛИЗА.

Вы знаете, какъ я не люблю, какъ боюсь всего грубаго... и всегда вы, какъ будто нарочно, дразните меня! Подождите... Этотъ слесарь... онъ вызываетъ у меня чувство страха. Онъ такой... темный... и эти огромные обиженные глаза... Мнѣ кажется, я ихъ уже видѣла... тогда, тамъ, въ толпѣ...

ЧЕПУРНОЙ.

Э, да не вспоминайте! Ну, его...

ЛИЗА.

Развѣ можно забыть объ этомъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Что толку?

ЛИЗА.

Тамъ, гдѣ была пролита кровь, никогда не вырастутъ цвѣты...

ЧЕПУРНОЙ.

Да еще какъ растутъ!

ЛИЗА
(встаетъ и ходитъ).

Тамъ растетъ только ненависть... Когда я слышу что-нибудь грубое, рѣзкое, когда я вижу красное,—въ моей душѣ воскресаетъ тоскливый ужасъ, и тотчасъ-же передъ глазами встаетъ эта озвѣрѣвшая, черная толпа, окровавленныя лица, лужи теплой красной крови на пескѣ...

ЧЕПУРНОЙ.

Ну, снова вы договоритесь до припадка...

ЛИЗА.

И у ногъ моихъ—юноша съ разбитой головой... онъ ползетъ куда-то, по щекѣ и шеѣ у него льется кровь, онъ поднимаетъ голову къ небу... я вижу его мутные глаза, открытый ротъ и зубы, окрашенные кровью... голова его падаетъ лицомъ въ песокъ... лицомъ...

ЧЕПУРНОЙ
(подходитъ къ ней).

Э, Боже мой! Ну, что мнѣ дѣлать съ вами?

ЛИЗА.

Неужели васъ не ужасаетъ это?

ЧЕПУРНОЙ.

А... пойдемте въ садъ!

ЛИЗА.

Нѣтъ, скажите, скажите мнѣ: понятенъ вамъ мой ужасъ?

ЧЕПУРНОЙ.

А какъ-же? Я понимаю... чувствую!

ЛИЗА.

Нѣтъ... это неправда! Если-бы вы понимали, мнѣ

было-бы легче... Я хочу сбросить съ души моей долю тяжести, и—нѣтъ другой души, которая приняла-бы ее... нѣтъ!

ЧЕПУРНОЙ.

Мамочка моя! А ну—бросьте это! И пойдемте въ садъ... вонъ какой запахъ здѣсь! Какъ будто резиновую галошу въ постномъ маслѣ жарили...

ЛИЗА.

Да... запахъ... у меня кружится голова.

АНТОНОВНА (изъ столовой).

Лизанька! Ужъ капли надо принять, а ты еще молоко не выпила!

ЛИЗА
(идетъ въ столовую).

Сейчасъ...

ЧЕПУРНОЙ.

Какъ живете, Антоновна?

АНТОНОВНА
(прибираетъ на столѣ).

Ничего... не жалуюсь...

ЧЕПУРНОЙ.

Добре! Здоровеньки?

АНТОНОВНА.

Слава Богу...

ЧЕПУРНОЙ.

Жаль. А то я-бы полечилъ.

АНТОНОВНА.

Вы ужъ собачекъ лучше... Я не собачка...

(Лиза входитъ)

ЧЕПУРНОЙ.

А мнѣ хорошаго человѣка полечить хочется...

ЛИЗА.

Идемте...

(Идутъ черезъ дверь на террасу. Протасовъ съ колбой въ рукахъ)

ПРОТАСОВЪ.

Нянька, давай мнѣ кипятку!

АНТОНОВНА.

Нѣтъ кипятку...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, пожалуйста, нянька!

АНТОНОВНА.

Погоди, самоваръ вскипитъ... Сказалъ Егоркѣ-то?

ПРОТАСОВЪ.

Сказалъ, сказалъ...

АНТОНОВНА.

Строго?

ПРОТАСОВЪ.

Очень! Такъ онъ, знаешь, весь и затрясся со страха! Я, говорю, тебя, милый, къ этому... какъ его?

АНТОНОВНА.

Полиціймейстеру?

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ... ну, все равно! Да, къ судьѣ... къ мировому судьѣ...

АНТОНОВНА.

Лучше-бы полиціймейстеромъ его пугнуть... Ну, что-же онъ?

ПРОТАСОВЪ.

А онъ... онъ, знаешь, сказалъ мнѣ: дуракъ вы, баринъ!

АНТОНОВНА (негодуя).

Да что ты?

ПРОТАСОВЪ.

Да. Именно. Дуракъ, говоритъ, вы... не въ свое дѣло носъ суете...

АНТОНОВНА.

Такъ и сказалъ? Неужто, Пашенька?

ПРОТАСОВЪ (смѣясь).

Нѣтъ, нѣтъ, старуха! Это не онъ, это я самъ себѣ сказалъ... Онъ подумалъ, а я сказалъ...

АНТОНОВНА.

Э, ну тебя... (Хочетъ уйти, обиженная)

ПРОТАСОВЪ.

Ты принеси мнѣ кипятку сама... а то франтиха Фима всегда задѣваетъ за что-нибудь подоломъ или рукавами...

АНТОНОВНА.

Она, Фима-то ваша, кажись, съ хозяйскимъ сыномъ шашни завела... вотъ что!

ПРОТАСОВЪ.

А тебѣ завидно?

АНТОНОВНА.

Тьфу! Чай, ты ей—хозяинъ... ты долженъ ей сказать, что это нехорошо для дѣвушки!

ПРОТАСОВЪ.

Ну, старуха, оставь! Право, по-твоему я долженъ ходить цѣлый день и говорить всѣмъ, что хорошо и что не хорошо... Пойми, это не мое дѣло!

АНТОНОВНА.

А зачѣмъ ты учился? Для чего?

(Меланія—въ дверяхъ съ террасы)

ПРОТАСОВЪ.

Ну, иди-же! Вотъ — Меланья Николаевна! Здравствуйте!

МЕЛАНІЯ.

Здравствуйте, Павелъ Федоровичъ!

АНТОНОВНА.

Кто-же это дверь не заперъ? (Запираетъ)

МЕЛАНІЯ.

Какое у васъ довольное лицо!

ПРОТАСОВЪ.

Я радъ, что вы пришли... а то меня нянька загрызла. И потомъ мнѣ сегодня удалась одна интересная работа...

МЕЛАНІЯ.

Да? Какъ это радуетъ меня! Мнѣ такъ хочется, чтобъ вы прославились...

АНТОНОВНА
(ворчитъ, уходя).

Въ городѣ ужъ всѣ говорятъ... Прославился...

МЕЛАНІЯ.

Я такъ вѣрю, что вы будете чѣмъ-нибудь вродѣ Пастера...

ПРОТАСОВЪ.

Мм... это—не важно... Но—надо говорить—Пастеръ... Это у васъ—моя книга? Прочитали? Не правда-ли,—вѣдь это интереснѣе, чѣмъ романъ, да?

МЕЛАНІЯ.

О, да! Только вотъ эти знаки...

ПРОТАСОВЪ.

Формулы?

МЕЛАНІЯ.

Не понимаю я формуловъ!

ПРОТАСОВЪ.

Это надо немножко заучить... Теперь я дамъ для васъ—физіологію растеній... Но прежде всего и внимательнѣе всего изучайте химію, химію! Это изумительная наука, знаете! Она еще мало развита, сравнительно съ другими, но уже и теперь она представляется мнѣ какимъ-то всевидящимъ окомъ. Ея зоркій, смѣлый взглядъ проникаетъ и въ огненную массу солнца, и во тьму земной коры, и въ невидимыя частицы вашего сердца (Меланія вздыхаетъ), и въ тайны строенія камня, и въ безмолвную жизнь дерева. Она смотритъ всюду и, вездѣ открывая гармонію, упорно ищетъ начало жизни... И она найдетъ его, она найдетъ! Изучивъ тайны строенія

матеріи, она создастъ въ стекляной колбѣ живое вещество...

МЕЛАНІЯ (въ восторгѣ).

Господи! Почему вы не читаете лекцій?

ПРОТАСОВЪ (смущенно).

Н-ну, зачѣмъ-же это?

МЕЛАНІЯ.

Вамъ необходимо читать! Вы такъ очаровательно говорите... когда я слушаю васъ, мнѣ хочется поцѣловать вамъ руку...

ПРОТАСОВЪ
(разсматривая руки).

Не совѣтую... у меня руки рѣдко бываютъ чистыя... знаете, возишься со всякой всячиной...

МЕЛАНІЯ (искренно).

Какъ бы я хотѣла сдѣлать что-нибудь для васъ! Если-бы вы знали! Я такъ восхищаюсь вами... вы такой неземной, такой возвышенный... Скажите, что вамъ нужно? Требуйте всего, всего!

ПРОТАСОВЪ.

А... вѣдь вы можете...

МЕЛАНІЯ.

Что? Что я могу?

ПРОТАСОВЪ.

У васъ есть куры?

МЕЛАНІЯ.

Куры? Какія куры?

ПРОТАСОВЪ.

Домашнія птицы... вы-же знаете! Семейство куриныхъ... пѣтухи, куры...

МЕЛАНІЯ.

Знаю... Есть... А—зачѣмъ вамъ?

ПРОТАСОВЪ.

Голубушка! Если-бы вы давали мнѣ каждый день свѣжихъ яйцъ... самыхъ свѣжихъ, только-что снесенныхъ, еще теплыхъ яйцъ! Видите-ли, мнѣ очень много нужно бѣлка, а няня—она скупая, она не понимаетъ, что такое бѣлокъ... она даетъ несвѣжія яйца... и всегда нужно много говорить... лицо у нея кислое...

МЕЛАНІЯ.

Павелъ Федоровичъ! Какой вы жестокій!

ПРОТАСОВЪ.

Я? Почему?

МЕЛАНІЯ.

Хорошо... я буду присылать вамъ каждое утро десятокъ...

ПРОТАСОВЪ.

Чудесно! Это меня превосходно устраиваетъ! И я очень, очень благодарю васъ! Вы милая... право!

МЕЛАНІЯ.

А вы ребенокъ... жестокій ребенокъ! И ничего вы не понимаете!

ПРОТАСОВЪ (удивленъ).

Дѣйствительно, я плохо понимаю, почему—жестокій?

МЕЛАНІЯ.

Потомъ, когда-нибудь поймете. Елены Николаевны нѣтъ дома?

ПРОТАСОВЪ.

Она у Вагина на сеансѣ...

МЕЛАНІЯ.

Онъ вамъ нравится?

ПРОТАСОВЪ.

Вагинъ? О, да! Вѣдь мы съ нимъ давніе товарищи... вмѣстѣ учились въ гимназіи, потомъ—въ университетѣ... (Смотритъ на часы) Онъ тоже естественникъ, но со второго курса ушелъ въ академію.

МЕЛАНІЯ.

Онъ и Еленѣ Николаевнѣ, кажется, очень нравится...

ПРОТАСОВЪ.

Да, очень. Онъ славный парень, нѣсколько односторонненъ...

МЕЛАНІЯ.

А вы не боитесь...

(Чепурной стучитъ въ дверь съ террасы)

ПРОТАСОВЪ (открывая).

Чего бояться? Это нянька закрыла...

МЕЛАНІЯ.

Ахъ, ты здѣсь?

ЧЕПУРНОЙ.

А ты уже здѣсь? Гдѣ у васъ вода? Елизавета Федоровна проситъ...

ПРОТАСОВЪ.

Ей нехорошо?

ЧЕПУРНОЙ.

Нѣтъ, ничего... капли принять... (Идетъ въ столовую)

ПРОТАСОВЪ.

Меланія Николаевна, я на минутку оставлю васъ... надо взглянуть...

МЕЛАНІЯ.

Идите, идите! И возвращайтесь скорѣе...

ПРОТАСОВЪ.

Да, да! Вы-бы въ садъ пошли, а?

МЕЛАНІЯ.

Хорошо...

ПРОТАСОВЪ.

Тамъ Лиза... Нянька! Что-же—воду мнѣ? (Уходитъ)

ЧЕПУРНОЙ (выходитъ).

Ну, что, Маланья? Какъ дѣла?

МЕЛАНІЯ
(быстро и не громко).

Ты не знаешь, что такое гидатопироморфизмъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Чего?

МЕЛАНІЯ.

Гидато-пиро-морфизмъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Бѣсъ его знаетъ! А можетъ быть, водяной фейерверкъ...

МЕЛАНІЯ.

Врешь?

ЧЕПУРНОЙ.

Да ужъ такъ оно. Пиро — значитъ пиротехника, а метаморфоза—фокусъ. Что-жъ онъ, задачи тебѣ задаетъ?

МЕЛАНІЯ.

Не твое дѣло. Иди себѣ.

ЧЕПУРНОЙ.

А когда ты его у жены отобьешь, то мыльный заводъ построй: химику не надо будетъ жалованья платить... (Идетъ въ садъ)

МЕЛАНІЯ.

Какой ты грубый, Борисъ!

(Встаетъ, осматривается, входитъ Фима)

ФИМА.

Елизавета Федоровна просятъ васъ въ садъ...

МЕЛАНІЯ.

Хорошо... (Антоновна несетъ кастрюлю горячей воды. Фима въ столовой гремитъ посудой) Что это вы несете, няня?

АНТОНОВНА.

Кипятокъ Пашенькѣ...

МЕЛАНІЯ.

Ахъ, это для опытовъ...

АНТОНОВНА.

Да, все для нихъ... (Уходитъ)

МЕЛАНІЯ
(заглядывая въ столовую).

Фима!

ФИМА (въ дверяхъ).

Что-съ?

МЕЛАНІЯ.

Барыня каждый день ходитъ къ художнику?

ФИМА.

Въ дождь или когда пасмурно не ходятъ. Тогда г. Ваганъ сами здѣсь бываютъ...

МЕЛАНІЯ
(подходитъ ближе къ ней).

Ты, Фимка, умная?

ФИМА.

Не глупая-съ...

МЕЛАНІЯ.

Ну, ежели что замѣтишь за ними, мнѣ скажи,— поняла?

ФИМА.

Поняла...

МЕЛАНІЯ.

И—молчи. На. Въ долгу не останусь.

ФИМА.

Благодарю покорно... Онъ ей руки цѣлуетъ...

МЕЛАНІЯ.

Ну, это немного. Такъ смотри-же!

ФИМА.

Хорошо-съ... Я понимаю...

МЕЛАНІЯ.

Иду въ садъ... Выйдетъ Павелъ Федоровичъ, позови меня... (Уходитъ)

ФИМА.

Слушаю...

(Антоновна идетъ)

АНТОНОВНА.

Что гремишь чашками-то, какъ желѣзными? Перебьешь...

ФИМА.

Что я, не умѣю, что-ли, съ посудой обращаться?

АНТОНОВНА.

Ну, ну, не козыряй! Про что тебя купчиха спрашивала?

ФИМА
(идя въ столовую).

Про Лизавету Федоровну, насчетъ здоровья...

АНТОНОВНА (за ней).

Чай, сама бы пошла да поглядѣла, чѣмъ прислугу выспрашивать...

(Входитъ Назаръ Авдѣевъ съ террасы, снимаетъ картузъ, осматриваетъ комнату, вздыхая, щупаетъ пальцемъ обои. Кашляетъ)

ФИМА (въ столовой).

Она и пошла. А прислуга—тоже человѣкъ. И вы вѣдь прислуга...

АНТОНОВНА.

Я знаю, кто я. А только природные господа съ прислугой не разговариваютъ... они отдадутъ приказаніе—

и все... да! А теперь всѣ норовятъ въ баре, а повадки— какъ у твари... Кто это? (Выходитъ)

НАЗАРЪ.

Это мы. Добраго здоровьица, нянюшка!

АНТОНОВНА.

Вы что?

НАЗАРЪ.

Мнѣ-бы Павла Федоровича... Разговоръ къ нему имѣю...

АНТОНОВНА.

Ну... сейчасъ позову... (Идетъ)

ФИМА (выглядываетъ).

Здрассте, Назаръ Авдѣевичъ!

НАЗАРЪ.

Почетъ и уваженіе! Эхъ вы... махровая! Обманщица!

ФИМА.

Пожалуйста! Руками трогать не дозволяется...

НАЗАРЪ.

Такъ и не окажете вниманія вдовцу? Вечеркомъ чайку-бы попить...

ФИМА.

Тсс...

(Выходитъ Протасовъ,—сзади Антоновна)

ПРОТАСОВЪ.

Вы—ко мнѣ?

НАЗАРЪ.

Именно-съ!

ПРОТАСОВЪ.

Что такое?

НАЗАРЪ.

За квартирку-бы...

ПРОТАСОВЪ
(немного раздраженъ).

Послушайте: когда я продалъ вамъ этотъ домъ, я сотни денегъ ждалъ за вами цѣлые два года... а вы... когда нужно платить?

НАЗАРЪ.

Вчера-бы слѣдовало...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, вотъ! Вѣдь это—неделикатно... Я занятъ, а вы приходите... и прочее...

НАЗАРЪ.

Да я, собственно, не за этимъ... Я про деньги между прочимъ... чтобы самому себѣ напомнить...

ПРОТАСОВЪ.

Вы напоминайте вотъ нянькѣ или женѣ... Деньги есть, но—чортъ ихъ знаетъ, гдѣ онѣ! Гдѣ-то въ ящикѣ... Жена пришлетъ вамъ... вотъ нянька принесетъ... до свиданія!

(Антоновна уходитъ въ столовую)

НАЗАРЪ.

Дозвольте задержать васъ!

ПРОТАСОВЪ.

Что такое? Зачѣмъ?

НАЗАРЪ.

Насчетъ вашей землицы и дачки...

ПРОТАСОВЪ.

Ну?

НАЗАРЪ.

Вамъ-бы продать ее...

ПРОТАСОВЪ.

Какой-же дуракъ ее купитъ? Она никуда не годится... песокъ, ели...

НАЗАРЪ (вдохновенно).

Это вы справедливо! Земля—совершенно негодная...

ПРОТАСОВЪ.

Вотъ видите!

НАЗАРЪ.

И кромѣ меня никто ее не купитъ...

ПРОТАСОВЪ.

А вамъ зачѣмъ?

НАЗАРЪ.

Подъ одно-съ! Какъ я уже купилъ у сосѣда вашего... то и у васъ-бы надо...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, прекрасно, покупайте! Вы что-же все богатѣете, что-ли?

НАЗАРЪ.

То-есть, какъ сказать? Расширяюсь...

ПРОТАСОВЪ.

Смѣшной вы! Ну, зачѣмъ вамъ песокъ?

НАЗАРЪ.

А видите-съ... сынъ мой кончилъ коммерческое училище и вышелъ очень образованный человѣкъ. Насчетъ промышленности очень онъ сообразителенъ... вотъ и я возымѣлъ охоту къ расширенію русской промышленности... для чего думаю заводикъ поставить, чтобы пивныя бутылки выдувать...

(Фима въ дверяхъ изъ столовой, слушаетъ)

ПРОТАСОВЪ (хохочетъ).

Нѣтъ, вы чудакъ! А ссудную кассу закроете?

НАЗАРЪ.

Зачѣмъ-же? Ссудная касса—это для души... это предпріятіе благотворительное... дѣйствующее на помощь ближнему...

ПРОТАСОВЪ (смѣясь).

Да? Ну, хорошо... покупайте мою землю... покупайте... до свиданія! (Смѣясь, уходитъ)

НАЗАРЪ.

Позвольте-съ! Мм... Ефимья Ивановна, что-же это онъ ушелъ? Вѣдь для того, чтобы куплю-продажу совершить, двоихъ надо, а онъ ушелъ!

ФИМА
(пожимая плечами).

Извѣстно—блажной...

НАЗАРЪ.

Мм... неосновательно! Стало быть—до свиданія!

(Уходитъ)

РОМАНЪ
(сзади Фимы).

Гдѣ печка дымитъ?

ФИМА.

Охъ, чтобъ тебѣ лопнуть! Что ты?

РОМАНЪ.

Чего боишься? Печка, слышь, дымитъ?

МИША
(вбѣгая изъ столовой).

Да не здѣсь, буйволъ! Въ кухнѣ!

РОМАНЪ.

Ну... а я думалъ—здѣсь... (Идетъ)

МИША (быстро).

Ну, Фимка, какъ-же? Квартира и пятнадцать рублей въ мѣсяцъ идетъ?

ФИМА.

Подите вы прочь, охальникъ! Что это—точно лошадь покупаете!

МИША.

Ну, нечего тамъ! Я человѣкъ дѣловой. Ты подумай, за кого ты можешь замужъ выйти? За мастерового, а онъ тебя бить будетъ, вонъ какъ нашъ слесарь жену свою.. А я тебя устрою скромно, но чистенько, сытно, и вообще—займусь твоимъ образованіемъ...

ФИМА.

Ну васъ тутъ... Я дѣвушка честная... къ тому-же мнѣ мясникъ Храповъ сто рублей въ мѣсяцъ предлагаетъ...

МИША.

Старикъ вѣдь, дура! Ты сообрази...

ФИМА.

Я и не согласна съ нимъ...

МИША.

Ну, вотъ видишь, дурочка моя! Я-же тебѣ...

ФИМА.

Давайте семьдесятъ пять...

МИША.

Что-о? Семьдесятъ пять?

ФИМА.

И чтобъ на всѣ деньги, сколько слѣдуетъ за годъ векселъ мнѣ...

МИША (изумленъ).

Однако-съ, вы...

ФИМА.

Да-съ... (Краснорѣчиво смотрятъ другъ на друга. Съ террасы входитъ Егоръ, порядочно выпивши) Тише... Вашъ папаша ушли...

МИША.

Ушелъ? Извините... (Уходитъ)

ФИМА.

Ты куда это лѣзешь? Черезъ кухню не могъ? Хозяинъ дома черезъ кухню ходитъ, а ты...

ЕГОРЪ.

Молчи... Зови мнѣ барина...

ФИМА.

Да еще и пьяный! Какъ же баринъ говорить съ тобой будетъ?

ЕГОРЪ.

Не твое дѣло! Зови! Я самъ буду говорить... Иди!

ФИМА
(убѣгаетъ въ столовую).

Няня! Нянька!

ПРОТАСОВЪ
(выходитъ изъ-за портьеры).

Что вы кричите, Фима? Ахъ, это вы... Егоръ... Что вамъ? Я занятъ... пожалуйста скорѣе.

ЕГОРЪ.

Погодите... Я нѣсколько выпилъ... трезвый я говорить не умѣю...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, хорошо... въ чемъ дѣло?

(Антоновна изъ столовой, за ней Фима)

ЕГОРЪ.

Давеча ты при людяхъ обидѣлъ меня... началъ говорить насчетъ жены... ты кто такой, чтобы обижать?

ПРОТАСОВЪ.

Вотъ видишь, старуха? Ага! Егоръ, я не хотѣлъ обижать васъ...

ЕГОРЪ.

Нѣтъ, погоди! Я съ малыхъ лѣтъ въ обидѣ живу...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, да, Егоръ... я понимаю...

ЕГОРЪ.

Стой! Меня никто не любитъ и никто меня пе пони-

маетъ. И жена не любитъ... А я хочу, чтобы меня любили, дьяволъ васъ...

ПРОТАСОВЪ

Не надо кричать...

АНТОНОВНА.

Ахъ, пьяная рожа, а?

ЕГОРЪ.

Человѣкъ я, или нѣтъ? Почему меня всѣ обижаютъ?

АНТОНОВНА.

Батюшки, да что-же это?

(Бѣжитъ въ столовую. На дворѣ слышенъ ея крикъ)

ПРОТАСОВЪ.

Вы успокойтесь, Егоръ.. Видите-ли, это нянька сказала мнѣ...

ЕГОРЪ.

Няньку надо прочь... у тебя ужъ борода выросла... бородатому нянька—не указъ. Ты слушай: я тебя уважаю... я вѣдь вижу: ты человѣкъ особенный... это я чувствую... Ну, тѣмъ обиднѣе мнѣ, что ты при людяхъ... э-эхъ ты! Хочешь, я на колѣнки встану передъ тобой? Одинъ на одинъ—и это мнѣ не обидно... но, чтобы при скотскомъ докторѣ... А жену я вздую... изувѣчу... Я ее люблю и она меня должна...

(Вбѣгаютъ Чепурной, Меланія, Лиза, Антоновна, Фима)

ЛИЗА.

Что такое? Что это, Павелъ?

ЧЕПУРНОЙ
(удерживая Лизу).

Въ чемъ дѣло? А ну-те?

ПРОТАСОВЪ.

Позвольте, господа...

МЕЛАНІЯ.

Няня, пошлите за дворникомъ!

АНТОНОВНА
(уходитъ и кричитъ).

Романъ!

ЕГОРЪ.

Ишь, налетѣло воронье... Шугни ихъ хорошенько, Павелъ Федоровичъ!

ЧЕПУРНОЙ.

Вы-бы, добрый человѣкъ, шли себѣ до вашего дому, а?

ЕГОРЪ.

Я—не добрый человѣкъ...

ЧЕПУРНОЙ
(хмуритъ брови).

И все-жъ таки—идите!..

МЕЛАНІЯ.

Надо полицію...

ПРОТАСОВЪ.

Пожалуйста—ничего не надо! Вы, Егоръ, идите... а потомъ—я самъ приду къ вамъ.

(Антоновна и Романъ являются въ дверяхъ столовой).

ЕГОРЪ.

О? Придешь?

ПРОТАСОВЪ.

Приду...

ЕГОРЪ.

Ну, ладно... смотри-же! Не врешь?

ПРОТАСОВЪ.

Честное слово!

ЕГОРЪ.

Вотъ! Ну, прощай!.. А всѣ эти люди—какъ пыль противъ тебя... прощай! (Уходитъ)

РОМАНЪ.

Меня, значитъ, не надо?

ПРОТАСОВЪ.

Не надо, идите! Ф-фу... Ну, видишь, старуха? (Антоновна вздыхаетъ) Вотъ что ты натворила...

ЛИЗА.

Я боюсь этого человѣка... боюсь!

МЕЛАНІЯ.

Вы ужъ очень деликатны, Павелъ Федоровичъ!

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ, вѣдь я дѣйствительно виноватъ предъ нимъ...

ЛИЗА.

Нужно взять другого слесаря, Павелъ.

ЧЕПУРНОЙ.

Мастеровые—они всѣ пьяницы...

ПРОТАСОВЪ.

Какъ это нервитъ и утомляетъ! Мнѣ не везетъ сегодня... Вторгаются какія-то глупыя мелочи... У меня тамъ

сложный опытъ съ ціановой кислотой, а тутъ... Налей мнѣ чаю, Лиза!

ЛИЗА.

Я скажу, чтобъ чай перенесли сюда... ты не любишь столовой... (Уходитъ)

ПРОТАСОВЪ.

Да... хорошо... Я вообще не люблю темныхъ комнатъ, а свѣтлыхъ въ этомъ домѣ нѣтъ...

МЕЛАНІЯ.

Ахъ, я васъ понимаю, Павелъ Федоровичъ!

ЧЕПУРНОЙ.

Маланья! Какъ это слово?

МЕЛАНІЯ.

Какое слово?

ЧЕПУРНОЙ.

А вотъ ты спрашивала меня...

МЕЛАНІЯ.

Ничего я не спрашивала...

ЧЕПУРНОЙ.

Забыла? Вотъ такъ! Она, знаете, коллега, когда отъ васъ мудреное слово услышитъ, то у меня спрашиваетъ, что оно значитъ?

МЕЛАНІЯ (обиженно).

Ты, Борисъ... ужасный человѣкъ! У меня плохая память на иностранныя слова... надъ чѣмъ тутъ смѣяться?

(Фима входитъ, ловко накрываетъ столъ у окна и постепенно переноситъ чай)

ПРОТАСОВЪ.

Вы о чемъ у него спрашивали?

МЕЛАНІЯ (виновато).

Я... забыла, что такое гидато-пироморфизмъ.

ЧЕПУРНОЙ.

А я ей сказалъ, что то водяной фейерверкъ.

ПРОТАСОВЪ (хохочетъ).

Что-о?

(Лиза входитъ и хлопочетъ у стола)

МЕЛАНІЯ.

Какъ тебѣ не стыдно, Борисъ!

ПРОТАСОВЪ (съ улыбкой).

А странныя у васъ отношенія... вы всегда какъ бы враждуете другъ съ другомъ... извините, можетъ быть, я безтактно говорю?

МЕЛАНІЯ.

Ахъ, полноте! Борисъ не любитъ меня... мы съ нимъ, какъ чужіе... Онъ воспитывался въ Полтавѣ у тетки, я—въ Ярославлѣ у дяди... Вѣдь мы—сироты...

ЧЕПУРНОЙ.

Казанскіе...

МЕЛАНІЯ.

Встрѣтились мы уже взрослыми... и не понравились другъ другу... Борисъ вѣдь никого не любитъ... у него не удалась жизнь, и онъ на всѣхъ сердится за это... Онъ ко мнѣ и не ходитъ даже...

ЧЕПУРНОЙ.

А знаете, коллега, когда ея мужъ старенькій живъ былъ, придешь къ ней, такъ онъ проситъ меня, чтобъ я полечилъ его...

МЕЛАНІЯ.

Врешь вѣдь...

ЧЕПУРНОЙ.

Говорю ему: я не всѣхъ скотовъ лечить умѣю...

ЛИЗА.

Борисъ Николаевичъ!

(Протасовъ смущенно смѣется)

ЧЕПУРНОЙ.

Пересолилъ?

ЛИЗА.

Пейте чай...

ЧЕПУРНОЙ.

И ступайте домой. Понимаю...

МЕЛАНІЯ.

Павелъ Федоровичъ! А помните, вы хотѣли показать мнѣ водоросль подъ микроскопомъ?

ПРОТАСОВЪ.

Т.-е., клѣтку водоросли... да, какъ же... гм... Это можно... даже сейчасъ -хотите?

МЕЛАНІЯ.

Ахъ, пожалуйста! Я буду такъ рада...

ПРОТАСОВЪ.

Пойдемте... Только у меня тамъ запахъ... (Идетъ)

МЕЛАНІЯ
(идя за нимъ).

Ничего, ничего!

ЧЕПУРНОЙ.

Комедія! Водорослей захотѣла корова!

ЛИЗА (огорченно).

Борисъ Николаевичъ! Вы такой правдивый, простой и сильный... но...

ЧЕПУРНОЙ.

Бейте сразу!

ЛИЗА.

Зачѣмъ вы напускаете на себя эту грубость, эту тяжелую, непріятную насмѣшливость? Зачѣмъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Да я ничего не напускаю...

ЛИЗА.

Въ жизни такъ много грубаго и жесткаго... такъ много ужаснаго... надо быть мягче, надо быть добрѣе...

ЧЕПУРНОЙ.

Зачѣмъ же лгать? Люди грубы и жестоки, это ихъ природа...

ЛИЗА.

Нѣтъ, неправда!

ЧЕПУРНОЙ.

А какъ же неправда? Вы и сами такъ думаете... и чувствуете такъ... Развѣ вы не говорите, что люди — звѣри, что они грубы, грязны и вы боитесь ихъ? Я тоже знаю это и вѣрю вамъ... А когда вы говорите,— надо любить людей, я не вѣрю. Это вы отъ страха говорите...

ЛИЗА.

Вы не понимаете меня!

ЧЕПУРНОЙ.

Можетъ быть... Но я понимаю, что любить можно полезное или пріятное: свинью, потому что она ветчину и сало даетъ, музыку, рака, картину... А человѣкъ — онъ же безполезенъ и непріятенъ...

ЛИЗА.

Боже мой! Зачѣмъ такъ говорить?

ЧЕПУРНОЙ.

Надо говорить правду, какъ ее чувствуешь... А добрымъ я пробовалъ быть. Взялъ какъ-то мальчишку съ улицы, воспитать думалъ, а онъ скралъ у меня часы и—удралъ! А то дѣвицу взялъ, тоже, знаете, съ улицы... молодая еще дѣвица была... думалъ—поживемъ, а тамъ и повѣнчаемся... Такъ она напилась однажды пьяная, и въ физіономію мнѣ...

ЛИЗА.

Перестаньте! Какъ вы не понимаете, что объ этомъ нельзя разсказывать?

ЧЕПУРНОЙ.

А чего-жъ? Мнѣ бы именно все надо разсказать однажды, всю жизнь мою... можетъ, оттого сталъ бы я чище душой.

ЛИЗА.

Вамъ надо жениться...

ЧЕПУРНОЙ.

Эге! И я говорю—надо...

ЛИЗА.

Найдите себѣ дѣвушку...

ЧЕПУРНОЙ (спокойно).

Вы-же знаете: дѣвушку нашелъ я, и второй годъ хожу около нея, какъ медвѣдь около дупла съ медомъ...

ЛИЗА.

Вы—снова? Милый Борисъ Николаевичъ, не надо! Я сказала вамъ мое рѣшительное слово... оно не измѣнится никогда, ни въ одномъ звукѣ!

ЧЕПУРНОЙ.

А можетъ быть? Я—хохолъ, а они упрямы... А можетъ быть?...

ЛИЗА
(почти со страхомъ).

Нѣтъ!..

ЧЕПУРНОЙ.

Ну, поговоримте пока о другомъ...

ЛИЗА.

Вы пугаете меня своимъ упрямствомъ...

ЧЕПУРНОЙ.

А вы не бойтесь... Ничего не бойтесь...

(Пауза. Около террасы ворчитъ Романъ. Лиза, вздрогнувъ, смотритъ въ окно)

ЛИЗА.

За что вы такъ нехорошо относитесь къ вашей сестрѣ?

ЧЕПУРНОЙ (спокойно).

Она—дура, да еще и подлая...

ЛИЗА.

Боже мой!

ЧЕПУРНОЙ.

Не буду, не буду! Вотъ бѣда человѣку не имѣть на языкѣ красныхъ словъ!.. Сестра, говорите? Что-жъ она? Двадцати лѣтъ вышла замужъ за богатаго старика,— зачѣмъ это? Потомъ едва не порѣшила себя отъ тоски и отвращенія къ нему: разъ ее съ отдушника сняли,— повѣсилась... а то еще нашатырный спиртъ пила... Вотъ—умеръ онъ,—она теперь и бѣсится...

ЛИЗА.

Можетъ быть, вы сами виноваты, зачѣмъ не поддержали ее?

ЧЕПУРНОЙ.

Можетъ, виноватъ, а, можетъ, и поддерживалъ...

ЛИЗА.

Но казнить ее за это...

ЧЕПУРНОЙ.

А я не только за это. Вы вотъ не понимаете, зачѣмъ она сюда ходитъ... а я понимаю...

ЛИЗА.

Не развивайте мнѣ вашихъ догадокъ! Вы лучше подумайте, кто далъ вамъ право быть судьей ея?

ЧЕПУРНОЙ.

А вамъ кто далъ право судить людей? И всѣ люди пользуются этимъ правомъ безъ разрѣшенія... Не судить, какъ не ѣсть, невозможно для человѣка...

МЕЛАНІЯ

(выходитъ, взволнованная, за ней Протасовъ).

Павелъ Федоровичъ... я понимаю, но — неужели это правда?

ПРОТАСОВЪ.

Ну, да. Все—живетъ, всюду жизнь. И всюду тайны. Вращаться въ мірѣ чудесныхъ, глубокихъ загадокъ бытія, тратить энергію своего мозга на разрѣшеніе ихъ—вотъ истинно человѣческая жизнь, вотъ гдѣ неисчерпаемый источникъ счастья и животворной радости! Только въ области разума человѣкъ свободенъ, только тогда онъ—человѣкъ, когда разуменъ, и если онъ разуменъ, онъ честенъ и добръ! Добро создано разумомъ, безъ сознанія—нѣтъ добра! (Быстро выхватываетъ часы, смотритъ) Но, вы извините... я долженъ идти... да, пожалуйста... чортъ возьми! (Уходитъ)

МЕЛАНІЯ.

Если-бъ вы слышали, что́ онъ говорилъ тамъ... какъ онъ говорилъ! Мнѣ говорилъ, одной мнѣ, Меланіи Кирпичовой, да! Первый разъ въ жизни со мной такъ говорили... о такихъ чудесахъ... со мной! Борисъ—смѣется... ну, что-же, Борисъ? (Со слезами въ голосѣ) Я вѣдь не говорю, что поняла его мысли, развѣ я говорю это? Я—дура... Лизавета Федоровна, я смѣшная? Голубушка моя... вы подумайте: живешь, живешь, такъ какъ-то, точно спишь... вдругъ — толкнетъ, откроешь глаза — утро, солнце — и ничего не видишь сразу-то, только свѣтъ! И такъ вздохнешь всей душой, такой радостью чистой вздохнешь... Точно заутреня на Пасху...

ЧЕПУРНОЙ.

Да чего ты?

ЛИЗА.

Выпейте чаю... сядьте! Вы такъ взволнованы...

МЕЛАНІЯ.

Тебѣ не понять, Борисъ! Нѣтъ, спасибо... не буду чаю... я уйду. Вы меня извините, Лизавета Федоровна...

я вамъ нервы разстроила. Я пойду... до свиданія! Вы скажите ему,—ушла, молъ... благодаритъ, молъ... Радость вы моя, какой онъ свѣтлый... чудный какой!

(Уходитъ въ дверь на террасу)

ЧЕПУРНОЙ.

Чего она? Не понимаю...

ЛИЗА.

Я—понимаю. Когда-то и на меня Павелъ дѣйствовалъ вотъ такъ же... Говоритъ, и съ моихъ глазъ, съ мозга точно пелена спадаетъ... такъ ясно все, такъ стройно, загадочно и просто, ничтожно и огромно! А потомъ я узнала настоящую жизнь, полную грязи, звѣрства, безсмысленной жестокости... душу мою охватилъ страхъ и недоумѣніе... и вотъ тогда я попала въ больницу...

ЧЕПУРНОЙ.

Вамъ бы не вспоминать объ этомъ... Что-жъ больница? Была, и нѣтъ ея...

ЛИЗА.

Будетъ.

(На террасѣ—Елена и Вагинъ)

ЧЕПУРНОЙ.

Кто-то идетъ... ага! Елена Николаевна... И художникъ... Пора уже мнѣ уходить...

ЕЛЕНА.

А, Борисъ Николаевичъ! Павелъ у себя, Лиза? Налей мнѣ, пожалуйста, чаю... (Идетъ къ мужу)

ЧЕПУРНОЙ.

Чего вы такой блѣдный и взъерошенный, Дмитрій Сергѣевичъ?

ВАГИНЪ.

Развѣ? Не знаю! Какъ ваши успѣхи въ живописи, Лиза?

ЛИЗА.

Я сегодня не писала...

ВАГИНЪ.

Жаль. Краски успокаиваютъ нервы...

ЧЕПУРНОЙ.

По васъ того не видно...

ВАГИНЪ.

Не всѣ, конечно...

ЛИЗА (вздрогнувъ).

И—не красная...

ЧЕПУРНОЙ.

До свиданія... пойду! Пойду на рѣчку раковъ ловить. А потомъ—сварю ихъ и буду ѣсть, пить пиво... и курить. Да не провожайте, Елизавета Федоровна, я еще ворочусь... завтра же. (Елена выходитъ) До свиданія, Елена Николаевна!

ЕЛЕНА.

Уходите? До свиданія...

(Чепурной и Лиза уходятъ)

ВАГИНЪ.

Онъ занятъ?

ЕЛЕНА.

Да... Скоро придетъ...

ВАГИНЪ.

Все возится со своей нелѣпой идеей создать гомункула...

ЕЛЕНА.

Какой тонъ... стыдитесь!

ВАГИНЪ.

Но если меня раздражаетъ эта дрянная мыслишка педантовъ! И простить ему отношеніе къ вамъ я не могу. Это чудовищно...

ЕЛЕНА.

Я готова раскаяться въ томъ, что позволила себѣ быть откровенной съ вами...

ВАГИНЪ.

Вы должны быть свободнымъ человѣкомъ и того, кто васъ не цѣнитъ, вы не должны щадить...

ЕЛЕНА.

Я такъ и сдѣлаю... вы увидите!

ВАГИНЪ.

Когда? Чего вы ждете?

ЕЛЕНА.

Мнѣ нужно знать, какое мѣсто занимаю я въ душѣ его...

ВАГИНЪ.

Никакого!

ЕЛЕНА
(съ тонкой улыбкой).

Если это такъ, это хорошо. Тогда все рѣшается

просто: я не нужна ему,—я ухожу. А если нѣтъ? Если его любовь только утомлена, отодвинута въ глубину его души силой идеи, охватившей его? Я уйду отъ него, и вдругъ въ его душѣ снова вспыхнетъ...

ВАГИНЪ.

Вамъ этого хочется? да?

ЕЛЕНА.

Вы понимаете, какая драма ждетъ его? А я — ненавижу драмы.

ВАГИНЪ.

За него ли боитесь вы?

ЕЛЕНА.

Я не хочу мѣшать ему жить...

ВАГИНЪ.

Вы разсуждаете, значитъ, вы не хотите. Желая сильно, не разсуждаютъ...

ЕЛЕНА.

Звѣри. Не разсуждаютъ — животныя. А человѣкъ долженъ поступать такъ, чтобъ на землѣ было меньше зла...

ВАГИНЪ.

Приносить себя въ жертву долгу и прочее... На васъ дурно вліяетъ Лиза съ ея кислой философіей...

ЕЛЕНА.

Зло—противно. Страданіе—отвратительно... Я считаю страданіе позоромъ для себя, и нечестно, некрасиво причинять страданіе другимъ.

ВАГИНЪ.

Какъ вы разсудочны!... Но все же вашимъ языкомъ говоритъ душа рабыни... Вы приносите себя въ жертву— кому? Человѣку, который разлагаетъ жизнь на мельчайшія частицы въ тупомъ стремленіи найти ея начало! Нелѣпая идея! Онъ служитъ черной смерти... а не свободѣ, не красотѣ и радости. И ему не нужна ваша жертва...

ЕЛЕНА.

Спокойнѣе, мой другъ! Я ничего не говорю о жертвѣ... И у меня нѣтъ причинъ вѣрить въ силу вашихъ чувствъ...

ВАГИНЪ.

Вы не вѣрите въ мою любовь?

ЕЛЕНА.

Скажемъ такъ, я не вѣрю себѣ... (Лиза входитъ)

ВАГИНЪ.

Какъ вы... холодны!

ЕЛЕНА.

Я говорю искренно...

ЛИЗА.

Сегодня Павлу цѣлый день мѣшали...

ЕЛЕНА.

Кто?

ЛИЗА.

Всѣ—няня, этотъ слесарь, домохозяинъ...

ЕЛЕНА.

Это раздражало Павла?

ЛИЗА.

Я думаю...

ЕЛЕНА.

Досадно...

(Вагинъ выходитъ на террасу)

ЛИЗА.

Прости меня, но ты ужасно мало обращаешь внимания на него...

ЕЛЕНА.

Онъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ...

ЛИЗА (встаетъ).

Можетъ быть, потому, что съ тобой непріятно говорить... (Идетъ къ себѣ на верхъ)

ЕЛЕНА (мягко).

Лиза! Ты снова... Лиза, ты не права... Послушай-же...

(Лиза не отвѣчаетъ. Елена смотритъ вслѣдъ ей, пожимаетъ плечами и, нахмуривъ брови, медленно идетъ къ двери на террасу. Фима изъ столовой)

ФИМА.

Барыня!

ЕЛЕНА.

А... что вамъ?

ФИМА.

Безъ васъ приходила Меланія Николаевна, и говорить мнѣ... (Пауза)

ЕЛЕНА (задумчиво).

Да... что же она говоритъ?

ФИМА.

Мнѣ такъ неприлично стало...

ЕЛЕНА.

Если неприлично, не надо говорить...

ФИМА.

Она сказала: слѣди, говоритъ, за барыней,—за вами, то-есть...

ЕЛЕНА.

Что такое? Вы всегда, Фима, выдумываете какія-нибудь глупости... идите, пожалуйста!

ФИМА.

Это не глупости, честное слово! Слѣди, говоритъ, за ней и г. Вагинымъ.

ЕЛЕНА (не громко).

Ступайте вонъ!

ФИМА.

Я-же не виновата! И вотъ рубль дала...

ЕЛЕНА.

Вонъ!

(Фима быстро уходитъ. Протасовъ спѣшно выходитъ изъ-за портьеры)

ПРОТАСОВЪ.

Что ты кричишь, Лёна, а? Ага! Война съ Фимой... Это, знаешь, удивительная дѣвица. У нея какія-то осо-

бенныя юбки: онѣ за все задѣваютъ, все опрокидываютъ, бьютъ... Я побуду съ тобой минутъ... ровно десять! Налей мнѣ чаю... А Дмитрій—не пришелъ?

ЕЛЕНА.

Онъ на террасѣ.

ПРОТАСОВЪ.

И Лиза тамъ?

ЕЛЕНА.

Лиза у себя...

ПРОТАСОВЪ.

Ты какъ будто не въ духѣ, а?

ЕЛЕНА.

Немного устала...

ПРОТАСОВЪ.

Какъ подвигается твой портретъ?

ЕЛЕНА.

Ты спрашиваешь объ этомъ каждый день...

ПРОТАСОВЪ.

Развѣ? А, вотъ Дмитрій... и сердитый! Отчего?

ВАГИНЪ.

Такъ... Однажды я напишу вашъ садъ... вотъ въ это время на закатѣ...

ПРОТАСОВЪ.

И это тебя уже заранѣе сердитъ?

ВАГИНЪ.

Ты сострилъ?

ЕЛЕНА.

Вамъ чаю?

ПРОТАСОВЪ (встаетъ).

Вы оба не въ духѣ... Пойду въ кухню... тамъ у меня... Налей мнѣ еще, Лена!..

ВАГИНЪ.

Вотъ онъ однажды посадитъ васъ въ колбу, обольетъ какой-нибудь кислотой и будетъ наблюдать, какъ вамъ это понравится...

ЕЛЕНА.

Не говорите вздора... если вамъ не хочется...

ВАГИНЪ
(просто, искренно).

Я никогда не испытывалъ такого могучаго чувства, какъ мое отношеніе къ вамъ... оно меня мучаетъ... но и возвышаетъ меня...

ЕЛЕНА.

Да?

ВАГИНЪ.

Мнѣ хочется быть предъ вами всѣхъ выше, лучше, ярче...

ЕЛЕНА.

Это хорошо.. я очень рада за васъ...

ВАГИНЪ.

Елена Николаевна! Повѣрьте мнѣ...

ПРОТАСОВЪ
(въ столовой, потомъ входитъ, держа въ рукахъ какой-то металлическій сосудъ).

Старуха, отстань! И почему кухарка—плюсъ мужъ? Бери просто кухарку, какъ таковую... а меня оставь!

ЕЛЕНА.

Няня. Я васъ просила...

ПРОТАСОВЪ.

Вотъ, старая смола. Нефтяные остатки!
(Уходитъ къ себѣ)

ЕЛЕНА.

Я просила васъ не тревожить Павла...

АНТОНОВНА.

Позвольте, матушка Елена Николаевна, спросить, кто же въ этомъ домѣ хозяинъ? Павлуша—занятъ, Лиза—больной человѣкъ, вы—цѣлые дни дома не бываете...

ЕЛЕНА.

Но Павла не должны касаться мелочи...

АНТОНОВНА.

А ужъ за этимъ вы сами смотрите..

ЕЛЕНА.

Не доставало только, чтобъ вы меня учили...

АНТОНОВНА.

А что-же? Если я вижу, что домъ брошенъ и Павлуша безъ вниманія...

ЕЛЕНА (мягко).

Я васъ прошу, уйдите, няня!

АНТОНОВНА.

Хорошо-съ... Но и покойница генеральша изъ комнатъ меня не выгоняли...

(Уходитъ, обиженная. Елена встаетъ, нервно расхаживаетъ по комнатѣ. Вагинъ съ усмѣшкой смотритъ на нее)

ЕЛЕНА.

Васъ забавляетъ это?

ВАГИНЪ.

Немножко глупости—всегда забавно! (Горячо) Нужно уйти изъ этого дома! Вы созданы для красивой, свободной жизни...

ЕЛЕНА (задумчиво).

Возможна ли такая жизнь, когда вокругъ насъ всюду дикіе люди? Это странно: чѣмъ крупнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе около него пошлости... вотъ такъ вѣтеръ сметаетъ всякій хламъ къ стѣнѣ высокаго зданія... (Протасовъ идетъ, подавленный и блѣдный. Въ немъ есть что-то дѣтское, безпомощное и обаятельное въ своей искренности. Говоритъ не громко и точно виноватый) Ты что, Павелъ? Что съ тобой?

ПРОТАСОВЪ.

Она—раскислилась,—понимаешь? Да, раскислилась... А опытъ былъ обставленъ строго... я все принялъ во вниманіе...

(Смотритъ на жену и какъ бы не видитъ ея. Проходитъ къ столу, садится, нервно шевелитъ пальцами... Вынимаетъ изъ кармана записную книжку, быстро чертитъ карандашомъ и погружается въ это. Вагинъ молча жметъ руку Елены и уходитъ)

ЕЛЕНА (не громко).

Павелъ... (Громче) Милый Павелъ... ты очень огорченъ? да?

ПРОТАСОВЪ (сквозь зубы).

Подожди... Почему она раскислилась?

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Направо стѣна дома и широкая терраса съ перилами. Нѣсколько балясинъ изъ перилъ выпали. На террасѣ два стола; одинъ большой, обѣденный; другой, въ углу, маленькій,—на немъ разбросаны кости и лото. Задній бокъ террасы затянутъ парусиной. Во всю длину двора, до забора въ глубинѣ его, стоитъ зеленая, старая рѣшетка, а за нею садъ. Вечеръ. Изъ-за угла террасы идутъ Чепурной и Назаръ Авдѣевичъ.

НАЗАРЪ.

Такъ—ничего, пройдетъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Ничего...

НАЗАРЪ.

Это—пріятно. Оно, хотя лошаденка и не мудрая, а все денегъ стоитъ... Шестьдесятъ рублей дано за нее семь лѣтъ тому назадъ, да сколько овса съѣла за это время... Но ежели она не поправится,—вы скажите,—тогда я ее продамъ...

ЧЕПУРНОЙ.

Что-жъ, вы думаете—у другого хозяина она здорова будетъ?

НАЗАРЪ.

А ужъ это не мое дѣло! Г. докторъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Чего?

НАЗАРЪ.

Есть у меня къ вамъ одна деликатная просьбица,—только не знаю, какъ ее выразить...

ЧЕПУРНОЙ (закуривая).

Выражайте короче...

НАЗАРЪ.

Это самое резонное. Просьбишка моя, изволите-ли видѣть...

ЧЕПУРНОЙ.

Еще короче...

НАЗАРЪ.

Касаемо г. Протасова...

ЧЕПУРНОЙ.

Эге... ну?

НАЗАРЪ.

Видите-ли, сынъ мой, обучившись въ коммерческомъ училищѣ промышленности, говоритъ, что, дескать, нынѣ химія большую силу беретъ... И самъ я вижу,—туалетныя мыла, духи, помады и подобный товаръ идетъ ходко и большой барышъ даетъ...

ЧЕПУРНОЙ.

А ну, еще короче...

(Миша выглядываетъ изъ-за угла. Чепурной замѣчаетъ его)

НАЗАРЪ.

Никакъ не могу,—затѣя очень фигурная... Уксусъ, напримѣръ, эссенціи всякія... и многое другое... И вотъ—смотрю я на г. Протасова: безъ пользы они матеріалъ и время тратятъ... и отъ этого въ скорости и проживутся они, надо думать... Такъ вотъ—поговорите вы съ ними...

ЧЕПУРНОЙ.

Насчетъ уксуса поговорить?

НАЗАРЪ.

Вообще... Вы на то упирайте, что должны они скоро безъ средствъ остаться... И вотъ я предлагаю имъ дѣльце: я имъ заводикъ поставлю, а они полезный товаръ работать будутъ. Денегъ у нихъ нѣтъ для компаніи, ну я векселечки возьму...

ЧЕПУРНОЙ (усмѣхаясь).

А вы—добрый, э?

НАЗАРЪ.

Сердце у меня очень мягкое! Вижу вотъ, что человѣкъ безъ пользы обращается, и сейчасъ мнѣ хочется въ дѣло его употребить. Къ тому-же и они—господинъ, стоющій вниманія! На рожденіе супруги своей фейерверкъ они заготовили — Боже мой! Высокое искусство было обнаружено ими... Такъ поговорите?.. а?

(Фима на террасѣ. Готовитъ чай)

ЧЕПУРНОЙ.

Поговорю...

НАЗАРЪ.

Большую пользу принесете имъ, какъ я разумѣю... А пока—до свиданія!

ЧЕПУРНОЙ.

До свиданія! (Фимѣ) А гдѣ господа?

ФИМА.

Баринъ—у себя, а барыня въ саду... съ г. Вагинымъ, и Елизавета Федоровна тамъ...

ЧЕПУРНОЙ.

Ну, пойду и я въ садъ...

МИША
(быстро выходитъ изъ-за угла).

Извините... не имѣю удовольствія знать имени и отчества вашего...

ЧЕПУРНОЙ.

Ничего. Вѣдь и я вашего тоже не знаю...

МИША.

Михаилъ Назаровъ Выгрузовъ—къ вашимъ услугамъ!

ЧЕПУРНОЙ.

Какія-же услуги? Мнѣ отъ васъ ничего не нужно...

МИША (покровительственно).

Это—изъ вѣжливости говорится. Я былъ случайнымъ свидѣтелемъ разговора вашего съ отцомъ моимъ...

ЧЕПУРНОЙ.

Я видѣлъ этотъ случай... Скажите, чего-жъ вы такъ ногами дрыгаете?

МИША.

Это—отъ нетерпѣнія... отъ стремленія... Характеръ у меня живой...

ЧЕПУРНОЙ.

Куда-жъ вы стремитесь?

МИША.

Т. е., какъ? Живость у меня... вообще...

ЧЕПУРНОЙ.

Ага! Понимаю... До свиданія!

МИША.

Позвольте! Я имѣю сказать вамъ...

ЧЕПУРНОЙ.

Чего сказать?..

МИША.

По поводу предложенія папаши. Видите-ли, это моя идея... только папаша изложилъ вамъ ее не такъ ясно...

ЧЕПУРНОЙ.

Нѣтъ, ничего, я понялъ...

МИША.

А можетъ быть, вы сдѣлаете мнѣ честь пожаловать сегодня въ девять часовъ, на Троицкую, ресторанъ Парижъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Нѣтъ, знаете, не сдѣлаю я этой чести и вамъ.

МИША.

Очень грустно...

ЧЕПУРНОЙ
(вздохнувъ съ облегченіемъ).

И мнѣ тоже... (Идетъ въ садъ)

МИША
(презрительно смотритъ вслѣдъ ему).

Невѣжа! Настоящій скотскій докторъ!

ФИМА.

Что? И говорить-то съ вами не хотятъ!

МИША.

А знаешь, Фимка, что я могу съ тобой сдѣлать?

ФИМА.

Ничего...

МИША.

А вотъ заявлю, что кольцо, которое я тебѣ подарилъ, ты у меня украла... Помощникъ пристава мой знакомый...

ФИМА.

Не испугалась! Онъ за мной ухаживаетъ, помощникъ-то!

МИША.

Тѣмъ хуже для тебя... Нѣтъ, Фима, я шучу. Давай говорить серьезно: двадцать пять и квартира—идетъ?

ФИМА.

Подите вы! Я дѣвушка честная...

МИША.

Дура ты... вотъ что! Ну, слушай!—у меня товарищъ есть, Зотиковъ, красавецъ и богачъ... хочешь—познакомлю?

ФИМА.

Опоздали! Онъ ужъ два раза ко мнѣ письма присылалъ... что?

МИША
(пораженъ и негодуетъ).

Врешь? Ахъ, подлецъ! Ну—люди! Вотъ жулье... тьфу! А ты, Фима,—молодецъ... т.-е., женился бы на тебѣ, если-бъ не надо было на богатой жениться...

ФИМА (тихо).

Господа идутъ... (Изъ сада идутъ Лиза и Чепурной)

ЛИЗА (Мишѣ).

Вамъ что угодно?

МИША.

А вотъ—внушалъ вашей горничной, чтобы она химическихъ жидкостей изъ окна въ садъ не выплескивала... отъ этого садовая растительность страдаетъ, да къ тому же и время опасное,—холера идетъ, изволили слышать?

ЧЕПУРНОЙ.

До свиданія, молодой человѣкъ!

МИША.

Честь имѣю... (Быстро скрывается)

ЛИЗА
(идя на террасу).

Удивительно нахальное лицо...

ЧЕПУРНОЙ.

Вотъ коллега живое вещество изобрѣтаетъ, а—куда оно? Вонъ оно какое вредное... Или я... тоже живое вещество, а какой смыслъ имѣю?

ЛИЗА.

Какъ вы сегодня тяжело настроены!... Давайте кончимъ партію... садитесь... Я продолжаю: 6, 23.

ЧЕПУРНОЙ.

10, 29 у меня...

ЛИЗА.

Я васъ не понимаю... 8, 31... вы такой здоровый, сильный...

ЧЕПУРНОЙ.

7, 36...

ЛИЗА.

И ничѣмъ не интересуетесь, ничего не дѣлаете...

5, 36... Теперь, когда жизнь принимаетъ такой трагическій тонъ... всюду растетъ ненависть, и такъ мало любви...

ЧЕПУРНОЙ.

36? 10, 41...

ЛИЗА.

Какъ много вы могли-бы внести въ эту жизнь своей работы—доброй, умной работы... 8 у меня, 44...

ЧЕПУРНОЙ.

Мнѣ уже сорокъ лѣтъ... и семь очковъ... 48...

ЛИЗА.

Сорокъ лѣтъ? Пустяки!.. 10, 54...

ЧЕПУРНОЙ.

И вы очень испортили меня... 3, 51...

ЛИЗА.

Я? Испортила?

ЧЕПУРНОЙ.

Да... Всѣ вы... вашъ братъ, Елена Николаевна, вы...

ЛИЗА.

8... Я кончила... Давайте сначала, только не будемъ считать вслухъ, это мѣшаетъ разговору... Объясните мнѣ, чѣмъ это мы испортили васъ?

ЧЕПУРНОЙ.

А знаете, до встрѣчи съ вами я жилъ съ большимъ любопытствомъ...

ЛИЗА.

Съ интересомъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Ну, да, съ любопытствомъ... Мнѣ все было любопытно знать. Книжку новую вижу—читаю, хочу знать: а что въ ней новаго, кромѣ обложки? Человѣка на улицѣ бьютъ—остановлюсь и посмотрю, усердно-ли бьютъ его, и даже иногда спрошу, за что бьютъ? И ветеринаріи я учился съ большимъ любопытствомъ...

АНТОНОВНА (въ дверяхъ).

Лизанька, капли принимала?

ЛИЗА.

Да, да...

АНТОНОВНА.

Самоваръ кипитъ, а за столомъ никого нѣтъ... О, Господи! (Идетъ въ садъ)

ЧЕПУРНОЙ.

Вообще, на все я смотрѣлъ съ любопытствомъ... и видѣлъ, что жизнь устроена—дрянно, люди жадны и глупы, а я—умнѣе и лучше, чѣмъ они... Это было мнѣ пріятно знать, и душа моя была спокойна... хоть я и видѣлъ, что иному человѣку труднѣе жить, чѣмъ той лошади, что я лечу, да и хуже, чѣмъ собакѣ... но этотъ случай объяснялся тѣмъ, что человѣкъ глупѣе собаки и лошади.

ЛИЗА.

Зачѣмъ такъ говорить? Вѣдь вы не вѣрите въ это?

ЧЕПУРНОЙ.

Такъ я и жилъ, и было мнѣ недурно... Но вотъ—попалъ къ вамъ, вижу: одинъ горитъ въ своей наукѣ, другой бредитъ киноварью съ охрой, третья—притворяется, что она веселая и разумная... а вы заглянули куда-то глубоко и трагедію въ душѣ носите...

ЛИЗА.

Чѣмъ же мы васъ испортили? У меня—партія...

ЧЕПУРНОЙ.

Не умѣю это сказать... Сначала мнѣ такъ понравилось у васъ, что я даже водку пересталъ пить, ибо отъ вашихъ разговоровъ хмѣленъ бывалъ... А потомъ—потерялъ я мое любопытство, и безпокойно стало мнѣ...

АНТОНОВНА

(идетъ изъ сада).

Пили-бы чай-то...

ПРОТАСОВЪ (изъ комнатъ).

Готовъ самоваръ? Чудесно! Здравствуйте, ученый...

ЧЕПУРНОЙ.

Добрый день, коллега...

ПРОТАСОВЪ.

А Лена въ саду?

ЛИЗА.

Да...

ПРОТАСОВЪ.

Пойду звать ее... Вы проиграете...

ЧЕПУРНОЙ.

А проиграю...

ПРОТАСОВЪ.

У тебя сегодня славный цвѣтъ лица, Лиза... и глаза—ясные... спокойные... Это—пріятно видѣть... (Идетъ въ садъ)

ЛИЗА (съ досадой).

Зачѣмъ онъ всегда говоритъ со мной, какъ съ больнымъ ребенкомъ?..

ЧЕПУРНОЙ.

Да онъ со всѣми, кто протоплазмой не интересуется, какъ съ ребятами говоритъ...

ЛИЗА.

Со мной всѣ такъ говорятъ... всѣ стараются напомнить мнѣ, что я больна...

ЧЕПУРНОЙ.

А вы сами прежде всего позабудьте объ этомъ...

ЛИЗА.

Продолжайте... Вы говорите, вамъ стало безпокойно,— отчего?

ЧЕПУРНОЙ.

И безпокойно и... неловко какъ-то... Какъ будто механизмъ души моей вдругъ заржавѣлъ... Нелѣпо мнѣ, Елизавета Федоровна, и коли вы не поможете...

ЛИЗА.

Милый Борисъ Николаевичъ! Оставьте это... Я—калѣка, уродъ...

ЧЕПУРНОЙ (спокойно).

Погибну я тогда, какъ навозный жукъ...

ЛИЗА (вскочивъ).

Да оставьте-же! Вѣдь вы мучаете у меня... неужели вы не понимаете этого?

ЧЕПУРНОЙ (испуганъ).

Ну, не надо! Простите... не буду! Молчу... успокойтесь!

ЛИЗА.

Боже мой! Какъ мучительно жалко всѣхъ... какъ всѣ безсильны... одиноки!

ЧЕПУРНОЙ.

Я, знаете, раньше хорошо спалъ. А теперь—лежу, вытаращивъ очи, и мечтаю, какъ влюбленный студентъ, да еще съ перваго курса... Хочется мнѣ что-то сдѣлать... этакое, знаете, геройское... А что? Не могу догадаться... И все кажется мнѣ: идетъ по рѣкѣ ледъ, а на льдинѣ поросенокъ сидитъ, такой маленькій, рыжій порося, и верещитъ, верещитъ! И вотъ я бросаюсь къ нему, проваливаюсь въ воду... и—спасаю порося! А оно—никому не нужно! И—такая досада!—приходится мнѣ одному того спасеннаго поросенка со сметаной съѣсть...

ЛИЗА (смѣется).

Это—смѣшно...

ЧЕПУРНОЙ.

Даже до слезъ...

(Изъ сада идутъ Елена, Протасовъ, Вагинъ)

ЛИЗА.

Налить чаю?

ЧЕПУРНОЙ.

Давайте... что-жъ еще дѣлать? А знаете, Елизавета Федоровна,—все-жъ таки идите за меня замужъ; то-то мы съ вами настопали бы на землѣ!

ЛИЗА

(непріятно удивлена).

Какъ вы... шутите... какъ это тяжело и странно!

ЧЕПУРНОЙ (спокойно).

Да вы подумайте, что-жъ еще дѣлать—вамъ и мнѣ?

ЛИЗА (со страхомъ).

Молчите... молчите!

ЕЛЕНА.

Ну, да, это—красиво, но по смыслу—не глубоко, а по сюжету доступно немногимъ...

ВАГИНЪ

Искусство всегда было достояніемъ немногихъ... Это его гордость...

ЕЛЕНА.

Это—его драма...

ВАГИНЪ.

Таково мнѣніе большинства, и уже по одному этому—я противъ...

ЕЛЕНА.

Не рисуйтесь! Искусство должно облагораживать людей...

ВАГИНЪ.

Оно не имѣетъ цѣлей...

ПРОТАСОВЪ.

Мой другъ, въ мірѣ нѣтъ ничего безцѣльнаго...

ЧЕПУРНОЙ.

Коли не считать самый міръ...

ЛИЗА.

Боже мой! Я тысячу разъ слышала все это...

ЕЛЕНА.

Дмитрій Сергѣевичъ! Жизнь—трудна, человѣкъ ча-

сто устаетъ жить... Жизнь груба, да? На чемъ отдохнуть душѣ? Красивое—рѣдко, но, когда оно истинно красиво, оно согрѣваетъ мнѣ душу, какъ солнце, вдругъ осіявшее пасмурный день... Нужно, чтобы всѣ люди понимали и любили красоту: тогда они построятъ на ней мораль... они будутъ цѣнить свои поступки, какъ красивые и безобразные... и тогда-то жизнь будетъ прекрасна!

ПРОТАСОВЪ.

Это—чудесно, Лена! Это—можетъ быть...

ВАГИНЪ.

Какое мнѣ дѣло до людей! Я хочу громко спѣть свою пѣсню одинъ и для себя...

ЕЛЕНА.

Полноте! Зачѣмъ—слова? Нужно, чтобъ въ искусствѣ отражалось вѣчное стремленіе человѣка въ даль, къ высотѣ... Когда это стремленіе есть въ художникѣ, и когда онъ вѣруетъ въ солнечную силу красоты, его картина, книга, его соната—будутъ мнѣ понятны... дороги... онъ вызоветъ въ душѣ моей созвучный аккордъ... и если я устала,—я отдохну и снова захочу работы, счастья, жизни!

ПРОТАСОВЪ.

Славно, Лена!

ЕЛЕНА.

Вы знаете, порой мнѣ грезится такое полотно: среди безграничнаго моря—идетъ корабль; его жадно обнимаютъ зеленыя, гнѣвныя волны; а на носу его и у бортовъ стоятъ какіе-то крѣпкіе, мощные люди... Просто—стоятъ люди,—все такія открытыя, бодрыя лица,—и, гордо улыбаясь, смотрятъ далеко впередъ, готовые спо-

койно погибнуть по пути къ своей цѣли... Вотъ и вся картина!

ВАГИНЪ.

Это интересно... да...

ПРОТАСОВЪ.

Подожди...

ЕЛЕНА.

Пусть эти люди идутъ подъ знойнымъ солнцемъ по желтому песку пустыни...

ЛИЗА

(невольно, негромко).

Онъ—красный...

ЕЛЕНА.

Все равно! Нужно только, чтобъ это были особенные люди, мужественные и гордые, непоколебимые въ своихъ желаніяхъ и—простые, какъ просто все великое... Такая картина можетъ вызвать у меня чувство гордости за людей, за художника, который создалъ ихъ... и она напомнитъ мнѣ о тѣхъ великихъ людяхъ, которые помогли намъ уйти такъ далеко отъ животныхъ и все дальше уводятъ къ человѣку!

ВАГИНЪ.

Да, это я понимаю... Это—интересно... красиво! (Къ террасѣ подходитъ Яковъ Трошинъ и, не замѣчаемый, стоитъ, открывъ ротъ) Я попробую это, чортъ возьми!

ПРОТАСОВЪ.

Конечно, Дмитрій! Пиши! Лена, ты молодецъ! Это.. что-то новое у тебя... а, Лена?

ЕЛЕНА.

Какъ ты можешь знать, новое это или старое?

ТРОШИНЪ.

М-милостивые государи! (Всѣ обращаются къ нему) Я долго ждалъ, когда вы кончите вашъ интересный разговоръ... но принужденъ помѣшать вамъ... очень просто!

ЧЕПУРНОЙ.

Вамъ чего?

ТРОШИНЪ.

Узнаю малоросса... очень просто! Потому—самъ былъ въ Малороссіи, и играю на флейтѣ...

ЧЕПУРНОЙ.

Что-жъ вамъ нужно?

ТРОШИНЪ.

Позвольте! Все по порядку... Представляюсь—подпоручикъ Яковъ Трошинъ, бывшій помощникъ начальника станціи Логъ... тотъ самый Яковъ Трошинъ, у котораго поѣздъ жену и ребенка раздавилъ... Ребенки у меня и еще есть, а жены—нѣтъ... да-а! Съ кѣмъ имѣю честь?

ПРОТАСОВЪ.

Какъ интересно говорятъ пьяные...

ЛИЗА (укоризненно).

Павелъ! Что ты...

ЕЛЕНА.

Вамъ что угодно?

ТРОШИНЪ (кланяясь).

Сударыня, извините! (Показываетъ ногу въ туфлѣ) Сап-

сапогэ... ибо счастье—превратно... Сударыня! Скажите, гдѣ проживаетъ слесарь Егоръ... Егоръ—а фамилію я позабылъ... а, можетъ быть, у него и нѣтъ фамиліи... и даже, можетъ, онъ... въ нощи видѣніе мнѣ было?

ЕЛЕНА.

Это—тамъ... во флигелѣ, нижній этажъ...

ТРОШИНЪ.

Р-ремерси! Искалъ его цѣлый день... утомленъ и едва стою на ногахъ... За уголъ? Бонъ войяжъ! Онъ только вчера имѣлъ счастье познакомиться со мной... и вотъ я иду къ нему... это надо оцѣнить! За уголъ? Очень просто! До пріятнаго свиданія!..

ПРОТАСОВЪ.

Вотъ комикъ! Сап-сапогэ, а?

ЛИЗА.

Тише, Павелъ...

ТРОШИНЪ
(идетъ, пошатываясь, и бормочетъ).

Ага! Вы думали—онъ ничтожество? Нѣтъ, это Яковъ Трошинъ... онъ знаетъ, что такое приличія... очень просто! Яковъ Трошинъ. (Скрывается)

ПРОТАСОВЪ.

Какой забавный, а? Лена?

ЛИЗА.

А какое мѣсто въ твоей картинѣ, Лена, будутъ занимать вотъ эти люди?

ЕЛЕНА.

Ихъ тамъ не будетъ, Лиза...

ПРОТАСОВЪ.

Они, какъ водоросли и раковины, присосутся ко дну корабля...

ВАГИНЪ.

И будутъ затруднять его движеніе...

ЛИЗА.

Ихъ участь—гибель, Елена? Безъ помощи, одни, эти люди должны погибнуть?

ЕЛЕНА.

Они уже погибли, Лиза...

ВАГИНЪ.

Мы тоже—одни въ темномъ хаосѣ жизни...

ПРОТАСОВЪ.

Эти люди, мой другъ,—мертвыя клѣтки въ организмѣ...

ЛИЗА.

Какъ вы всѣ жестоки! Я не могу слушать васъ.... какъ вы слѣпы и жестоки...

(Идетъ въ садъ, Чепурной медленно поднимается и идетъ за ней)

ПРОТАСОВЪ (не громко).

Знаешь, Лена, при ней совсѣмъ невозможно ни о чемъ говорить... Она все сводитъ къ одному, въ свой больной, темный уголъ...

ЕЛЕНА.

Да... трудно съ ней... Она живетъ страхомъ предъ жизнью...

ВАГИНЪ.

Елена Николаевна! На носу корабля будетъ стоять кто-то одинъ... У него лицо человѣка, схоронившаго на берегу, сзади себя, всѣ свои надежды... но глаза его горятъ огнемъ великаго упорства... и онъ ѣдетъ, чтобы создать новыя... одинокіи среди одинокихъ...

ПРОТАСОВЪ.

Не нужно бури, господа! Или—нѣтъ!—пусть будетъ буря, но впереди, на пути корабля, горитъ солнце! Ты назови свою картину „Къ солнцу!"—источнику жизни!

ВАГИНЪ.

Да, къ источнику жизни!.. Тамъ, вдали, среди тучъ, яркое, какъ солнце, лицо женщины...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, зачѣмъ—женщина? Но пускай среди этихъ людей на кораблѣ будутъ Лавуазье, Дарвинъ... Однако, я заговорился... мнѣ нужно уйти...

(Быстро идетъ въ комнаты)

ВАГИНЪ (искренно).

Съ каждымъ днемъ вы, родная моя, все болѣе властно и крѣпко привлекаете меня къ себѣ... Я молиться готовъ на васъ...

ПРОТАСОВЪ (изъ комнатъ).

Дмитрій! На минуту...

ЕЛЕНА.

Не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія его...

ВАГИНЪ.

Я напишу эту картину, вы увидите! И она будетъ

пѣть своими красками величественный гимнъ свободѣ, красотѣ...

ПРОТАСОВЪ.

Дмитрій!..

ЕЛЕНА.

Идите, мой другъ!

(Вагинъ уходитъ. Елена задумчиво прохаживается по террасѣ. Изъ сада доносится голосъ Чепурного)

ЧЕПУРНОЙ (спокойно).

Да это-же не можетъ быть иначе... Говоритъ—человѣкъ, а поступки дѣлаетъ—все еще животное...

ЛИЗА (тоскливо).

Но когда же, когда... (Ихъ не слышно)

МЕЛАНІЯ

(идетъ по двору).

Ахъ, Елена Николаевна! Вы дома?

ЕЛЕНА (сухо).

Васъ это удивляетъ?

МЕЛАНІЯ.

Нѣтъ, почему-же? Здравствуйте...

ЕЛЕНА.

Извините меня, но раньше, чѣмъ подать вамъ руку...

МЕЛАНІЯ.

Что-о?

ЕЛЕНА.

Я должна спросить васъ... будемте говорить правдиво и просто! Вы предлагали нашей горничной...

МЕЛАНІЯ (быстро).

Ахъ... какая мерзавка! Продала...

ЕЛЕНА (не вдругъ).

Значитъ—правда? Меланія Николаевна... Вы понимаете, какъ это... какъ нужно назвать вашъ поступокъ?

МЕЛАНІЯ

(искренно, горячо).

Да... да, понимаю! Просто—такъ ужъ просто! Все равно... слушайте!.. Вы женщина, вы—любите, можетъ быть, вы поймете...

ЕЛЕНА.

Тише... въ саду вашъ братъ!

МЕЛАНІЯ.

Что мнѣ? Вотъ... слушайте: я люблю Павла Федоровича... вотъ! Я его такъ люблю... готова въ кухарки, въ горничныя къ нему идти... Вы—тоже, я вижу!—вы вѣдь художника любите... вамъ Павелъ Федоровичъ не нуженъ... Хотите,—на колѣни встану? Отдайте мнѣ его! Ноги буду цѣловать ваши...

ЕЛЕНА (поражена).

Что вы говорите? Что вы?

МЕЛАНІЯ.

Все равно! У меня деньги... я ему выстрою лабораторію... дворецъ выстрою! Буду ему служить, чтобы вѣтеръ не касался его... буду сидѣть у дверей дни и ночи... вотъ! Зачѣмъ онъ вамъ? А я его, какъ угодника божія, люблю...

ЕЛЕНА.

Успокойтесь... подождите! Я, должно быть, не вѣрно понимаю васъ...

МЕЛАНІЯ.

Барыня! Вы—умная, вы—благородная, чистая... А у меня жизнь была тяжелая, противная... и людей я видѣла только гнусныхъ... а—онъ! Онъ-то! Дитя такое... такой—возвышенный! Да вѣдь я около него—царицей буду... ему—служанка, а для всѣхъ—царица! И душа моя... душа моя вздохнетъ! Чистаго человѣка хочу я! Понимаете меня?.. Вотъ!

ЕЛЕНА (взволнованно).

Мнѣ трудно васъ понять... намъ нужно много говорить... Боже мой... какая вы несчастная, должно быть.

МЕЛАНІЯ.

Да! О, да! вы можете понять, должны понять! Я оттого вотъ такъ и говорю вамъ—сразу все, я знаю, вы поймете. И не обманите меня: можетъ, я тоже человѣкомъ буду, коли не обманете!

ЕЛЕНА.

Мнѣ не зачѣмъ обманывать васъ... Я чувствую больное сердце ваше... Пойдемте ко мнѣ... поїдемте!

МЕЛАНІЯ.

Какъ вы говорите... неужели и вы тоже хорошій человѣкъ?

ЕЛЕНА
(беретъ ее за руку).

Повѣрьте мнѣ... повѣрьте, что если люди будутъ искренни, они поймутъ другъ друга!

МЕЛАНІЯ
(идетъ за ней).

Вѣрю я вамъ или нѣтъ, не знаю. Слова ваши по-

нятны, а чувства—не могу я понять... Хорошая вы или нѣтъ? Вотъ... Боюсь я вѣрить въ хорошее... не видѣла я его... и сама—дурной, темный человѣкъ... моремъ слезъ омыла я душу мою... Но все еще—темная...

(Уходятъ. Романъ выглядываетъ изъ-за угла съ топоромъ въ рукѣ. Изъ сада идутъ Лиза и Чепурной. Антоновна изъ комнатъ)

АНТОНОВНА.

Ишь... разбѣжались всѣ... мечутся, какъ полоумные... Лизанька, ты чего все бродишь? Тебѣ сидѣть надо...

ЛИЗА.

Отстань, няня...

АНТОНОВНА.

Нечего сердиться... Какія у тебя силы?

(Идетъ въ комнаты, ворчитъ)

ЧЕПУРНОЙ.

Старуха-хлопотуха... любитъ она васъ...

ЛИЗА.

Это такъ... просто привычка ухаживать... Она больше тридцати лѣтъ живетъ у насъ... Ужасно тупая и упрямая... Странно... Съ той поры, какъ я помню себя, у насъ въ домѣ всегда звучала музыка, и сверкали лучшія мысли міра... а вотъ она не стала добрѣе или умнѣе отъ этого...

(Протасовъ и Вагинъ выходятъ изъ комнатъ)

ПРОТАСОВЪ (Вагину).

Понимаешь,—когда волокно химически-обработаннаго дерева можно будетъ прясть, тогда мы съ тобой будемъ носить дубовые жилеты, березовые сюртуки...

ВАГИНЪ.

Брось ты свои деревянныя фантазіи... Скучно!

ПРОТАСОВЪ.

Эхъ ты... ты самъ скучный... Лиза, налей мнѣ чаю!

ЧЕПУРНОЙ.

Это зонтикъ сестры моей... Коллега!.. Вчера Маланья спросила меня, въ какомъ сродствѣ стоятъ гипотеза съ молекулой? Такъ я ей сказалъ, что молекула гипотезѣ приходится внучкой.

ПРОТАСОВЪ (смѣлсь).

Ну, зачѣмъ вы? Она такъ наивно... и горячо интересуется всѣмъ...

ЧЕПУРНОЙ.

Наивно? Мм... А монера съ монадой—подкидыши въ наукѣ... не вѣрно? Перепуталъ я генеалогію, значитъ!

ЛИЗА.

Вотъ видите: даже на вашихъ отношеніяхъ къ сестрѣ видно, какъ пренебрежительно и даже злобно относятся люди другъ къ другу...

ЧЕПУРНОЙ.

Э, какая тамъ злоба!

ЛИЗА (нервно).

Нѣтъ, я говорю вамъ,—на землѣ все больше скопляется ненависти, на землѣ растетъ жестокость...

ПРОТАСОВЪ.

Лиза! Ты снова распускаешь черныя крылья?..

ЛИЗА.

Молчи, Павелъ! Ты ничего не видишь, ты смотришь въ микроскопъ...

ЧЕПУРНОЙ.

А вы—въ телескопъ? Не надо-бы, знаете... лучше своими очами...

ЛИЗА
(тревожно, болѣзненно).

Вы всѣ—слѣпые! Откройте глаза; то, чѣмъ живете вы, ваши мысли, ваши чувства, они—какъ цвѣты въ лѣсу, полномъ сумрака и гніенія... полномъ ужаса... Васъ мало, вы незамѣтны на землѣ...

ВАГИНЪ (сухо).

Кого-жъ вы на ней видите?

ЛИЗА.

На землѣ замѣтны милліоны, а не сотни... и среди милліоновъ растетъ ненависть. Вы, опьяненные красивыми словами и мыслями, не видите этого, а я—видѣла какъ вырвалась на улицу ненависть, и люди, дикіе, озлобленные, съ наслажденіемъ истребляли другъ друга... Однажды ихъ злоба обрушится на васъ...

ПРОТАСОВЪ.

Все это оттого такъ страшно, Лиза, что вотъ, видимо, собирается гроза, стало душно, и твои нервы...

ЛИЗА (умоляя).

Не говори мнѣ о моей болѣзни!

ПРОТАСОВЪ.

Ну, ты подумай, кому, за что ненавидѣть меня? Или его?

ЛИЗА.

Кому? Всѣмъ людямъ, отъ которыхъ вы ушли такъ далеко...

ВАГИНЪ (раздраженно).

Чортъ ихъ побери! Не идти же назадъ ради нихъ!

ЛИЗА.

За что? За отчужденіе отъ нихъ, за невниманіе къ ихъ тяжелой, нечеловѣческой жизни! За то, что вы сыты и хорошо одѣты... Ненависть—слѣпа, но вы ярки, васъ она увидитъ!

ВАГИНЪ.

Вамъ идетъ роль Кассандры...

ПРОТАСОВЪ (возбуждаясь).

Подожди, Дмитрій! Ты не права! Мы дѣлаемъ большое и важное дѣло: онъ обогащаетъ жизнь красотой, я—изслѣдую ея тайны... И люди, о которыхъ ты говоришь, современемъ поймутъ и оцѣнятъ нашу работу...

ВАГИНЪ.

Оцѣнятъ или нѣтъ, мнѣ все равно!

ПРОТАСОВЪ.

Не надо смотрѣть на нихъ такъ мрачно: они лучше, чѣмъ тебѣ кажется; они разумнѣе...

ЛИЗА.

Ты ничего не знаешь, Павелъ...

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ, я знаю, я вижу! (Въ началѣ его рѣчи на террасу выходятъ Елена и Меланія, обѣ взволнованныя) Я вижу, какъ

растетъ и развивается жизнь, какъ она, уступая упорнымъ исканіямъ мысли моей, раскрываетъ предо мною свои глубокія, свои чудесныя тайны. Я вижу себя владыкой многаго; я знаю, человѣкъ будетъ владыкой всего! Все, что растетъ, становится сложнѣе; люди все повышаютъ свои требованія къ жизни и къ самимъ себѣ... Когда-то подъ лучомъ солнца вспыхнулъ къ жизни ничтожный и безформенный кусокъ бѣлка, размножился, сложился въ орла и льва и человѣка; наступитъ время,—изъ насъ, людей, изъ всѣхъ людей, возникнетъ къ жизни величественный, стройный организмъ—человѣчество! Человѣчество, господа! Тогда у всѣхъ клѣтокъ его будетъ прошлое, полное великихъ завоеваній мысли,—наша работа! Настоящее—свободный, дружный трудъ для наслажденія трудомъ, и будущее—я его чувствую, я его вижу—оно прекрасно. Человѣчество растетъ и зрѣетъ. Вотъ жизнь, вотъ смыслъ ея!

ЛИЗА (тоскливо).

Я бы хотѣла вѣровать такъ, о, я бы хотѣла!

(Выхватываетъ изъ кармана книжку и быстро пишетъ что-то въ ней. Меланія смотритъ на Павла почти молитвенно, это выходитъ немного смѣшно. Лицо Елены, сначала суровое, проясняется грустной улыбкой. Вагинъ слушаетъ оживленно. Чепурной низко наклонился надъ столомъ, и лица его не видно)

ВАГИНЪ.

Люблю видѣть тебя поэтомъ.

ПРОТАСОВЪ.

Страхъ смерти—вотъ что мѣшаетъ людямъ быть смѣлыми, красивыми, свободными людьми! Онъ виситъ надъ ними черной тучей, покрываетъ землю тѣнями,

изъ него рождаются призраки. Онъ заставляетъ ихъ сбиваться въ сторону съ прямого пути къ свободѣ, съ широкой дороги опыта. Онъ побуждаетъ ихъ создавать поспѣшныя уродливыя догадки о смыслѣ бытія, онъ пугаетъ разумъ, и тогда мысль создаетъ заблужденія! Но мы, мы, люди, дѣти солнца, свѣтлаго источника жизни, рожденные солнцемъ, мы побѣдимъ темный страхъ смерти! Мы—дѣти солнца! Это оно горитъ въ нашей крови, это оно рождаетъ гордыя, огненныя мысли, освѣщая мракъ нашихъ недоумѣній, оно—океанъ энергіи, красоты и опьяняющей душу радости!

ЛИЗА (вскакивая).

Павелъ, это хорошо! Дѣти солнца... Вѣдь и я?.. Вѣдь и я? Скорѣе, Павелъ, да? И я тоже?

ПРОТАСОВЪ.

Да, да! И ты... всѣ люди! Ну, да, конечно!

ЛИЗА.

Да? О, это хорошо... Я не могу сказать... какъ это хорошо! Дѣти солнца... да? Но—у меня расколота душа, разорвана душа... вотъ, послушайте! (Читаетъ, сначала съ закрытыми глазами)

Орелъ поднимается въ небо,
Сверкая могучимъ крыломъ...
И мнѣ бы хотѣлось, и мнѣ бы
Туда, въ небеса, за орломъ!
Хочу! Но безплодны усилья!
Я—дочь этой грустной земли,
И долго души моей крылья
Влачились въ грязи и пыли...
Люблю ваши дерзкіе споры
И яркія ваши мечты,
Но—знаю я темныя норы,
Живутъ въ нихъ слѣпые кроты;

Красивыя мысли имъ чужды,
И солнцу душа ихъ не рада,
Гнетутъ ихъ тяжелыя нужды,
Любви и вниманья имъ надо!
Они между мною и вами
Стоятъ молчаливой стѣною...
Скажите—какими словами
Могу я увлечь ихъ за мною?

(Всѣ нѣсколько секундъ смотрятъ на нее молча. Вагину ея возбужденіе не нравится)

ПРОТАСОВЪ.

Лиза! Какъ это ты?.. Развѣ ты пишешь стихи?

ЕЛЕНА.

Вы хорошо сказали, Лиза! Я понимаю васъ...

ВАГИНЪ.

Позвольте, господа! Елизавета Федоровна, я знаю другіе стихи, они могли бы служить отвѣтомъ вамъ...

ЛИЗА.

Скажите!

ВАГИНЪ.

Какъ искры въ тучѣ дыма черной
Средь этой жизни мы—одни.
Но мы въ ней—будущаго зёрна!
Мы въ ней—грядущаго огни!
Мы дружно служимъ въ свѣтломъ храмѣ
Свободы, правды, красоты—
Затѣмъ, чтобъ гордыми орлами
Слѣпые выросли кроты...

ПРОТАСОВЪ.

Браво, Дмитрій! Чудесно, братъ!

МЕЛАНІЯ (въ восторгѣ).

Господи! Какъ хорошо... Елена Николаевна, вѣдь я понимаю ее... понимаю. (Плачетъ)

ЕЛЕНА.

Успокойтесь... не надо!

ЛИЗА (грустно).

Вотъ вы ликуете... а мнѣ—жалко, мнѣ грустно видѣть, что такъ много хорошихъ мыслей вспыхнувъ исчезаютъ, какъ искры въ ночной тьмѣ, не освѣщая людямъ дороги! Мнѣ это грустно...

МЕЛАНІЯ
(цѣлуя руку Протасова).

Ясный вы мой... спасибо!

ПРОТАСОВЪ (смущенъ).

Что вы? Зачѣмъ вы? У меня руки могутъ быть нечистыми...

МЕЛАНІЯ.

Не могутъ...

ЛИЗА.

Борисъ Николаевичъ, что съ вами?

ЧЕПУРНОЙ.

А ничего... слушаю!

ЛИЗА.

Вѣдь я хорошо сказала?

ЧЕПУРНОЙ.

Съ вами—правда...

ЛИЗА.

Со мной, да?

МЕЛАНІЯ (Еленѣ).

Я уйду... родная вы моя!..

(Идетъ въ комнаты, Елена за ней

ЧЕПУРНОЙ.

А съ нимъ—красота...

ВАГИНЪ.

А что лучше?

ЧЕПУРНОЙ.

Да... красота лучше... а правда—нужнѣе людямъ...

ЛИЗА.

А вамъ? Вамъ что нужнѣе?

ЧЕПУРНОЙ.

Да... я не знаю... Пожалуй, взялъ бы и того, и другого... только въ мѣру...

ЕЛЕНА (выходитъ).

Павелъ, тебя зоветъ Меланія Николаевна...

ПРОТАСОВЪ

Лена, ну зачѣмъ она мнѣ руку поцѣловала? Какъ это глупо и непріятно!

ЕЛЕНА (усмѣхаясь).

Надо терпѣть...

ПРОТАСОВЪ (уходя).

Губы--жирныя... Что ей надо?

(Идетъ въ комнаты. За угломъ террасы истерическій крикъ Авдотьи)

АВДОТЬЯ.

Врешь, подлецъ!

ЛИЗА (вздрогнувъ).

Что такое? Кто это?

АВДОТЬЯ (выбѣгаетъ).

Не попалъ, дьяволъ, что?

ЕГОРЪ
(въ рукахъ березовое полѣно).

Стой, говорю!

ЛИЗА.

Боже мой! Спрячьте ее!

АВДОТЬЯ
(вбѣгая на террасу).

Господа мои! Голубчики... убиваетъ!

ЕЛЕНА.

Идите сюда... скорѣе!

АВДОТЬЯ (мужу).

Что взялъ! (Уходитъ съ Еленой въ комнаты)

ЧЕПУРНОЙ.

Э, снова этотъ пьяница... (Лизѣ) Уйдите вы, а?

ЛИЗА.

Ради Бога... ради Бога, остановите его!

ТРОШИНЪ
(выходитъ изъ-за угла).

Рѣзвовъ, осторожно!

ЧЕПУРНОЙ (Егору).

Пошелъ прочь!

ВАГИНЪ.

Гоните его!

(Изъ комнатъ выскакиваетъ Протасовъ, за нимъ Меланія)

ПРОТАСОВЪ.

Егоръ! Вы снова...

ЕГОРЪ (Чепурному).

Самъ пошелъ къ чорту! Давайте мнѣ жену!

ПРОТАСОВЪ.

Вы съ ума сошли...

ТРОШИНЪ.

Жена принадлежитъ своему мужу, милостивый государь!.. Очень просто!

ЕГОРЪ.

Вы ее не спрячете... я войду!

(Романъ идетъ. Сонный. Становится сзади Егора)

РОМАНЪ.

Егоръ! Не бунтуй...

ЧЕПУРНОЙ.

Войди!

ЛИЗА.

Борисъ Николаевичъ, у него полѣно...

ЧЕПУРНОЙ.

Ничего! Вы уйдите...

ПРОТАСОВЪ.

Уйди, Лиза...

ЕГОРЪ.

Давайте ее мнѣ!.. Чего вы? Ваше это дѣло?

МЕЛАНІЯ.

Дворникъ, зови полицію!

РОМАНЪ.

Егоръ! Я позову полицію...

ЕГОРЪ.

Баринъ! Послушайте, ко мнѣ гость пришелъ...

ТРОШИНЪ.

Очень просто!

ЕГОРЪ.

Образованный человѣкъ, съ душой...

ТРОШИНЪ.

Совершенно вѣрно!

ЕГОРЪ.

А она его мокрой тряпкой по рожѣ!

ТРОШИНЪ.

Фактъ! Но не по рожѣ, Егоръ, а по лицу...

ПРОТАСОВЪ.

Голубчикъ! Ну, будьте же человѣкомъ...

ЕГОРЪ.

Давай ее сюда!

ВАГИНЪ.

Чортъ! Какое лицо!

МЕЛАНІЯ.

Дворникъ! Я тебѣ говорю — полицію! Держи его... хватай!

РОМАНЪ.

Егоръ! Я иду, ну тебя...

ЕГОРЪ
(идетъ на террасу).

Ежели вы словъ не понимаете...

ЛИЗА.

Бѣгите... онъ идетъ! Онъ убьетъ!..

ЧЕПУРНОЙ
(идя навстрѣчу Егору, сквозь зубы).

А ну, бей...

ПРОТАСОВЪ.

Лиза, уходи...

(Насильно ведетъ ее въ комнату. Меланія за ними)

ЕГОРЪ.

Уйди ты... (Готовитъ полѣно)

ЧЕПУРНОЙ
(смотритъ ему въ глаза).

А ну...

ЕГОРЪ.

Ударю...

ЧЕПУРНОЙ (Егору, тихо).

Врешь, собака...

ЕГОРЪ.

Не лайся...

ЧЕПУРНОЙ.

А ну, бей...

ЕГОРЪ.

Бей ты! На! (Бросаетъ полѣно на землю)

ЧЕПУРНОЙ.

Прочь... Ну?

ТРОШИНЪ (безнадежно).

Рѣзвовъ, ретируйся!

ЕГОРЪ (отступая).

Ишь ты... дьяволъ!

ЧЕПУРНОЙ (презрительно).

Э, собака...

ТРОШИНЪ (Вагину).

Бонъ суаръ, мосье! Но семейный очагъ долженъ быть ненарушимъ...

ВАГИНЪ.

Уходите вы...

ЧЕПУРНОЙ
(сходитъ съ террасы, идя на Егора).

Ступай и ты... ну? (Егору) Кабы не было тутъ женщинъ, я бы вамъ обоимъ...

ТРОШИНЪ
(уходя за Егоромъ).

Повинуюсь насилію... очень просто. (Скрывается за угломъ

ЧЕПУРНОЙ

(возвращается на террасу).

Вотъ звѣрюга...

ВАГИНЪ.

Однако, и личико у васъ было. Я залюбовался... такая экспрессія!..

ПРОТАСОВЪ (выходитъ).

Прогнали?

ЛИЗА

(быстро выходитъ, Чепурному).

Онъ—не ударилъ? Онъ не тронулъ васъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Эге! Этс не просто...

(Елена и Меланія идутъ)

ПРОТАСОВЪ.

Чортъ знаетъ, что такое... Не буду больше давать ему работу!.. Вотъ даже руки дрожатъ... смотри, Лена!

ВАГИНЪ.

А онъ можетъ убить...

ЧЕПУРНОЙ (усмѣхаясь).

А что, коллега, они, вотъ такіе хамы... и они тоже дѣти солнца?

ЛИЗА (вдругъ).

Ты лгалъ, Павелъ! Ничего не будетъ... жизнь полна звѣрей! Зачѣмъ вы говорите о радостяхъ будущаго, зачѣмъ? Зачѣмъ вы обманываете сами себя и другихъ? Вы оставили людей далеко сзади себя... вы одинокіе, несчастные, маленькіе... неужели вамъ не понятенъ

ужасъ этой жизни?.. Вѣдь вы окружены врагами... повсюду звѣри!.. Нужно уничтожить жестокость... побѣдить ненависть... Поймите же меня! Поймите!

(Съ ней истерика)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Обстановка перваго дѣйствія. Пасмурный день. Въ креслѣ у стѣны сидитъ Елена.—Лиза возбужденно ходитъ по комнатѣ.

ЕЛЕНА.

Ты—не волнуйся...

ЛИЗА.

Я—больная, но мои мысли—здоровы!

ЕЛЕНА.

Развѣ тебѣ говорятъ—нѣтъ?

ЛИЗА.

Я знаю, мои слова сѣры и прѣсны; вамъ скучно слушать ихъ... вы не хотите чувствовать трагической правды жизни...

ЕЛЕНА.

Ты много преувеличиваешь...

ЛИЗА.

Нѣтъ! Взгляни на ту пропасть, которая отдѣляетъ тебя отъ твоей кухарки...

ЕЛЕНА.

Развѣ она исчезнетъ оттого, что я встану на край ея и буду плакать, дрожа отъ страха?

ЛИЗА.

А развѣ можно жить спокойно, когда люди не понимаютъ твоей души? Я не могу такъ жить... я боюсь

тѣхъ, кто меня не понимаетъ! Вотъ чѣмъ я больна... Елена, нужны жертвы! Ты понимаешь, нужно жертвовать собой...

ЕЛЕНА.

Да... свободно, съ радостью, въ безуміи восторга! Но насиловать себя—нѣтъ, Лиза! Это недостойно человѣка!

АНТОНОВНА (изъ столовой).

Елена Николаевна...

ЛИЗА (съ досадой).

Что тебѣ, няня?

АНТОНОВНА.

Ну-ну-ну! Не тебя... Тамъ хозяйнъ пришелъ...

ЛИЗА.

Ахъ, ну пускай подождетъ... идите, няня! (Антоновна уходитъ) Итакъ, я не права?

ЕЛЕНА.

Я не сказала этого...

ЛИЗА.

Ты понимаешь, какъ мы всѣ одиноки?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ... я этого не чувствую...

ЛИЗА.

Просто ты не хочешь со мной говорить... Я всѣмъ надоѣла. Вы хотите жить наслаждаясь и не замѣчая ничего грубаго, страшнаго!

ЕЛЕНА.

Какъ можно чувствовать насильно?..

ЛИЗА.

А ты... тебѣ — плохо жить! Но ты гордая и не хочешь сознаться въ этомъ даже себѣ самой... Я вѣдь вижу твои отношенія съ Павломъ...

ЕЛЕНА.

Оставимъ это...

ЛИЗА (съ радостью).

Ага! Видишь? Тебѣ больно, да?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ... но непріятно!

ЛИЗА.

Тебѣ больно! Пусть! Это тебя оживитъ... Ты одинока, Елена... ты несчастна...

ЕЛЕНА.

Лиза, твоя радость—нехорошая радость! Чего ты хочешь?

ЛИЗА.

Чего я хочу? (Пауза. Со страхомъ) Я не знаю... я этого не знаю! Я хотѣла-бы жить и—не умѣю... и не могу! Мнѣ кажется, я не имѣю права жить такъ, какъ я хочу... Я хотѣла-бы родную душу имѣть... родную душу! Мнѣ надо отдохнуть отъ страха и—не съ кѣмъ!

ЕЛЕНА
(беретъ ее за руку).

Прости меня, но развѣ Чепурной...

ЛИЗА.

Какое я имѣю право? Вѣдь я больна, да? Вы всѣ го-

ворите это... о, вы часто это говорите! Слишкомъ часто... Пусти меня... я не могу объ этомъ... уйди! Пусти меня!

(Быстро уходитъ къ себѣ. Елена, глубоко вздохнувъ, ходитъ по комнатѣ, закинувъ руки за голову. Останавливается передъ портретомъ мужа, смотритъ на него, кусая губы. Руки у нея падаютъ)

ЕЛЕНА (вполголоса).

Прощай...

(Антоновна идетъ)

АНТОНОВНА.

Можно теперь хозяйну-то?

ЕЛЕНА.

Да... Хорошо...

АНТОНОВНА (уходя).

Идите, Назаръ Авдѣичъ...

НАЗАРЪ.

Добренькаго здоровьица!

ЕЛЕНА
(кивая головой).

Вамъ что угодно?

НАЗАРЪ
(ухмыляясь конфузливо).

Видите-ли, мнѣ бы Павла Федоровича...

ЕЛЕНА.

Онъ занятъ...

НАЗАРЪ.

Мм... а съ вами я ужъ не знаю какъ...

ЕЛЕНА.

Скажите; я передамъ ему...

НАЗАРЪ.

Предметъ разговора не деликатный...

ЕЛЕНА.

Какъ угодно...

НАЗАРЪ.

Да ужъ все равно... Полиція приходила, изволите видѣть, насчетъ запаху... насчетъ помойныхъ ямъ и прочихъ мѣстъ...

ЕЛЕНА
(хмуря брови).

При чемъ здѣсь мужъ?..

НАЗАРЪ.

Конечно, они не больше другихъ... всѣ грѣшны.. Полиція, по случаю холеры, требуетъ, однако, чтобы запаху не было... она не вникаетъ, что чему положено имѣть запахъ, такъ ужъ оно его дастъ... и грозитъ штрафомъ даже до трехсотъ рублей.

ЕЛЕНА (съ отвращеніемъ).

Что вамъ угодно?

НАЗАРЪ.

Я—совѣтъ хотѣлъ взять, не возможно-ли попрыскать чѣмъ-нибудь химическимъ противъ запаха?

ЕЛЕНА (возмущенно).

П-слушайте, какъ вы... (Сдерживаясь) Впрочемъ... я ему передамъ... до свиданія!

НАЗАРЪ.

Сейчасъ передадите?

ЕЛЕНА (уходя).

Нянька ответитъ вамъ...

НАЗАРЪ (вслѣдъ ей).

Чувствительно тронутъ... Ишь какая... гордіонка! Подожди.. я те хвостъ прижму!

(Уходитъ. Изъ-за портьеры выходятъ Протасовъ и Елена)

ПРОТАСОВЪ.

И еще, Лена, пожалуйста, пошли за Егоромъ...

ЕЛЕНА.

Снова—Егоръ?

ПРОТАСОВЪ.

Но—какъ-же безъ него обойтись, Лена? Онъ такой ловкій, быстро схватываетъ все... ты посмотри: онъ мнѣ жаровню сдѣлалъ—артистически! Изящная вещь! Какой тусклый день сегодня! Сеанса—нѣтъ?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ... Итакъ, когда же можно поговорить съ тобой?

ПРОТАСОВЪ.

Пожалуйста, до вечера, да... Вечеромъ—я свободенъ! Тебѣ скучно? А гдѣ-же Дмитрій?

ЕЛЕНА.

У него, должно быть, есть еще какія-то дѣла, кромѣ обязанности развлекать меня...

ПРОТАСОВЪ (не понялъ).

Да... гм!.. Вѣроятно... А знаешь, послѣднее время я смотрю на тебя, и, мнѣ кажется, есть что-то новое въ твоемъ лицѣ... такое значительное...

ЕЛЕНА.

Да?

ПРОТАСОВЪ.

Да, да! Ну, я—исчезъ, какъ дымъ... (Уходитъ къ себѣ)

ФИМА (входитъ).

Сударыня! Пожалуйста, отпустите меня...

ЕЛЕНА.

Днемъ? Но кто-же будетъ служить?

ФИМА.

Совсѣмъ отпустите... разсчетъ.

ЕЛЕНА.

А, хорошо! Но прежде, прошу васъ, позовите Егора...

ФИМА (твердо).

Я къ Егору не пойду-съ...

ЕЛЕНА.

Почему?

ФИМА.

Такъ... не пойду-съ.

ЕЛЕНА.

Позовите няню...

ФИМА.

Няня гулять пошла на кладбище...

ЕЛЕНА.

Я отпущу васъ, когда она придетъ... Пошлите мнѣ дворника,—можете?

ФИМА.

Могу-съ. Такъ ужъ вы сегодня мнѣ разсчетъ.
(Уходитъ)

ЕЛЕНА (вслѣдъ ей).

Хорошо...

ЧЕПУРНОЙ
(въ дверь съ террасы).

А чего-жъ у васъ двери не заперты? Добрый день!

ЕЛЕНА
(подавая руку).

Я не знаю... сегодня прислуга какая-то разсѣянная...

ЧЕПУРНОЙ.

Холеры боятся...

ЕЛЕНА.

Говорятъ, она развивается?

ЧЕПУРНОЙ.

А ничего... идетъ. Елизавета Федоровна дома?

ЕЛЕНА.

У себя...

ЧЕПУРНОЙ.

А какъ здоровенька?

ЕЛЕНА.

Чичего... не особенно, по обыкновенію...

ЧЕПУРНОЙ (озадаченно).

Мм... Трагическая душа...

ЕЛЕНА.

Борисъ Николаевичъ... простите меня, я мѣшаюсь не въ свое дѣло, но—это очень важно...

ЧЕПУРНОЙ.

Ага! Что именно?

ЕЛЕНА.

Она говорила мнѣ, что вы сдѣлали ей предложеніе..

ЧЕПУРНОЙ (быстро).

А какъ говорила?

ЕЛЕНА.

Т.-е., что—какъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Ну, лицо какое? Съ гримасой говорила? Съ насмѣшкой, а?

ЕЛЕНА (удивляясь).

Что вы!? Съ радостью...

ЧЕПУРНОЙ.

Нѣтъ... вѣрно?

ЕЛЕНА.

Да, да! Съ такой тихой радостью... и такъ хорошо..

(Въ дверяхъ съ террасы—Романъ)

ЧЕПУРНОЙ.

Я—дуракъ! Знаете, я оселъ!

РОМАНЪ.

Это меня сюда звали?

ЧЕПУРНОЙ.

Да никто тебя не звалъ... это я себя ругаю, чудакъ!

ЕЛЕНА.

Я его звала... Позовите слесаря, Романъ...

РОМАНЪ.

Это—Егора?

ЕЛЕНА.

Да...

РОМАНЪ.

Сейчасъ?

ЕЛЕНА.

Да, да!

РОМАНЪ.

Ладно... (Уходитъ)

ЧЕПУРНОЙ (радостно).

Дайте мнѣ вашу руку, а я ее... вотъ, поцѣлую! Сдѣлали вы мнѣ подарокъ... Вотъ оно... Откуда не ждешь, оттуда и бьетъ; такъ и бѣда, такъ и радость...

ЕЛЕНА.

Позвольте... я не понимаю васъ...

ЧЕПУРНОЙ.

А, Боже-жъ мой! Да какъ-же! О томъ, что я ее замужъ позвалъ, она вамъ съ радостью говорила?

ЕЛЕНА.

Да... увѣряю васъ!

ЧЕПУРНОЙ (побѣдоносно).

А все-жъ таки отказала мнѣ!

ЕЛЕНА (улыбаясь).

Простите... выходитъ смѣшно...

ЧЕПУРНОЙ.

Да и смѣшно! Я, знаете, такъ и думалъ: не потому она за меня замужъ не идетъ, что я ей противенъ, а потому, что она болѣзни своей боится...

ЕЛЕНА.

Да, вы правы...

ЧЕПУРНОЙ.

Теперь я знаю, что дѣлать. Пойду къ ней, какъ шаръ подъ гору... А! Какой случай?! Великая вещь случай, знаете!

ЕЛЕНА.

Но—снимите вашъ галстухъ... она не любитъ краснаго...

ЧЕПУРНОЙ (усмѣхаясь).

А я нарочно надѣлъ, чтобъ подразнить ее... Теперь ужъ все равно, красный или зеленый... все равно! Безъ галстуха не можно... (Идетъ) Спасибо вамъ! (Егоръ въ дверяхъ столовой, растерянный, всклокоченный) А! Знакомый... ну, давай руку! Помиримся! Вотъ такъ! Эхъ ты... Илья Муромецъ!..

ЕЛЕНА (Егору).

Сейчасъ, я скажу...

ЕГОРЪ (глухо).

Барыня, погодите...

ЕЛЕНА.

Что такое?

ЕГОРЪ.

Жена захворала...

ЕЛЕНА.

Что съ ней?

ЕГОРЪ.

Тошнитъ...

ЕЛЕНА (тревожно).

Давно?

ЕГОРЪ.

Съ утра... Все васъ зоветъ... Позови, говоритъ, барыню... а то—издохну...

ЕЛЕНА.

Что-же вы не позвали?.. Эхъ вы...

ЕГОРЪ.

Стыдно было... Скандалилъ я тутъ...

ЕЛЕНА.

Глупости... Я иду къ ней...

ЕГОРЪ.

Погодите... я боюсь...

ЕЛЕНА.

Чего?

ЕГОРЪ.

Можетъ, холера...

ЕЛЕНА.

Вздоръ! Бояться нечего...

ЕГОРЪ
(просить и какъ бы требуетъ).

Елена Николаевна, вылечите ее!

ЕЛЕНА.

Надо доктора... Вы поѣзжайте сейчасъ...

ЕГОРЪ.

Не надо доктора... не вѣрю я! Вы сами...

ПРОТАСОВЪ (выходитъ).

Ага! Вы здѣсь, воинъ...

ЕЛЕНА (быстро).

Павелъ, подожди! У него жена заболѣла...

ПРОТАСОВЪ.

Вотъ видите, колотили вы ее...

ЕЛЕНА.

Онъ думаетъ, холера... Я иду туда, а ты...

ПРОТАСОВЪ (тревожно).

Ты—туда? Нѣтъ, Лена, пожалуйста. Почему ты?

ЕЛЕНА (удивлена).

А почему—нѣтъ?

ПРОТАСОВЪ.

Но, Лена, если холера...

ЕГОРЪ
(глухо рычитъ).

Значитъ, помирай? Просто! Али мы не люди?

ЕЛЕНА.

Перестаньте, Егоръ... Павелъ, какъ ты неловко...

ПРОТАСОВЪ.

Что ты понимаешь, Лена? Ты не врачъ... И это не шутка... это—опасно!

ЕГОРЪ (злобно).

А которые издыхаютъ, тѣмъ не опасно?

ПРОТАСОВЪ (Егору).

Прошу не рычать на меня!

ЕЛЕНА (укоризненно).

Павелъ! Идемте, Егоръ...

ПРОТАСОВЪ.

Я тоже иду... Это безразсудно, Лена...

(Всѣ трое — Егоръ впереди—идутъ въ столовую. Слышны ихъ голоса)

ЕЛѢНА.

Возвратись и позови по телефону карету...

ПРОТАСОВЪ.

Нуженъ—докторъ, а не ты! Что такое ты? (Возвращается, взволнованъ) Что такое она, въ данномъ случаѣ? Нянька! Чортъ возьми! Меня не пустила... Фима! Или нянька! Вы умерли? Фима! (Вбѣгаетъ Фима) Я кричу, какъ зарѣзанный... а вы изволите любоваться своей наружностью...

ФИМА (обиженно).

Вовсе нѣтъ, я ножи чистила...

ПРОТАСОВЪ.

Бросьте ножи! Идите къ Егору...

ФИМА (рѣшительно).

Я туда не пойду-съ...

ПРОТАСОВЪ.

Почему? Тамъ барыня...

ФИМА.

Все равно-съ!

ПРОТАСОВЪ.

Но—почему?

ФИМА.

Тамъ холера-съ!

ПРОТАСОВЪ (передразнивая).

Ага! Холера-съ! А вотъ барыня—пошла-съ!

(Звонокъ)

ФИМА.

Звонокъ-съ!

ПРОТАСОВЪ.

Да-съ! Отоприте-съ! (Фима убѣгаетъ. Протасовъ вслѣдъ ей) С-с-с-с! Свиститъ, какъ змѣя... Да, телефонъ... чортъ! (Меланія входитъ) А, это вы! Знаете новость: на дворѣ у насъ холера,—забавно! И Елена пошла лечить, а? Нравится вамъ это?

МЕЛАНІЯ.

Ай-яй-яй! И у васъ—тоже. У сосѣда моего, полковника, повара вчера увезли... А Елена Николаевна—пошла туда?.. Зачѣмъ-же это она?

ПРОТАСОВЪ.

Неизвѣстно! Тайна сія велика есть...

МЕЛАНІЯ.

Какъ же вы ее отпустили?

ПРОТАСОВЪ.

Какъ? Не знаю... Да, телефонъ... (Убѣгаетъ къ себѣ)

ФИМА (изъ столовой).

Здравствуйте, Меланія Николаевна!

МЕЛАНІЯ
(недоброжелательно).

А... здравствуй, красавица...

ФИМА.

У меня къ вамъ большая просьба есть...

МЕЛАНІЯ.

Какая же это?

ФИМА.

Замужъ я выхожу...

МЕЛАНІЯ.

Такъ...

ФИМА.

За почтеннаго человѣка... очень почтенный!

МЕЛАНІЯ.

Кто-же это?

ФИМА.

Сосѣдъ вашъ...

МЕЛАНІЯ
(вскакиваетъ, изумленная).

Неужто—полковникъ?

ФИМА (скромно).

Нѣтъ, гдѣ-же мнѣ! Кочеринъ, Василій Васильевичъ...

МЕЛАНІЯ.

Ахъ онъ, старый чортъ... тьфу! Да вѣдь ему скоро шестьдесятъ лѣтъ... Въ ревматизмахъ весь... И какъ ты, Ефимья, рѣшаешься? А впрочемъ, деньжищи... Эхъ ты, дѣвушка... жалко мнѣ тебя! Брось-ка... ну его и съ деньгами!

ФИМА.

Я ужъ рѣшилась... И все слажено...

МЕЛАНІЯ.

Да? жаль. А отъ меня чего надо?

ФИМА.

Какъ я сирота, не пойдете ли вы въ посаженыя матери ко мнѣ?

МЕЛАНІЯ
(показываетъ ей кукишъ).

На-те-ка, выкусите! Вы меня за сколько Еленѣ Николаевнѣ продали?

ФИМА (растерялась).

Я-съ?

МЕЛАНІЯ.

Да-съ, вы-съ! Что?

ФИМА (оправилась).

Очень жаль... Я думала, какъ вы сами себя старику продали...

МЕЛАНІЯ (подавлена).

Какъ? Какъ—ты?..

ФИМА.

...То, можетъ, ужъ и мнѣ поможете въ этомъ-же...

МЕЛАНІЯ (глухо).

Не смѣй!..

ФИМА
(спокойно и жестко).

Вы сами должны понять, что такъ себя устроить все-же лучше, чѣмъ на улицу выходить... Хоть одинъ будетъ, а не сто...

МЕЛАНІЯ
(въ ужасѣ, тихо).

Иди... иди вонъ... я тебѣ дамъ... я дамъ денегъ... иди! Иди прочь... дамъ!

ФИМА.

Благодарю васъ! Когда дадите?

МЕЛАНІЯ.

Уйди... нѣтъ со мной!

ФИМА.

Я сегодня вечеромъ приду къ вамъ... Не обманите...

МЕЛАНІЯ.

Нѣтъ! Уйди, Христа ради! (Фима не торопясь уходитъ. Меланія грузно валится въ кресло и плачетъ и какъ-то рычитъ отъ боли)

ПРОТАСОВЪ
(изъ своей комнаты).

Она не воротилась, нѣтъ? Что это вы? Что съ вами?

МЕЛАНІЯ
(встаетъ на колѣни).

Святой человѣкъ, спаси рабу!

ПРОТАСОВЪ (изумленъ).

Какъ вы сказали? Встаньте... Зачѣмъ вы?

МЕЛАНІЯ
(обнимаетъ его ноги).

Утопаю въ грязи... въ подлости своей утопаю; подай руку! Кто лучше тебя на землѣ?

ПРОТАСОВЪ (испуганъ).

Позвольте... такъ—я упаду! И—не цѣлуйте брюки... что вы?

МЕЛАНІЯ.

Сдѣлала я поступокъ, изгадила себѣ душу,—очисти! Кто, кромѣ тебя, это можетъ?

ПРОТАСОВЪ
(стараясь понять).

Вы—сядьте... т.-е., встаньте! Теперь—сядьте, да! Что вы хотите?..

МЕЛАНІЯ.

Возьми меня къ себѣ! Позволь около жить, только бы видѣть тебя каждый день... слышать тебя... Я—богата, все возьми! Выстрой себѣ кабинетъ для науки твоей... башню выстрой! Взойди на высоту и—живи... а я внизу, у двери, день и ночь буду стоять, и никого къ тебѣ не пущу... Всѣ мои дома, земли,—все продай... и все возьми себѣ!

ПРОТАСОВЪ (улыбаясь).

Позвольте... это, однако, идея! Чортъ побери! Какую можно устроить лабораторію!..

МЕЛАНІЯ (рада).

Да, да! И возьми меня, чтобы я всегда видѣла тебя... Не говори со мной, не надо! Только посмотри на меня иногда... только улыбнись мнѣ! Была бы у тебя собака... вѣдь ты улыбался бы ей... ласкалъ бы ее иногда?.. такъ вотъ я буду... вмѣсто собаки!

ПРОТАСОВЪ (озабоченъ).

Подождите... зачѣмъ же такъ? Это странно... не нужно! Я, знаете, сильно пораженъ... развѣ я могъ ожидать, что васъ такъ увлечетъ наука?..

МЕЛАНІЯ (не слушая).

Вѣдь я—глупая, я—тупая, какъ бревно! Книжки твои—не понимаю я... Ты думаешь, читала я ихъ?

ПРОТАСОВЪ (теряется).

Нѣтъ? Но—что же тогда?..

МЕЛАНІЯ.

Милый! Цѣловала я книжки... Взгляну въ нее, а тамъ такія слова,—никто, кромѣ тебя, и понять ихъ не можетъ... И цѣлую...

ПРОТАСОВЪ (смущенъ).

Вотъ отчего пятна на переплетахъ... Но—зачѣмъ-же цѣловать книги? Это ужъ какой-то фетишизмъ...

МЕЛАНІЯ.

Пойми, люблю тебя! Такъ хорошо около тебя, чисто, ясно! Божій человѣкъ, люблю тебя...

ПРОТАСОВЪ
(негромко, пораженный).

Позвольте... т.-е., какъ это?

МЕЛАНІЯ.

Какъ собака! Не могу я говорить,—молчать могу... и много лѣтъ молчала, а у меня съ души кожу сдирали...

ПРОТАСОВЪ
(у него возникаетъ надежда, что онъ ошибся).

Вы... извините меня!—Я не могу поймать вашу основную мысль... Можетъ быть, вамъ... болѣе удобно поговорить объ этомъ съ Леной?

МЕЛАНІЯ.

Говорила я съ ней... Прекрасная она... она знаетъ, что ты не любишь ее...

ПРОТАСОВЪ (вскочивъ).

Какъ—не люблю? Ишь вы...

МЕЛАНІЯ.

Она—все знаетъ, все чувствуетъ... хорошая она! Но—зачѣмъ два огня вмѣстѣ? Она—гордая...

ПРОТАСОВЪ
(снова теряется).

Знаете, все это... такая путаница! т.-е., никогда я не чувствовалъ себя такъ нелѣпо...

МЕЛАНІЯ.

А какъ буду я съ тобой... какъ будешь ты моимъ...

ПРОТАСОВЪ
(немного раздраженъ).

Что-о? Какъ это—моимъ? (Смотритъ на нее и негромко, почти со страхомъ) Меланія Николаевна... нужно объя-

сниться! Вы извините меня... я ставлю вопросъ прямо... Вы, можетъ быть, влюбились въ меня?

МЕЛАНІЯ
(тоже нѣсколько секундъ смотритъ на него и—упавшимъ голосомъ).

А про что-же я говорю... родной мой! Про это я и говорю.

ПРОТАСОВЪ.

Да?.. Извините... я думалъ... я думалъ, вы не такъ...

МЕЛАНІЯ (тихо).

Такъ, что вотъ обезумѣла...

ПРОТАСОВЪ
(нервно бѣгая по комнатѣ).

Я, конечно... очень благодаренъ... очень тронутъ... Но, къ сожалѣнію... вѣдь я—женатъ... нѣтъ, не то! Видите-ли... сразу это нельзя разрѣшить... да! Но, знаете, не нужно, чтобы это знала Лена... мы ужъ какъ-нибудь одни разберемся...

МЕЛАНІЯ.

Да она знаетъ...

ПРОТАСОВЪ
(почти съ отчаяніемъ).

Что—знаетъ?

(Чепурной и Лиза идутъ съ верху по лѣстницѣ. Молча проходятъ черезъ комнату на террасу. Чепурной—угрюмо спокоенъ. Лиза—взволнована)

МЕЛАНІЯ (тихо).

Ой, идутъ! Тише... братъ!

ПРОТАСОВЪ (сестрѣ).

А... гм! Вы... идете?

ЧЕПУРНОЙ (глухо).

Идемъ...

ПРОТАСОВЪ
(очень искренно и просто).

Меланія Николаевна! Согласитесь,—тутъ такое исключительное положеніе... невозможное положеніе... Вѣроятно, я вамъ смѣшонъ... и это обижаетъ васъ... Но, милая, хорошая моя... это такъ странно, и—такъ не нужно мнѣ!

МЕЛАНІЯ.

Не нужно?

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ!.. Простите меня... И я долженъ сказать все это Ленѣ... И—потомъ—я уйду... она все тамъ еще... это меня безпокоитъ... И я не могу не сказать ей... Вы не сердитесь...

(Идетъ къ себѣ. Меланія—тихо за нимъ... Потомъ возвращается, растерянная, жалкая)

МЕЛАНІЯ (про себя).

Не дошло до него... Стыдъ-то какой!.. (Елена входитъ въ дверь съ террасы) Милая вы моя! Пожалѣйте дуру...

ЕЛЕНА.

Что такое? Вы... сказали Павлу?

МЕЛАНІЯ.

Все сказала...

ЕЛЕНА.

И—онъ? Что-же?

МЕЛАНІЯ.

Всѣ слова мои... вся любовь моя—все упало, какъ пыль на воду...

ЕЛЕНА
(просто, искренно).

Мнѣ больно за васъ... Что онъ говорилъ?..

МЕЛАНІЯ.

Не знаю... Ничего не пристало къ нему... не дошло ему до сердца! Видно, огонь грязью не запачкаешь... На колѣни становилась я... не понимаетъ!..

ЕЛЕНА.

Я говорила вамъ, подождите! Сначала нужно было мнѣ спросить его...

МЕЛАНІЯ.

А я про васъ подумала: обманетъ... Все я отдавала ему... всѣ деньги,—цѣну души моей, на поруганіе проданной... не принялъ! Кто еще не принялъ бы? Только онъ...

ПРОТАСОВЪ
(выходитъ со шляпой въ рукѣ).

Елена,—ванну! Немедленно! И—все долой съ себя, въ печку! Фима!.. Ванну! Эта Фима, чортъ-бы ее побралъ, мифъ какой-то, а не горничная...

ЕЛЕНА.

Не суетись такъ... Ванна—готова, и я все сдѣлаю.

ПРОТАСОВЪ.

Иди! Пожалуйста... Холера— это не шутка...

ЕЛЕНА (уходя).

Иду, иду...

(Протасовъ, проводивъ жену, боязливо, исподлобья смотритъ на Меланію. Она сидитъ, какъ виноватая, низко опустивъ голову)

ПРОТАСОВЪ (ходитъ).

Д-да... какой сегодня пасмурный и, вообще... непріятный день!

МЕЛАНІЯ (тихо).

Да...

ПРОТАСОВЪ.

Да. И эта холера... такъ несвоевременно...

МЕЛАНІЯ.

Дѣйствительно... вдругъ...

ПРОТАСОВЪ.

А тутъ еще у меня холодильникъ сломался...

МЕЛАНІЯ.

Павелъ Федоровичъ, простите меня!

ПРОТАСОВЪ (опасливо).

Т.-е., какъ это? Что именно вы хотите сказать?...

МЕЛАНІЯ.

Забудьте все... все, что говорила я вамъ... Забудьте!

ПРОТАСОВЪ (радостно).

Нѣтъ,—серьезно?

МЕЛАНІЯ.

Серьезно... Глупая... дерзкая я...

ПРОТАСОВЪ.

Меланія Николаевна! Я васъ очень люблю... т.-е.,

уважаю! Вы удивительно непосредственный и цѣльный человѣкъ! Вы такъ горячо интересуетесь всѣмъ... Но,—голубушка моя!—это лишнее... т.-е., все, что вы говорили мнѣ, это не нужно! Будемте добрыми друзьями... вотъ и все! Всѣ люди должны быть друзьями... такъ?

МЕЛАНІЯ.

Стыдно мнѣ смотрѣть на васъ...

ПРОТАСОВЪ.

Оставимъ это... вашу руку!.. Вотъ чудесно! Нѣтъ, знаете, какъ хороши люди. Сколько въ нихъ простоты, ума и такой славной способности понимать другъ друга... Люблю людей,—изумительно интересныя существа!

МЕЛАНІЯ (усмѣхаясь).

Я не видала людей-то... я среди торговцевъ жила... мужъ у меня мясомъ торговалъ... Вотъ только у васъ увидѣла, что люди есть... и сейчасъ-же покупать стала...

ПРОТАСОВЪ.

Какъ вы говорите?

МЕЛАНІЯ.

Не слушайте меня... такъ это я...

ПРОТАСОВЪ (оживленно).

Знаете что? Давайте, выпьемъ чаю!

МЕЛАНІЯ.

Хорошо... Я къ Еленѣ Николаевнѣ пройду... оправлюсь хоть...

ПРОТАСОВЪ.

А я—распоряжусь насчетъ чая! У меня, знаете, холо-

дильникъ сломался, чортъ его возьми, а у Егора—жена заболѣла; починить некому, и я сегодня не могу работать... (Смѣясь идетъ къ себѣ)

МЕЛАНІЯ
(вслѣдъ ему, съ глубокимъ чувствомъ).

Дитя ты мое милое... дитя мое прекрасное...

(Идетъ къ Еленѣ. Антоновна изъ столовой, раздраженная. Ворчитъ)

АНТОНОВНА.

Какъ Мамай прошелъ по дому... на-те-ка, поглядите. Разбросано все, растворено... Уйти нельзя... Только у мертвенькихъ и порядокъ... на кладбищѣ-то... Только тамъ, видно, и спокой... (Въ дверь съ террасы входятъ Лиза и Чепурной) Лизанька, лекарство и молоко...

ЛИЗА (раздраженно).

Молчи! Иди...

АНТОНОВНА.

На-те-ка! (Уходитъ)

ЧЕПУРНОЙ.

Значитъ, кончено?

ЛИЗА.

Да, Борисъ Николаевичъ!.. Больше ни слова объ этомъ, никогда!

ЧЕПУРНОЙ.

Такъ... Я вѣдь сегодня потому заговорилъ, что, показалось мнѣ, ошибаетесь вы...

ЛИЗА.

Нѣтъ! Не болѣзнь мѣшаетъ мнѣ... я не боюсь ея...

Но—не могу я... не хочу я имѣть дѣтей... Никто не спрашиваетъ себя, зачѣмъ родятся люди? Я—спросила... Для личной жизни нѣтъ мѣста на землѣ, тому, кто не имѣетъ силы всю жизнь земли сдѣлать личной, своей... Такъ вы —уѣдете, да?

ЧЕПУРНОЙ (спокойно).

Хорошо...

(Вагинъ идетъ съ террасы)

ЛИЗА.

Вамъ лучше будетъ... И не носите красныхъ галстуховъ... это вульгарно! Какъ мнѣ жаль, что именно сегодня вы въ красномъ...

ВАГИНЪ.

Вотъ день! Точно въ октябрѣ...

ЧЕПУРНОЙ.

Денекъ задался скверный.

ЛИЗА.

Вы куда думаете ѣхать?

ЧЕПУРНОЙ (спокойно).

Я? А въ Могилевскую губернію...

ЛИЗА (тревожно).

Почему... именно въ эту?

ЧЕПУРНОЙ.

У меня тамъ знакомыхъ много...

ВАГИНЪ.

Уѣхалъ въ Могилевскую губернію, такъ каламбуристы говорятъ иногда о покойникахъ...

ЛИЗА (вздрогнувъ).

Что это вы? Фуй...

ВАГИНЪ.

Вы испугались каламбура? Ужъ не думаете-ли вы, что Борисъ Николаевичъ—умретъ? Развѣ только застрѣлится ..

ЛИЗА
(укоризненно и тревожно).

Зачѣмъ вы говорите такъ?

ВАГИНЪ.

Спѣшу успокоить васъ: нѣтъ случая, чтобы ветеринаръ застрѣлился...

АНТОНОВНА (изъ столовой).

Лизанька, иди чай наливать...

(Лиза молча идетъ)

ВАГИНЪ.

Грѣшный человѣкъ, люблю позлить ее... Интересничаетъ она своей скорбью о мірѣ... Скучнѣйшій народъ эти страдальцы за муки міра... И мнѣ органически враждебно все нездоровое...

ЧЕПУРНОЙ.

Что-жъ вы ту картину—„Къ солнцу идутъ“ или какъ оно,—будете писать?

ВАГИНЪ.

Непремѣнно! Великолѣпная тема, а? Кстати мнѣ нужно-бы васъ для нея...

ЧЕПУРНОЙ (удивленъ).

Меня? Гдѣ-жъ мнѣ тамъ мѣсто? На днѣ корабля?

ВАГИНЪ (всматриваясь).

У васъ надъ глазами есть одна такая упрямая складка... это очень характерно! Вы ничего не будете имѣть, если я сейчасъ схвачу ее?

ЧЕПУРНОЙ.

Хватайте...

ВАГИНЪ
(вынимаетъ альбомъ).

Роскошно... я—въ минуту! (Рисуетъ)

ЧЕПУРНОЙ.

Вы анекдоты любите?

ВАГИНЪ.

Очень! Если они не глупые...

ЧЕПУРНОЙ.

Такъ вотъ я вамъ разскажу одинъ.

ВАГИНЪ.

Пожалуйста... А я, когда рисую, молчу...

ЧЕПУРНОЙ.

Я слышу, какъ вы молчите... Вотъ оно какъ было: когда-то черезъ Ламаншъ, изъ Дувра въ Кале, ѣхало англійское посольство, и былъ на кораблѣ французъ. Хвастались, кто лучше: англичане или французы? Англичане говорятъ: мы вездѣ! А французъ говоритъ: нѣтъ! Въ этомъ проливѣ нашихъ дипломатовъ много утонуло, а вотъ англійскихъ—ни одного! Тутъ молодой англичанинъ изъ посольства прыгнулъ за бортъ—гопъ!—и утонулъ...

ВАГИНЪ
(послѣ паузы).

Ну? И что-же?

ЧЕПУРНОЙ.

Больше ничего...

ВАГИНЪ.

Это—весь анекдотъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Весь... Чего-жъ вамъ? Захотѣлъ человѣкъ поддержать честь націи и—утонулъ!

ВАГИНЪ.

Ну, знаете, вашъ анекдотъ хоть и морской, а не солонъ...

ЧЕПУРНОЙ.

А хорошо вы галстухъ завязываете...

ВАГИНЪ.

Нравится? Это одна дама научила...

ЧЕПУРНОЙ.

И цвѣтъ хорошій...

ПРОТАСОВЪ (входитъ).

Здѣсь рисуютъ? А Лена еще не выходила? Знаешь, Дмитрій, она сегодня возилась съ холерной...

ВАГИНЪ.

Что-о?

ПРОТАСОВЪ.

Да, да! Съ женой моего слесаря! Каково?

ВАГИНЪ.

По меньшей мѣрѣ, неразумно! И какъ ты позволилъ?

ЕЛЕНА (входитъ).

Развѣ мнѣ можно не позволять?

ВАГИНЪ.

Но вѣдь это же... не ваше дѣло!

ЕЛЕНА.

Почему? Если я хочу его дѣлать, значитъ, мое...

ВАГИНЪ.

Вы и... чортъ знаетъ что!

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ, она молодецъ! Хотя я боялся за нее... Ты выпила капли, да?

ВАГИНЪ
(кончилъ рисовать).

Вотъ и все... спасибо!.. Славная это черточка у васъ...

ЧЕПУРНОЙ.

Очень радъ...

ЛИЗА (изъ столовой).

Идите-же пить чай!

ВАГИНЪ.

Идемъ! (Беретъ подъ руку Чепурного, идутъ)

ПРОТАСОВЪ (вполголоса).

Лена, мнѣ что-то нужно сказать тебѣ...

ЕЛЕНА.

Сейчасъ?

ПРОТАСОВЪ (торопливо).

Да! Знаешь, случилось что-то чрезвычайно нелѣпое! Меланія Николаевна—она ушла?

ЕЛЕНА (улыбаясь).

Ушла...

ПРОТАСОВЪ.

Ты подожди, не смѣйся! Она, кажется, знаешь, влюбилась въ меня! Самымъ обыкновеннымъ образомъ,—какъ это нравится тебѣ? Ей-Богу, я—не подавалъ ей повода, Лена... чего ты смѣешься? Нужно отнестись къ этому серьезно... это такъ непріятно, если бы ты знала! Она тутъ плакала, поцѣловала мнѣ брюки... и руку, вотъ эту...

ЕЛЕНА (смѣясь).

Перестань, Павелъ...

ПРОТАСОВЪ
(немного сердится).

Ты меня удивляешь! Я-же говорю, она серьезно. Она предлагала мнѣ всѣ свои деньги... хочу, говоритъ, жить съ тобой. Понимаешь, говоритъ мнѣ „ты“! Не подумай, пожалуйста... я не давалъ ей права на это... И отъ нея, почему-то, пахнетъ селитрой... чего ты?

ЕЛЕНА (смѣясь).

Я не могу... это смѣшно... ты—смѣшной!

ПРОТАСОВЪ
(нѣсколько обиженъ).

Почему? Это тяжело, а не смѣшно... это нелѣпо! Я такъ испугался... что-то говорилъ ей, а въ головѣ у меня все перевернулось кверху ногами... Она очень серьезно, замѣть! Да,—она говорила еще, что ты все знаешь, но что

именно,—я не понялъ... Сначала я не хотѣлъ тебѣ говорить объ этомъ...

ЕЛЕНА (ласково).

Я все знаю... славный ты мой!

ПРОТАСОВЪ.

Знаешь? Какъ же... что же ты меня не предупредила...

ЕЛЕНА
(какъ бы вспомнила что-то и—сухо).

Давай оставимъ это до вечера...

ПРОТАСОВЪ.

Да, хорошо... я хочу чаю... Но если ты знаешь, я радъ! Значитъ, ты сама и распутаешь все это,—да?

ЛИЗА (изъ столовой).

Лена! Пойди сюда...

ЕЛЕНА.

Иду...

ПРОТАСОВЪ.

Такъ ужъ ты возьми все это на себя...

ЕЛЕНА.

Хорошо... не безпокойся! Идемъ... (Идутъ)

ПРОТАСОВЪ.

Знаешь, когда я поднималъ ее съ пола, то подъ мышками... (Доканчиваетъ шопотомъ)

ЕЛЕНА.

Фи, Павелъ. Какъ грубо...

(Сцена нѣсколько секундъ пуста. Изъ столовой доносится говоръ и звонъ посуды).

Выходитъ Чепурной—со словами: „ну, я здѣсь покурю"... Проходитъ къ окну заложивъ руки за спину. Вынимаетъ изо рта папиросу, смотритъ на нее и вполголоса поетъ)

ЧЕПУРНОЙ.

Ночевала тучка золотая... (Голосъ у него вздрагиваетъ и срывается) Э-гм... Но-очевала тучка золотая...

ВАГИНЪ (выходитъ).

На груди утеса великана... И меня изгнали,—не велятъ курить...

ЧЕПУРНОЙ.

Такъ вы любите анекдоты?

ВАГИНЪ.

У васъ есть еще одинъ скучный?

ЧЕПУРНОЙ.

Я вамъ другой сочиню... А теперь—пойду себѣ до дому...

ВАГИНЪ.

А когда же анекдотъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Завтра! Дождь идетъ... Чи булъ у меня зонтикъ, чи не булъ?—какъ говорилъ, бывало, Гамлетъ, принцъ датскій... Прощайте!

ВАГИНЪ
(задерживая его за руку).

Вы куда-то уѣзжаете, я понялъ?

ЧЕПУРНОЙ (усмѣхаясь).

Да, ѣду... Надо поѣхать...

ВАГИНЪ (тоже улыбаясь).

Ну, счастливой дороги! Вы мнѣ, почему-то, очень понравились сегодня...

ЧЕПУРНОЙ.

Спасибо...

ВАГИНЪ.

Вы сегодня похожи на влюбленнаго... скажите, вы влюблялись когда-нибудь?..

ЧЕПУРНОЙ.

А какъ былъ студентомъ, то къ хозяйкѣ моей квартиры слабость имѣлъ, и даже объяснилъ ей это...

ВАГИНЪ.

Красивая?..

ЧЕПУРНОЙ.

Это трудно было понять... она уже лѣтъ пятьдесятъ имѣла въ то время... А когда я объяснилъ ей, она за квартиру три рубля въ мѣсяцъ лишнихъ накинула.

ВАГИНЪ (смѣясь).

Серьезно?

ЧЕПУРНОЙ.

Да ужъ такъ... Ну... прощайте-жъ.

(Смѣясь уходитъ въ столовую. Вагинъ задумчиво смотритъ вслѣдъ ему, потомъ ходитъ по комнатѣ, куритъ, мурлычетъ что-то и потряхиваетъ головой. Антоновна изъ комнаты Елены)

АНТОНОВНА (ворчливо).

А я думала,—это тотъ выхаживаетъ...

ВАГИНЪ.

Кто—тотъ?

АНТОНОВНА.

Хохолъ. Гдѣ онъ?

ВАГИНЪ.

Ушелъ домой...

АНТОНОВНА.

Только и знаетъ: придти, чаю попить да уйти... А дѣвушка—истомилась вся... по пять... ночей не спитъ... Хоть бы вы ему сказали, что-ли ужъ...

ВАГИНЪ.

Какая дѣвушка? Почему она не спитъ? И что надо сказать дѣвушкѣ?

АНТОНОВНА.

А ну васъ!.. Одна у насъ въ домѣ дѣвушка... Она въ годахъ... чего ее безъ толку тревожить? И такъ вся изболѣла... А вы всѣ тутъ ходите да разговариваете, и никому нѣтъ дѣла, что человѣку такъ, можетъ, трудно, хоть руки на себя наложить... (Идетъ въ столовую)

ВАГИНЪ

(крѣпко потираетъ лобъ, задумывается, потомъ встряхиваетъ головой, какъ бы принявъ нѣкое рѣшеніе).

Павелъ!

ПРОТАСОВЪ

(съ книгой въ рукѣ).

Вотъ я...

ВАГИНЪ (непріязненно).

Какое у тебя самодовольное лицо!

ПРОТАСОВЪ (удивленъ).

Ты за этимъ звалъ меня?..

ВАГИНЪ.

Мнѣ нужно поговорить съ тобой...

ПРОТАСОВЪ (зѣваетъ).

А-а... Сегодня всѣ хотятъ говорить со мной... Я уже много слышалъ необычнаго, и—ни одного слова путнаго...

ВАГИНЪ.

Вотъ я тебѣ скажу нѣчто путное...

ПРОТАСОВЪ
(смотритъ въ книгу).

Не будь самонадѣянъ...

ВАГИНЪ.

Положи книгу...

ПРОТАСОВЪ.

Куда? Т.-е., зачѣмъ?

ВАГИНЪ.

Куда-нибудь... Дѣло вотъ въ чемъ... я люблю Елену Николаевну...

ПРОТАСОВЪ (спокойно).

Вотъ удивилъ! Какъ же ее не любить?

ВАГИНЪ.

Я люблю ее, пойми!—какъ женщину...

ПРОТАСОВЪ (спокойно).

Ну, и что-жъ? (Спохватившись, вскакиваетъ) А... а она? Она—знаетъ? Ты сказалъ ей? Что она отвѣтила?

ВАГИНЪ.

Да... она знаетъ...

ПРОТАСОВЪ (тревожно).

Ну? Что-жъ... она отвѣтила?

ВАГИНЪ (смущенно).

Ничего... опредѣленнаго... пока...

ПРОТАСОВЪ (радъ).

Ну, конечно! Я-же зналъ это... разумѣется...

ВАГИНЪ (сдержанно).

Подожди... дѣло, собственно, въ томъ, что ты скверно относишься къ ней...

ПРОТАСОВЪ (изумленно).

Я? Какъ? Когда?

ВАГИНЪ.

Ты—игнорируешь ее... Ты убилъ въ ней любовь къ тебѣ...

ПРОТАСОВЪ (испуганъ).

Это... она говоритъ?

ВАГИНЪ.

Это я говорю...

ПРОТАСОВЪ (обиженно).

Позвольте, господа! Что вы сегодня — съ ума всѣ сошли? Одинъ говоритъ: я не люблю Лену; другой: она меня не любитъ... что это такое? Вы совершенно невмѣняемы... и съ вами, наконецъ, потеряешь голову! А она молчитъ... она—не говоритъ! При чемъ здѣсь вы? Ничего не понимаю!

ВАГИНЪ.

Павелъ, мы съ тобой друзья съ дѣтства... я люблю тебя...

ПРОТАСОВЪ.

Если можешь, прибавь къ твоей любви немножко деликатности... да! И предоставьте вы человѣку право говорить самому за себя... самому отстаивать свою свободу, свое достоинство... Когда онъ умѣетъ дѣлать это, онъ сдѣлаетъ лучше васъ...

ВАГИНЪ.

А если—не умѣетъ?

ПРОТАСОВЪ.

Чортъ съ нимъ тогда! Развѣ это человѣкъ?

ВАГИНЪ.

А—не хочетъ?

ПРОТАСОВЪ.

Не хотѣть—невозможно... Ты, Дмитрій, извини меня! какъ всѣ художники, ты не серьезенъ... Еще вчера ты молчалъ, а сегодня—вдругъ!—я люблю ее...

ВАГИНЪ.

Съ тобой нельзя говорить... Впрочемъ, я сказалъ все, что нужно было... Я—ухожу...

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ, подожди... я позову Лену... Лена!

ВАГИНЪ (тревожно).

Что ты? Зачѣмъ?

ПРОТАСОВЪ.

Зачѣмъ? Лена! Пусть она при тебѣ скажетъ, въ чемъ дѣло. Лена-же! (Елена выходитъ) Елена, — вотъ! И онъ тоже, какъ эта Маланья, оказывается, влюбленъ... да. Но—онъ уже въ тебя...

(Елена вопросительно и строго смотритъ на Вагина)

ВАГИНЪ (волнуясь).

Ну, да... что-же? Я сказалъ ему, что люблю васъ... что вамъ тяжело съ нимъ...

ЕЛЕНА.

Благодарю васъ... Это такъ по-рыцарски... и такъ молодо... очень молодо!..

ВАГИНЪ (оскорбленъ).

Я не заслужилъ иронiи. Я не хочу враждебнаго чувства къ Павлу... а оно зарождалось... Пускай я сдѣлалъ глупо, безтактно, грубо... но мной руководили чувства товарища... и любовь... Я поддался порыву, который вызвали въ душѣ моей слова няньки... мнѣ захотѣлось чего-то... хорошаго для васъ, Елена Николаевна... И между такими людьми, каковы мы,—все должно быть просто и ясно...

ЕЛЕНА.

Я благодарю васъ...

ПРОТАСОВЪ.

Я вѣдь ничего не сказалъ обиднаго для тебя, Дмитрiй?

ВАГИНЪ.

Нѣтъ! Я—уйду... до свиданiя...

ЕЛЕНА.

Вы придете завтра... да?

ВАГИНЪ (уходитъ).

Да... вѣроятно...

ПРОТАСОВЪ
(вопросительно смотритъ на жену).

Ну, Лена? Что это? Какъ ты относишься къ этому?

ЕЛЕНА.

А—ты?

ПРОТАСОВЪ.

Хорошо, что ты спокойная такая... ф-фу! Вотъ день! Онъ объяснялся съ тобой?

ЕЛЕНА.

Да, объяснялся...

ПРОТАСОВЪ.

Говорилъ, что любитъ, и прочее?

ЕЛЕНА.

Именно это и прочее...

ПРОТАСОВЪ.

Ишь, какой... художникъ! Ну, а ты что же говорила?

ЕЛЕНА.

Много... разное...

ПРОТАСОВЪ.

Но—ты сказала ему, что любишь меня?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, не сказала...

ПРОТАСОВЪ.

Это—напрасно. Надо было сказать... нужно было сразу сказать: я люблю Павла, т. е., мужа! Послѣ этого онъ, разумѣется, долженъ былъ бы... мм... н-да! Ну, это я ужъ не могу рѣшить, какъ бы онъ поступилъ въ данномъ случаѣ... да это, въ сущности, и не важно!..

ЕЛЕНА.

А что по-твоему важно?

ПРОТАСОВЪ.

Чтобы подобный фактъ не повторялся...

ЕЛЕНА.

Павелъ! Ты говорилъ о немъ и кое-что даже пытался рѣшать за него... ты выразилъ желаніе, чтобы... все это впредь не тревожило тебя... а гдѣ же я?

ПРОТАСОВЪ (безпокойно).

Т.-е., какъ? Что ты хочешь сказать?

ЕЛЕНА.

Не много. Я чувствую, что не нужна тебѣ. Въ твоей жизни я не играла никакой роли. Ты далекъ и чуждъ мнѣ. Кто я для тебя? Ты никогда не спрашивалъ, чѣмъ я живу, что думаю...

ПРОТАСОВЪ.

Не спрашивалъ? Но... мнѣ некогда разговаривать, Лена! И—почему ты сама не сказала...

ЕЛЕНА.

Я не хочу просить, какъ нищая, того, что я должна имѣть по праву моему, человѣка и жены твоей... Я не могу просить, а требовать я не хотѣла... зачѣмъ насиліе?...

ПРОТАСОВЪ (съ отчаяніемъ).

А, чортъ возьми, какъ это тяжело! Какъ не нужны всѣ эти недоразумѣнія... объясненія... какъ они обидны!

ЕЛЕНА.

Ты—не волнуйся. Видишь ли, я рѣшила уйти отъ тебя... рѣшила это твердо, и мысленно уже простилась съ тобой.

ПРОТАСОВЪ (пораженъ).

Лена, — нѣтъ! Куда уйти? Зачѣмъ? Ты... любишь Дмитрія? Да? да?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ. Не такъ, чтобъ быть его женой...

ПРОТАСОВЪ (радостно).

Какъ это хорошо! Но все-таки меня-то ты уже не любишь? Скажи! Скорѣе, Лена!

ЕЛЕНА.

Зачѣмъ тебѣ знать это?

ПРОТАСОВЪ (искренно).

Ахъ, да вѣдь я тебя люблю...

ЕЛЕНА.

Полно, Павелъ...

ПРОТАСОВЪ (убѣжденно).

Честное слово, Лена! Но мнѣ такъ некогда... Послушай, вѣдь это не серьезно у тебя!.. Я понимаю, ты обижена... прости, извини, забудь! Вѣдь если ты уйдешь, я буду думать, гдѣ ты, что съ тобой... а мои работы? Ты меня изувѣчишь, Лена... какъ же мои работы? Вѣдь или работать, или думать о тебѣ...

ЕЛЕНА (съ горечью).

Провѣрь свои слова: ни слова обо мнѣ... ни одного слова, мой другъ!

ПРОТАСОВЪ
(опускаясь на колѣни).

Какъ ни слова? Да я же говорю, что не могу жить безъ тебя... Лена, пусть я виноватъ, — прости меня! Не мѣшай мнѣ жить... жизнь—коротка, а въ ней такъ много интересной работы!

ЕЛЕНА.

А для меня? Что въ ней есть для меня? (Прислушиваясь) Подожди...

(На лѣстницѣ шаги, торопливые и громкіе. Протасовъ пугливо вскакиваетъ. Сбѣгаетъ Лиза, ея глаза широко открыты, и въ нихъ—ужасъ. Шевелитъ губами, дѣлаетъ знаки руками,—не можетъ говорить)

ПРОТАСОВЪ.

Лиза! Что ты?

ЕЛЕНА.

Воды! Дай воду!

ЛИЗА.

Нѣтъ! Послушайте... сейчасъ случилось несчастье...

Повѣрьте мнѣ, я знаю... такая тоска, вдругъ... сердце точно умираетъ! Случилось несчастіе гдѣ-то... съ кѣмъ-то близкимъ...

ЕЛЕНА.

Полно, успокойся... тебѣ почудилось...

ЛИЗА (кричитъ).

Повѣрьте мнѣ... повѣрьте! (Падаетъ на руки брата).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Обстановка второго дѣйствія. Полдень. Позавтракали, данъ кофе. Романъ, въ красной рубахѣ, чинитъ рѣшетку сада. Луша, стоя у террасы, смотритъ на него. Въ комнатахъ смѣется Протасовъ.

ЛУША.

Ты какой губерніи?

РОМАНЪ.

Рязанской.

ЛУША.

А я—калужская...

РОМАНЪ.

Ничего... что-же?

ЛУША.

Страшный ты больно...

РОМАНЪ (ухмыляется).

Чего—страшный? Что борода? Это ничего! Я вдовый... жениться надо...

ЛУША
(подходя ближе).

А правду въ лавочкѣ говорили, будто баринъ-то мой чернокнижникъ?

РОМАНЪ.

Можетъ, и чернокнижникъ... Господа — они способные...

ЛУША.

Боюсь я... больно они всѣ ласковые... такіе ласковые,—будто и не господа!

РОМАНЪ.

Вотъ тоже, которые деньги фальшивыя дѣлаютъ...

ЛУША.

Ну?

РОМАНЪ.

Ну, ничего... Въ каторгу за это ихъ...

(Протасовъ и Лиза выходятъ изъ комнатъ)

ПРОТАСОВЪ.

Вотъ и чудесно! Пей свое молоко...

ЛИЗА
(съ гримасой, устало).

Зачѣмъ этотъ мужикъ въ красномъ?

ПРОТАСОВЪ.

Такъ ему нравится... Знаешь, Лена—это такая славная, умная женщина...

ЛИЗА
(мѣшаетъ ложкой молоко).

Да?

ПРОТАСОВЪ
(ходитъ по террасѣ).

Да, Лиза, да! Повѣрь мнѣ... А это вотъ новая горничная... вотъ какая! Васъ какъ зовутъ?

ЛУША (робѣя).

Насъ? Лукерьей...

ПРОТАСОВЪ.

Ага... Лукерья... гм! Вы—грамотная?

ЛУША.

Нѣту... Молитвы знаю...

ПРОТАСОВЪ

А... вы—замужняя?

ЛУША.

Нѣтъ еще... дѣвицы мы...

ПРОТАСОВЪ.

Вы, очевидно, прямо изъ деревни?

ЛУША.

Прямо... мы прямо...

ПРОТАСОВЪ.

Это хорошо... ну, вотъ, живите у насъ... мы люди простые... у насъ, знаете... забавно!

ЛИЗА (улыбаясь).

Какой ты всегда смѣшной, Павелъ...

ПРОТАСОВЪ.

Смѣшной? Ну, что-жъ!.. Знаешь, Лиза, вотъ и Лена говоритъ тоже... ты, вообще, права... Мы всѣ, дѣйствительно, далеко стоимъ отъ простыхъ людей... и надо что-то дѣлать, надо, чтобъ они подошли ближе къ намъ... Елена прекрасно говорила объ этомъ... такъ просто, доказательно... Я—пораженъ, — такое богатство ума и сердца было около меня, а я не зналъ! И не умѣлъ пользоваться. Во мнѣ, очевидно, есть что-то тупое, ограниченное...

ЛИЗА.

Полно! Просто ты не замѣчаешь людей...

ПРОТАСОВЪ.

Да, да! Что-то есть. Вчера, когда мы тебя уложили, я часа три говорилъ съ Леной... Потомъ мы послали за Дмитріемъ... Ты знаешь, онъ... ахъ, да объ этомъ не надо говорить...

ЛИЗА.

О чемъ?

ПРОТАСОВЪ.

Да... тамъ... Дмитрій, будто-бы, влюбился въ Елену... т.-е., это онъ-же самъ и говоритъ... Но я ему не вѣрю... и она тоже... Елена великолѣпно говорила съ нимъ... знаешь, какъ умная и любящая мать... И это было трогательно... такъ что всѣ мы плакали... Знаешь, Лиза... какъ легко и пріятно жить, если люди понимаютъ и уважаютъ другъ друга! Мы всѣ трое будемъ друзьями...

ЛИЗА (горько).

Трое? А я?

ПРОТАСОВЪ.

И ты, конечно! Разумѣется, и ты... Мы всѣ, Лиза, будемъ друзьями, будемъ работать, накопимъ для людей много сокровищъ чувства и мысли, и, гордые сознаніемъ, что вотъ мы—мы!—сдѣлали много важнаго и нужнаго для людей, уйдемъ изъ жизни, пріятно усталые, спокойно примиренные съ необходимостью уйти... какъ это славно, Лиза! Какъ это ясно, просто!..

ЛИЗА.

Люблю, когда ты говоришь такъ... люблю тебя, и жизнь мнѣ кажется такой, какъ ты ее рисуешь — простой, красивой... Но когда я—одна... а я—всегда одна...

ПРОТАСОВЪ.

Не надо быть грустной, Лиза, а? Вчера тебѣ представилось... это все только больные нервы...

ЛИЗА (пугливо).

Не говори мнѣ о болѣзни! Не говори... Дайте мнѣ забыть ее... Мнѣ это нужно, необходимо... Довольно... я тоже хочу жить... я имѣю право жить!

ПРОТАСОВЪ.

Ты—не волнуйся... (Идетъ Елена) Вотъ и Лена... вотъ моя Лена, мой добрый и немножко... суровый, строгій другъ...

ЕЛЕНА.

Ну, полно... не надо! (Указываетъ глазами на Лизу)

ЛИЗА (нервно).

Елена! Ты вѣдь его любишь, да?

ЕЛЕНА (смущаясь).

Ну, да, конечно...

ЛИЗА.

Какъ я рада!.. А мнѣ казалось...

ЕЛЕНА.

Мнѣ бывало порой тяжело... безумно тяжело! Вѣдь этотъ господинъ—незамѣтно для себя и вовсе не желая—такъ можетъ оскорбить...

ЛИЗА (возбужденно).

Подожди!.. Я—тоже... я люблю Бориса Николаевича... Вчера я ему отказала... совсѣмъ, совершенно! а вечеромъ мнѣ вдругъ почудилось, что съ нимъ... произошло какое-то несчастье... какой-то ужасъ... съ нимъ! Онъ вѣдь всѣхъ ближе мнѣ... ближе всѣхъ васъ... И вчера

я узнала, что люблю его... что онъ мнѣ нуженъ... и я не могу безъ него!..

НАЗАРЪ
(кричитъ гдѣ-то на дворѣ).

Романъ!

РОМАНЪ (негромко).

Чего?

ЛИЗА.

Онъ такой... упрямый! Вѣдь онъ славный... да?

ЕЛЕНА (цѣлуя ее).

Милая Лиза... желаю тебѣ счастья... Немножко счастья—это такъ нужно всѣмъ намъ...

ЛИЗА.

Какія у тебя горячія губы...

ПРОТАСОВЪ.

Ну—поздравляю! Это, ты увидишь,—чудесно подѣйствуетъ на тебя! Нормальная жизнь—это очень важно! И Чепурной... онъ мнѣ нравится!.. Онъ—несравненно умнѣе своей сестры...

НАЗАРЪ (кричитъ).

Романъ, чортъ!

РОМАНЪ.

Я говорю—чего?

ЛИЗА.

Теперь я спокойна... Мы съ нимъ уѣдемъ въ степь куда-то... онъ любитъ степь... Мы будемъ съ нимъ одни—совсѣмъ одни!—ходить по зеленой пустынѣ... и все будетъ видно вокругъ насъ... все и—ничего!

НАЗАРЪ
(выходитъ изъ-за угла дома).

Романъ! Я тебя зову или нѣтъ?

РОМАНЪ.

Я слышу... чего-же?

НАЗАРЪ.

Обломъ! Запри, ступай, ворота и калитку... Мое почтеніе, Павелъ Федоровичъ!.. Какъ здравствуете?

ПРОТАСОВЪ.

Великолѣпно!.. Что это вы запираете?

НАЗАРЪ.

Не слыхали развѣ? Волненіе идетъ въ народѣ... по случаю болѣзни этой... Народъ такъ понимаетъ, что болѣзни вовсе нѣтъ... а, дескать, господа доктора для практики... стараются...

ПРОТАСОВЪ.

Какая дикая ерунда!..

НАЗАРЪ.

Конечно-съ... извѣстно — народъ! Такъ о немъ и выражаются — подлый народъ! Выдумываетъ все, по дикости своей... дескать, докторовъ много, работы— нѣтъ имъ... ну они и—того... На всякій случай—для охраны имущества и покоя—я и велѣлъ ворота запереть...

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ, положительно только у насъ возможна подобная нелѣпость!

НАЗАРЪ.

Что и говорить!.. Вчера, будто, одного доктора помяли...

ЛИЗА.

Какого? Фамилія... вы не знаете фамиліи?

НАЗАРЪ.

Не знаю-съ...

ЕЛЕНА.

Лиза!.. Что ты? Вѣдь Борисъ Николаевичъ не докторъ...

ЛИЗА.

Да... онъ не докторъ...

ЕЛЕНА.

Идемъ отсюда... (Уводитъ ее въ комнаты)

НАЗАРЪ.

Напугалъ я барышню-то... Павелъ Федоровичъ! А что—господинъ Чепурновъ не говорилъ съ вами...

МИША
(является изъ-за угла).

Папаша! Тамъ подрядчикъ пришелъ... Честь имѣю!

ПРОТАСОВЪ.

Здравствуйте...

НАЗАРЪ.

А я скажу—до пріятнаго свиданія! (Уходитъ)

МИША.

Пріятный день... не жарко...

ПРОТАСОВЪ.

Да... пріятно!

МИША.

Позволю себѣ спросить васъ: дѣвушка у васъ служила,—ушла она?

ПРОТАСОВЪ.

Да, ушла...

МИША.

Говорятъ, замужъ она выходитъ и, будто, за богатаго?

ПРОТАСОВЪ.

Не знаю... какъ мнѣ знать?

МИША.

А что она была—честная дѣвушка?

ПРОТАСОВЪ.

Безусловно! Только—не ловкая... Очень много била посуды...

МИША.

Н-да... скажите! Гм... А что, Павелъ Федоровичъ, папаша мой ничего съ вами не говорилъ о химическомъ заводѣ?...

ПРОТАСОВЪ (удивленно).

О заводѣ? Нѣтъ! О какомъ, собственно, заводѣ?

МИША.

А видите-ли, есть у насъ идея: выстроить химическій заводъ, а васъ взять управляющимъ...

ПРОТАСОВЪ.

Позвольте... какъ это—взять? Что я—мѣшокъ? Вы нѣсколько странно выражаетесь...

МИША.

Пардонъ! Но—дѣло не въ словѣ... оно глубже... Мы—т.-е., я и папаша—относимся къ вамъ лично съ большимъ вниманіемъ...

ПРОТАСОВЪ (сухо).

Весьма тронутъ...

МИША.

Средства ваши намъ извѣстны, и мы знаемъ, что въ скорости вамъ, вѣроятно, придется мѣсто службы искать... А служить—это такъ трудно... тѣмъ болѣе—вамъ...

ПРОТАСОВЪ.

Гм... да! Вы, пожалуй, правы...

МИША.

Вотъ я и папаша, оцѣнивъ ваши способности и знанія, видя, что вы человѣкъ для компаніи удобный, рѣшили сдѣлать вамъ такое предложеніе: составьте намъ смѣту на оборудованіе завода...

ПРОТАСОВЪ.

Но—позвольте!—я совершенно не умѣю составлять смѣтъ... никогда не составлялъ! И техническая химія меня не интересуетъ... Я очень благодаренъ за вашу любезность...

МИША.

А техникой не интересуетесь?

ПРОТАСОВЪ.

О, нѣтъ... это скучная вещь... это не для меня!

МИША
(смотритъ на него, сожалѣя).

Вы—серьезно?

ПРОТАСОВЪ.

Совершенно серьезно...

МИША.

Очень жаль... Но вы—на мой взглядъ—должны будете передумать... а пока—до свиданія!

(Уходитъ. Елена идетъ изъ комнатъ)

ЕЛЕНА (тревожно).

Павелъ!..

ПРОТАСОВЪ.

Что?

ЕЛЕНА.

Мнѣ кажется, Лиза серьезно заболѣла...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, это у нея всегда такъ послѣ припадковъ... ничего! А я сейчасъ говорилъ съ этимъ... сыномъ домохозяина... Такой антипатичный малый и—представь себѣ!—обнаружилъ прямо-таки трогательное вниманіе ко мнѣ... Правда, въ формѣ нѣсколько грубой... но все-таки—предлагаетъ составить какую-то смѣту и, вообще...

ЕЛЕНА.

И вообще хочетъ использовать тебя, какъ орудіе для своего обогащенія... Я знаю ихъ намѣренія, старикъ говорилъ со мной... Что это—тебѣ холодно?

ПРОТАСОВЪ.

Почему? Нисколько!

ЕЛЕНА.

Зачѣмъ же ты надѣлъ галоши?

ПРОТАСОВЪ
(смотритъ на ноги).

Дѣйствительно... галоши! Когда это я ихъ надѣлъ? Странно... Я не знаю, право, какъ это они...

ЕЛЕНА.

Можетъ быть, это новая горничная такъ подала тебѣ обувь... а ты не замѣтилъ...

ПРОТАСОВЪ.

Да, ты ее, пожалуйста, не пускай ко мнѣ... я ее—боюсь, она такая дикая! Еще перебьетъ у меня все... или обольется чѣмъ-нибудь... Утромъ я засталъ ее: мочитъ себѣ голову перекисью водорода, очевидно, думала, что это одеколонъ... (Беретъ ее за руки) Милая моя Ленка... какъ ты меня вчера... измучила!

ЕЛЕНА.

Въ нѣсколько минутъ? А я мучилась мѣсяцы... годы...

ПРОТАСОВЪ.

Ну-ну, не надо...

ЕЛЕНА.

Если-бъ ты зналъ, какъ унизительно любить, когда не чувствуешь твоей любви! Ты дѣлалъ изъ меня нищую, заставляя меня ждать твоего вниманія и ласки... какъ это обидно—ждать ласки!.. Твоя душа—такая свѣтлая... милая твоя голова много думаетъ о великомъ, но мало о лучшемъ изъ великаго—о людяхъ...

ПРОТАСОВЪ.

Все это—прошло, Лена!... Все уже прошло... Только вотъ... Дмитрій... мнѣ, право, жаль его... Кто-то звонитъ...

ага! ворота заперты! Вѣроятно, Дмитрій... я бы хотѣлъ, чтобъ это былъ Чепурной... ради Лизы, конечно!

ЕЛЕНА (плутовато).

Ради Лизы? да?

ПРОТАСОВЪ.

Ну, Лена... неужели ты меня подозрѣваешь въ ревности и... прочее...

ЕЛЕНА (торжественно).

О, конечно, нѣтъ! Ты? Ты, для котораго, кромѣ науки...

ПРОТАСОВЪ.

Вдругъ я тебя побью, Ленка, а? (Хочетъ поцѣловать ее. Видитъ, къ террасѣ идетъ Меланія. Сконфуженъ. Говоритъ озабоченно) Ты, Лена... пришла... и у тебя на плечѣ какое-то перо...

МЕЛАНІЯ
(улыбаясь виновато).

Здравствуйте...

ПРОТАСОВЪ
(преувеличенно радъ).

Меланія Николаевна! Вы... васъ такъ давно не видать!

МЕЛАНІЯ.

Гдѣ-же давно? Вчера была... а вы уже запамятовали это?

ПРОТАСОВЪ.

Ахъ... да! Нѣтъ, какъ-же... я помню...

МЕЛАНІЯ.

А я думала, вы посмѣетесь надо мной за вчерашнее-то...

ПРОТАСОВЪ (торопливо).

Ну, что вы! Это—пустяки! (Спохватился) Т.-е., я хотѣлъ сказать, это съ каждымъ можетъ случиться... (Окончательно теряется)

ЕЛЕНА.

Ты ужъ лучше не говори, Павелъ...

МЕЛАНІЯ
(любовно и грустно).

Эхъ вы!..

ПРОТАСОВЪ.

Д-да! Я ужъ... не буду! Пойду... сниму галоши... Чортъ знаетъ, зачѣмъ они?

МЕЛАНІЯ
(грустно усмѣхаясь).

Вотъ онъ—пустяки, говоритъ... Я всю душу передъ нимъ открыла... а онъ—это, говоритъ, со всякимъ можетъ случиться... точно я на мозоль наступила ему!

ЕЛЕНА.

Не обижайтесь на него, Меланья Николаевна!

МЕЛАНІЯ (искренно).

Голубушка моя! Мнѣ-ли обижаться на него? Я вотъ всю ночь не спала, все ходила по комнатамъ—думала: какъ это осмѣлилась я говорить съ нимъ? Знаете что? Была у меня все-таки мысль: деньгами привлеку! Кто противъ большихъ денегъ устоять можетъ?—думаю... А онъ не соблазнился...

ЕЛЕНА.

Забудьте это... (Лиза медленно идетъ) Ты что, Лиза?

ЛИЗА (тоскливо).

Бориса Николаевича нѣтъ?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ еще... не приходилъ...

ЛИЗА.

Нѣтъ... (Уходитъ въ комнаты)

МЕЛАНІЯ.

Не поздоровалась со мной... И какая блѣдная!

ЕЛЕНА.

Вчера припадокъ былъ...

МЕЛАНІЯ.

Опять? Бѣдняга... Вы говорите, чтобы я забыла, нѣтъ, не забуду! Не надо забывать: забуду, снова выкину что-нибудь этакое-же... Родная вы моя! Ахъ, и подлая я бабенка! Нахальная, испорченная... мыслей у меня не много, и всѣ онѣ—не прямыя, а такъ, какъ червяки,—во всѣ стороны виляютъ... И не хочу я этихъ мыслей, не хочу!.. Я хочу быть честной... надо мнѣ честной быть... а то я столько зла могу сдѣлать...

ЕЛЕНА.

Хотите,—значитъ, будете! Какой тяжелой, уродливой жизнью жили вы... Вамъ надо отдохнуть, забыть о прошломъ...

МЕЛАНІЯ.

Мнѣ было тяжело... Богъ это знаетъ! Какъ били меня... но не бока, не щеки я жалѣю,—душу жалко!

Душу исковеркали мнѣ... сердце мое выпачкали... Вѣрить въ хорошее—трудно мнѣ, а безъ этой вѣры—какая жизнь? Вонъ—Борисъ надо всѣмъ смѣется, ни во что не вѣритъ... что-же онъ? Какъ песъ бездомный... Вотъ вы тогда сразу повѣрили мнѣ. Удивилась я... Обманываетъ, думаю... А вы приласкали, разъяснили мнѣ меня...

ЕЛЕНА.

Будетъ, хорошая моя...

МЕЛАНІЯ.

И какъ вы хорошо, просто какъ... Вѣрно, не я, баба, люблю его, а я, человѣкъ... Человѣка-то я въ себѣ и не чувствовала... въ человѣка я не вѣрила...

ЕЛЕНА.

Какъ я рада, что вы поняли это!

МЕЛАНІЯ.

Сразу поняла. А все-таки—дай, молъ, попробую, можетъ, и куплю себѣ забавнаго барина въ мужья? Вѣдь вотъ подлая!

ЕЛЕНА.

Не говорите такъ о себѣ... Надо уважать себя,—безъ этого нельзя жить... Мнѣ приласкать васъ хочется...

МЕЛАНІЯ.

Да, приласкайте! Подайте милостыньку Христа ради богатой бабѣ-торговкѣ...

ЕЛЕНА.

Не надо такъ, не надо! И—не плачьте...

МЕЛАНІЯ.

Ничего, пускай душа омоется... Елена Николаевна,

пріютите вы меня... Научите вы меня чему-нибудь доброму, хорошему... Вы умная, вы можете... (Лиза идетъ) Лизавета Федоровна, здравствуйте!

ЛИЗА
(молча подаетъ руку).

Онъ еще не пришелъ, Елена?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ. Что съ тобой?..

ЛИЗА.

Нѣтъ?

ЕЛЕНА.

Тебѣ нехорошо?

ЛИЗА

Нѣтъ... такъ, тоска... Нѣтъ! (Идетъ въ садъ)

МЕЛАНІЯ.

Кого она ждетъ?

ЕЛЕНА.

Бориса Николаевича... Вы знаете: они женихъ и невѣста...

МЕЛАНІЯ.

Вотъ—Господи! Значитъ, я—родня Павлу-то Федоровичу буду? И—вамъ? Ахъ, Борисъ... Лиза-то... милая! Я пойду къ ней,—можно?

ЕЛЕНА.

Пожалуйста...

МЕЛАНІЯ
(оживленно, радостно).

Нѣтъ, какъ все устраивается! Что-то ужъ очень хорошо... Дайте—я васъ поцѣлую... (Антоновна выходитъ) Пойду къ ней, въ садъ... Здравствуй, няня, здравствуй, милая... (Идетъ)

АНТОНОВНА.

Здравствуйте... Чего-же эта лошадь, новая-то горничная, не убираетъ со стола?.. Взяли горничную изъ конторы... надо самимъ нанимать, а не черезъ контору.

ЕЛЕНА
(беретъ ее за плечи).

Не ворчите, няня,—сегодня такой свѣтлый день...

АНТОНОВНА.

Весной и должны быть теплые дни... а порядку — всегда время... Она вонъ, эта новая-то, какъ сѣла давеча чай пить, такъ одна цѣлый самоваръ и выхлебала... совсѣмъ какъ лошадь!

(Вагинъ идетъ)

ЕЛЕНА.

Вамъ жалко воды...

АНТОНОВНА.

Воды мнѣ не жалко... А вотъ сахаръ она грызетъ, какъ рѣпу... да... (Идетъ въ комнаты, захвативъ что-то со стола)

ЕЛЕНА.

А, здравствуйте, рыцарь!..

ВАГИНЪ (смущенъ).

А руку поцѣловать можно?

ЕЛЕНА.

Почему-же нельзя?

ВАГИНЪ (вздыхая).

Да такъ ужъ...

ЕЛЕНА.

Какъ вы вздыхаете... О страдалецъ...

ВАГИНЪ (задѣтъ).

Смотрю я на васъ... и знаете, что мнѣ приходитъ въ голову?

ЕЛЕНА.

Это—интересно... Что-же?

ВАГИНТ

Вы пользовались мной для того, чтобъ Павелъ обратилъ на васъ свое милостивое вниманіе... Это ловко сдѣлано!

ЕЛЕНА.

Рыцарь! Какой тонъ... „Вы пользовались мной“... Что это? „Ловко сдѣлано“!

ВАГИНЪ (съ горечью).

Вы дали мнѣ урокъ, какъ мальчишкѣ...

ЕЛЕНА (серьезно).

Дмитрій Сергѣевичъ... я не люблю слушать вздора...

ВАГИНЪ
(задумчиво и просто).

Я чувствую, что сыгралъ какую-то... не очень умную роль... и это меня обижаетъ... И, вообще, я плохо себя чувствую... послѣ вчерашняго разговора... какъ-то го-

лова не въ порядкѣ... Елена Николаевна, скажите мнѣ правду...

ЕЛЕНА.

Развѣ нужно просить меня объ этомъ?

ВАГИНЪ.

Мнѣ хочется спросить васъ: вы никогда не увлекались мной?..

ЕЛЕНА.

Какъ мужчиной—никогда! Какъ человѣка — я васъ люблю серьезно и глубоко...

ВАГИНЪ (усмѣхаясь).

Это, должно быть, лестно мнѣ? Не понимаю я людей... не понимаю!.. А вотъ я люблю всю васъ... всю сразу! Вчера я почувствовалъ и понялъ, что женщина и человѣкъ такъ тѣсно спаяны, такъ неразрывно слиты въ одно красивое, круглое цѣлое... что мнѣ и стыдно стало, и жалко себя... И вчера я васъ полюбилъ...

ЕЛЕНА (съ досадой).

Снова то-же... зачѣмъ?

ВАГИНЪ
(просто и настойчиво).

Да, полюбилъ! На всю жизнь... и ничего я у васъ не прошу... Вѣроятно, я—женюсь и прочее тамъ... по положенію, а любить буду васъ... всегда! И достаточно объ этомъ... надоѣлъ я вамъ, да?

ЕЛЕНА
(протягиваетъ ему руку).

Я вѣрю вамъ... Мнѣ кажется, вы говорите правду...

ВАГИНЪ.

А раньше—никогда не чувствовали этой правды въ моихъ словахъ, нѣтъ?

ЕЛЕНА
(мягко улыбаясь).

Нѣтъ, никогда. Вѣдь какъ это случилось? Однажды, не сдержавъ себя, я вамъ пожаловалась на свое одиночество... Вы такъ прекрасно, просто отнеслись ко мнѣ... такъ чисто! У меня явилось большое, горячее чувство благодарности вамъ, а вы тогда—замѣтьте!—тогда лишь только заговорили о любви...

ВАГИНЪ (вдумываясь).

Тогда лишь?... Васъ это... оскорбило?

ЕЛЕНА (улыбаясь).

Не знаю... можетъ быть, немного...

ВАГИНЪ
(съ досадой и грустью).

Нѣтъ я... не геніаленъ, мягко говоря! Я глупъ... не понимаю я людей!

ЕЛЕНА.

Оставимъ это... а? И будемте хорошими друзьями!..

ВАГИНЪ (усмѣхаясь).

По рукамъ! Что-жъ?

ЕЛЕНА.

Дайте вашу голову... (Цѣлуетъ его въ лобъ) Будьте свободны: для художника свобода такъ же необходима, какъ талантъ и умъ... Будьте правдивы... и не смотрите на женщинъ такъ плохо...

ВАГИНЪ
(тронутъ, но сдерживается).

Дорогая моя, послѣдняго не нужно бы говорить... Спасибо вамъ! Вы вѣрно говорите: художникъ долженъ быть одинокъ... Свобода—вѣдь это одиночество,—не такъ ли?

ЕЛЕНА.

Да... вѣроятно, такъ, мой другъ...

ВАГИНЪ.

Павелъ идетъ... слышу его нелѣпые шаги... (Протасовъ входитъ) Здравствуй ты... соперникъ...

ПРОТАСОВЪ.

А Меланія Николаевна ушла?

ЕЛЕНА.

Она въ саду съ Лизой... позвать ее?

ПРОТАСОВЪ.

Не финти, Ленка! Ты вонъ—взгляни: наша новая горничная собирается мыло ѣсть... Я попросилъ ее развернуть кусокъ, а она сорвала бумажки, спрятала ихъ въ карманъ и потомъ—лизнула языкомъ мыло...

ЕЛЕНА.

Что такое? (Идетъ въ комнаты)

ВАГИНЪ.

Оставь ее... пусть каждый наслаждается, какъ можетъ... А я тутъ снова объяснялся въ любви Еленѣ Николаевнѣ...

ПРОТАСОВЪ (тревожно).

Гм... Тебѣ, по моему, уѣхать надо... Дмитрій... уѣхать! И все пройдетъ...

ВАГИНЪ.

Я и уѣду... хоть знаю—не пройдетъ! Но ты не безпокойся...

ПРОТАСОВЪ.

Я—ничего... Только—неловко какъ-то...

ВАГИНЪ.

Счастливымъ быть неловко? Это, вѣроятно, дѣлаетъ тебѣ честь... хотя это и глупо...

ПРОТАСОВЪ.

Ты не сердись на меня, Дмитрій... Вѣдь это... Лена! Я не виноватъ... Что-жъ, если она меня любитъ, а не тебя...

ВАГИНЪ (усмѣхаясь).

О... какъ мило!

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ, Дмитрій, ты меня вчера ужасно подавилъ... ты лучше меня... да, да! Я—какая-то планета съ неопредѣленной орбитой... вращаюсь около себя, куда-то лечу и—баста! А ты—вокругъ солнца... ты въ гармоніи системы...

(Лиза—идетъ изъ сада, за ней—Мелані я. Елена изъ комнатъ)

ВАГИНЪ.

Ну, какъ я тамъ вращаюсь, это мнѣ неизвѣстно... А тебѣ я совѣтую вращаться около жены... не теряй ее изъ виду...

ПРОТАСОВЪ.

Какъ все-таки хороши люди!

ЛИЗА (тоскливо).

Нѣтъ еще?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, дорогая моя... послать за нимъ?

ЛИЗА.

Не надо... нѣтъ... (Уходитъ въ комнаты)

МЕЛАНІЯ
(тихо и тревожно).

Господа! Она какъ будто заговаривается... говоритъ все о степяхъ, о пустыняхъ...

ЛИЗА (изъ комнатъ).

Меланья Николаевна... гдѣ-же вы?

МЕЛАНІЯ (убѣгая).

Иду, иду...

ЕЛЕНА.

Павелъ, она меня серьезно безпокоитъ... нужно позвать доктора...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, что-же... я поѣду...

АНТОНОВНА (выходитъ).

Вамъ, Дмитрій Сергѣевичъ, письмо.

ВАГИНЪ.

Откуда?

АНТОНОВНА.

Съ квартиры... немедленно чтобы... (Уходитъ)

ВАГИНЪ.

Ну, что такое? (Рветъ конвертъ, читаетъ. Сильно пораженъ) Чортъ побери! Господа... Чепурной... слушайте!

ЕЛЕНА.

Тише, тише,—Лиза... Что такое?

ВАГИНЪ (подавленно).

Уходя отъ васъ вчера, онъ смѣялся... шутилъ... честное слово! А теперь вотъ... (Читаетъ—невольно съ малороссійскимъ акцентомъ и подражая голосу Чепурного) „А вотъ вамъ еще анекдотъ: ветеринаръ, и—удавился... Тоже захотѣлъ поддержать честь корпораціи, какъ тотъ англичанинъ. Спасибо вамъ за складку; пріятно все-же знать, что отъ тебя хоть какая-то морщина гдѣ-то осталась. Обращайте больше вниманія на красоту галстуха, это важно... Чепурной".

ПРОТАСОВЪ.

Да это не серьезно-же!

ЕЛЕНА.

Тише! Какой анекдотъ? Что это? Можетъ быть, шутка?

ВАГИНЪ.

Нѣтъ... едва-ли... Онъ смѣялся, чортъ возьми...

ЛИЗА
(быстро выходитъ, оглядывая всѣхъ).

Пришелъ? Гдѣ онъ?

ЕЛЕНА.

Онъ не приходилъ...

ЛИЗА.

А голосъ? Его голосъ?... Я слышала, онъ говорилъ сейчасъ... Что вы молчите? Гдѣ онъ?

ВАГИНЪ.

Это я... я говорилъ...

ЛИЗА.

Нѣтъ. Нѣтъ! Его голосъ...

ВАГИНЪ.

Я подражалъ ему... передразнивалъ...

ЛИЗА.

Зачѣмъ?

ВАГИНЪ.

Такъ...

ПРОТАСОВЪ.

Видишь ли, мы тутъ болтали... вдругъ...

ЛИЗА.

Что? Что вдругъ?

ЕЛЕНА.

Успокойся, Лиза..

ВАГИНЪ.

Я вспомнилъ его манеру говорить и сказалъ нѣсколько фразъ его голосомъ...

ЛИЗА.

Да? Это вы правду сказали? А почему они молчатъ?

Павелъ, ты что? Что-то случилось, да? Милый Павелъ, ты не умѣешь лгать... да? Что?

(Вагинъ незамѣтно уходитъ въ комнаты)

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ, Лиза... дѣло въ томъ, видишь-ли... это правда... т.-е., говорилъ Дмитрій...

ЕЛЕНА.

Послушай, Лиза, милая...

ЛИЗА.

Елена, не трогай меня... Павелъ, ты долженъ мнѣ сказать...

ПРОТАСОВЪ.

Я ничего не знаю...

ЛИЗА.

Что нужно знать? Елена, пошли за нимъ... за Борисомъ... сейчасъ-же!

ЕЛЕНА.

Да, да, сейчасъ-же! Успокойся...

ЛИЗА.

Нѣтъ, вы что-то лжете... А гдѣ Вагинъ? Онъ говоритъ съ его сестрой... и у нея лицо... лицо...

ПРОТАСОВЪ
(тихо, женѣ).

Что дѣлать?

ЕЛЕНА (тихо).

Доктора... скорѣе...

ЛИЗА.

Я упаду... Держи меня, Елена... я упаду... Вы о чемъ шептались?

ЕЛЕНА.

Какъ успокоить тебя... Павелъ...

ЛИЗА.

Куда онъ побѣжалъ? Елена, ради Бога! Смотри мнѣ въ глаза... не лги, Елена, я умоляю... (Меланія изъ комнатъ, за ней—Вагинъ) Куда вы? Гдѣ онъ, вашъ братъ? Борисъ?

МЕЛАНІЯ.

Я не знаю...

ЛИЗА.

Ну, сразу... говорите сразу, сразу—умеръ?

МЕЛАНІЯ.

Не знаю... не знаю я.... (Идетъ къ воротамъ)

ЛИЗА.

Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ-же! Да скажите мнѣ что-нибудь... вѣдь у меня сердце разрывается! Вѣдь если онъ умеръ, это я, я его убила... о нѣтъ!

ВАГИНЪ.

Позвольте, что за мысль...

МИША

(бѣжитъ къ террасѣ и съ оживленіемъ, близкимъ къ радости, кричитъ).

Господа! Вы знаете: ветеринаръ Чепурной...

ВАГИНЪ

(грозя кулакомъ).

Молчать, вы!..

МИША.

...повѣсился!

ЛИЗА

(вырывается изъ рукъ Елены и спокойно, внятно).

Вчера вечеромъ, около девяти?..

МИША.

Да, да... на ракитѣ, у рѣчки... А я думалъ, вы не знаете... (Уходитъ)

ЛИЗА

(широко открывъ глаза, смотритъ на всѣхъ и негромко со странной важностью въ голосѣ).

Я это знала... помнишь, Елена? Я это чувствовала... (Тихо, съ ужасомъ) Нѣтъ! Нѣтъ! Вѣдь это не я... скажите, что не я убила... нѣтъ? (Кричитъ) Я не хотѣла... нѣтъ!

(Вагинъ и Елена берутъ ее на руки и несутъ въ комнаты. Она бьется и, все учащая темпъ, кричитъ только одно слово: „Нѣтъ!“ Изъ-за угла террасы, не торопясь выходитъ Романъ и заглядываетъ въ комнаты. Оттуда выбѣгаетъ Луша, испуганная)

ЛУША.

Послушай... какъ тебя? Рязанскій... чего это они дѣлаютъ?

РОМАНЪ.

А чего?

ЛУША.

Тащутъ барышню-то, а она говоритъ—нѣтъ!

РОМАНЪ.

Это она кричала?

ЛУША.

Она... а они ее и потащили... Боюсь я!...

РОМАНЪ (философски).

Чего-жъ она кричитъ?

ЛУША.

Не знаю я... Вотъ такъ господа!

РОМАНЪ.

Кричать-то, пожалуй, не надо-бы... не велятъ это...

МИША
(поспѣшно является изъ-за угла).

Кто это кричалъ?

РОМАНЪ
(кивая головой на Лушу).

Вотъ у нихъ...

ЛУША (отмахиваясь).

Чего ты на меня? Это—у господъ...

МИША (строго).

Кто кричалъ?

ЛУША.

Барышня.

МИША
(присматриваясь къ ней).

Отчего?

ЛУША.

Они ее тащили...

МИША.

Кто?

ЛУША.

Они... которые... тамъ...

МИША
(хлопая ее по плечу).

Эхъ ты... колода дубовая! (Идетъ на террасу, Антоновна навстрѣчу) Что у васъ случилось, няня?

АНТОНОВНА.

Припадокъ, съ барышней...

МИША
(Роману и Лушѣ. Романъ медленно отходитъ къ изгороди сада и тамъ снова начинаетъ возиться).

Вотъ видите, черти! Отчего это, няня, а?

АНТОНОВНА.

Отъ Господа... все отъ Него!

МИША
(коварно улыбаясь).

А, можетъ быть, отъ ветеринара?
(Удовлетворенный, исчезаетъ. Антоновна укоризненно смотритъ на него и, вздохнувъ, говоритъ съ сожалѣніемъ)

АНТОНОВНА.

Дурачокъ... Лукерья,—ты чего-же тутъ дѣлаешь? Иди въ комнаты...

ЛУША.

Нянька,—это какой припадокъ-то? Черная немочь, что-ли?

АНТОНОВНА.

Да, да! А ты—иди...

ЛУША (идетъ).

Ну, черная-то немочь—ничего! Я видѣла... А напугалась я, какъ потащили барышню-то...

(Романъ что-то мычитъ. Вагинъ выходитъ изъ комнатъ, нахмуренный. Прохаживается по террасѣ, посматривая на Романа. Вынимаетъ альбомъ, карандашъ)

ВАГИНЪ.

Эй, дядя!

РОМАНЪ.

Это я?

ВАГИНЪ.

Ты. Постой такъ...

РОМАНЪ.

Для чего?

ВАГИНЪ (рисуетъ).

А вотъ... я тебя нарисую...

РОМАНЪ.

Ишь ты... Порчи мнѣ отъ этого не будетъ?

ВАГИНЪ.

Двугривенный будетъ.

РОМАНЪ.

Ну, это ничего...

ВАГИНЪ.

Голову выше подними...

РОМАНЪ
(задирая голову).

Можно...

ВАГИНЪ.

Ниже... куда ты?

РОМАНЪ.

Али хорошъ показался?

ВАГИНЪ
(сквозь зубы).

Не дуренъ...

(Пауза. Изъ комнатъ порою доносится стонущій звукъ. Гдѣ-то далеко на улицѣ—смутный шумъ. Идетъ Меланія)

ВАГИНЪ.

Ну? Что?

МЕЛАНІЯ (глухо).

Видѣла... Страшный... синій... Языкъ высунулъ и... точно насмѣхается... страшенъ! Какъ Лиза-то?

ВАГИНЪ (угрюмо).

Вотъ—слышите?

МЕЛАНІЯ.

Что это началось? Такъ хорошо было...

ВАГИНЪ.

Почему именно—началось?

МЕЛАНІЯ.

Не знаю... Ничего не понимаю... только — страшно... А вы—рисуете? Какъ это вы можете?

ВАГИНЪ (не грубо).

А вы—дышите? Не дышать—не умѣете?.. Ну, ладно, дядя... получи двугривенный!

(Бросаетъ деньги къ ногамъ Романа)

МЕЛАНІЯ.

Елена Николаевна одна тамъ? Пойду къ ней, можетъ, понадоблюсь... О Господи... Надо хоронить Бориса и все... а я ни о чемъ не распорядилась... взглянула на него и поѣхала сюда... На улицахъ народъ чего-то шумитъ, бѣжитъ, суетится... а я ничего не понимаю... качается предъ глазами синее лицо его, и языкъ мнѣ показываетъ... смѣется все!

(Плачетъ и идетъ въ комнаты)

РОМАНЪ
(съ удовольствіемъ).

Гляди—барыня-то... заплакала. Чего она?

ВАГИНЪ.

Братъ померъ...

РОМАНЪ.

А—а! Ишь ты... Это—ничего... причина! А то бабы много зря плачутъ... Дашь ей по затылку, а она и реветъ... (Шумъ на улицѣ становится яснѣе. Глухіе крики. Гдѣ-то на дворѣ раздается пугливый крикъ Миши—„Романъ!“) Подождешь... (Прислушивается) Пожаръ, видно... а можетъ, бьютъ кого... Видно—вора... Тоже и вору тяжело бываетъ... Пойти, взглянуть...

(Елена выходитъ. Вагинъ вопросительно смотритъ на нее)

ЕЛЕНА
(очень взволнована).

Едва-ли она поправится...

ВАГИНЪ.

Ну, полноте!.. Развѣ это впервые у нея?

ЕЛЕНА.

Это—впервые. У нея явилась хитрость безумныхъ... Сначала она просила дать ей яду... потомъ, — какъ-то странно, вдругъ стала спокойнѣе... а въ глазахъ ея загорѣлся хитрый огонекъ звѣря...

ВАГИНЪ.

Дать вамъ воды?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ... Легла... Сказала мнѣ, что я раздражаю ее... Я вышла въ сосѣднюю комнату... вдругъ, слышу — она тихо, тихо встала... идетъ... идетъ къ столу Павла... а тамъ, въ ящикѣ, лежалъ револьверъ... вотъ онъ! Я боролась съ ней... она царапала мнѣ руки... какъ звѣрь... она была, какъ звѣрь...

ВАГИНЪ.

Чортъ возьми... и вы не позвали меня... не крикнули!..

ЕЛЕНА.

Не понимаю... какъ мы не застрѣлили другъ друга... Теперь—она лежитъ... ее связали... Мнѣ помогала горничная... а няня—смотрѣла и плакала... и умоляла не трогать Лизу... потому что она дочь генерала... Какой шумъ... почему это шумятъ? Гдѣ-то близко...

ВАГИНЪ.

Дворникъ пошелъ узнать, что это...

ЕЛЕНА.

А Павла все еще нѣтъ? Что это?

(У воротъ дома—возня. Раздаются крики: „Держи его!“ „Ага-а!“ „Черезъ заборъ“... „Берегись, ребята“... „Ты палкой?“ „Бей его!“)

ЕЛЕНА (тревожно).

Боже мой... идемте туда!

ВАГИНЪ.

Я—одинъ...

(Изъ-за угла дома къ террасѣ бросается докторъ, растрепанный, безъ шляпы)

ДОКТОРЪ.

Спрячьте меня... заприте двери...

ЕЛЕНА.

Докторъ... что съ вами?

ДОКТОРЪ.

Бьютъ... разбили баракъ... бьютъ... за воротами поймали... убьютъ...

(Вагинъ бросается къ воротамъ)

ЕЛЕНА.

Возьмите револьверъ...

ДОКТОРЪ.

Они вломятся и меня..

ЕЛЕНА

(в дѣтъ его въ комнаты).

Идите сюда... скорѣе! Няня... няня!

(У воротъ—громкій трескъ, сломали доску, хлопаетъ калитка, звенитъ разбитое стекло. Выскакиваетъ Протасовъ, на него лѣзетъ человѣкъ десять какихъ-то людей, онъ отмахивается отъ нихъ шляпой и носовымъ

платкомъ. Это ихъ забавляетъ, и нѣкоторые изъ нихъ—смѣются)

ПРОТАСОВЪ.

Вы—ослы! Идіоты... прочь!

ПЕРВЫЙ (изъ толпы).

Ты меня платочкомъ по мордѣ...

ВТОРОЙ.

Баринъ! Дай ему шляпой еще...

ТРЕТІЙ (злобно).

Я те покажу, какъ ругаться...

ВТОРОЙ.

Гдѣ докторъ? Ищи его, ребята...

ТРЕТІЙ.

И это докторъ... чего тамъ?

ВАГИНЪ
(гдѣ-то за угломъ).

Запирай ворота... Дворникъ, гони ихъ!..

ПРОТАСОВЪ.

Не смѣй меня толкать, дуракъ!

ВАГИНЪ.

Павелъ... Павелъ!.. Стойте! Буду бить... вонъ всѣ!

(Являются Егоръ и Яковъ Трошинъ. Егоръ немного выпивши, Трошинъ — пьянъ сильно. Егоръ бросается на Протасова и хватаетъ его за воротъ)

ЕГОРЪ.

Ага... химикъ! Попался?

ПРОТАСОВЪ (отталкивая).

Не смѣй...

ЕГОРЪ.

Ребята! Главный морило... Лекарство дѣлаетъ.

ПРОТАСОВЪ.

Врешь, болванъ! Я ничего не дѣлаю... Ко мнѣ! На помощь!

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Кричи громчѣе... не слышатъ!

(На террасу выбѣгаетъ Елена, видитъ свалку, выхватываетъ револьверъ, бросается къ мужу)

ЕЛЕНА.

Егоръ, пустите! Прочь, Егоръ...

ПРОТАСОВЪ.

Лена... Лена!..

ЕГОРЪ.

А—помнишь? Холера, значитъ, умирай? Помнишь, какъ ты...

ЕЛЕНА.

Я васъ убью...

(Съ появленіемъ Елены въ толпѣ раздается нѣсколько громкихъ возгласовъ: „Гляди, какая выскочила!“ „Эхъ — ты съ пистолетомъ...“ „Дай ей!“ „Суньсяка“... „Ишь какая!“)

ЕГОРЪ.

Барыня... я- овдовѣлъ...

ЕЛЕНА.

Буду стрѣлять!

ЕГОРЪ.

И ты вдова будешь... удушу его!

(Елена стрѣляетъ... Немного раньше сзади толпы, окружавшей Егора, является Романъ. Въ рукахъ у него большой осколокъ доски. Не торопясь, онъ взмахиваетъ ею и бьетъ по головамъ людей. Дѣлаетъ онъ это молча, сосредоточенно, безъ раздраженія. Въ моментъ, когда Елена стрѣляетъ въ Егора, Романъ бьетъ его, и Егоръ, охнувъ, падаетъ, увлекая за собой Протасова. Елена идетъ на толпу, угрожая револьверомъ. Послѣ ея выстрѣла въ толпѣ рѣзкій поворотъ настроенія. Кто-то удивленно и негромко восклицаетъ: „Выстрѣлила“!.. „Гляди—упалъ“... „Ахъ, собака“... Кто-то бѣжитъ со двора и оретъ: „Ребята, убиваютъ!“ Другой спѣшитъ за нимъ, крича: „Не трусь... чего испугался? Баба вѣдь“. Отступаютъ почти всѣ)

ЕЛЕНА (въ самозабвеніи).

Прочь!... Буду стрѣлять... Дмитрій, гдѣ вы? Романъ... помогите мужу! Прочь!.. звѣри!..

(Романъ подходитъ къ Трошину, который сидитъ на землѣ около Егора, что-то бормочетъ, тормошитъ его, и бьетъ Трошина доской. Тотъ мычитъ и падаетъ. Вбѣгаетъ изъ-за угла Вагинъ, сильно потрепанный, видитъ подвигъ Романа)

ВАГИНЪ
(въ рукѣ у него кирпичъ).

Что ты, чортъ, дѣлаешь?

РОМАНЪ.

А чего?

ВАГИНЪ (къ толпѣ).

Елена... гдѣ Павелъ?

(Романъ бросилъ доску и присѣлъ на корточки около Протасова)

ЕЛЕНА
(приходя въ себя).

Его... онъ... упалъ... (Кричитъ) Онъ убитъ!

ВАГИНЪ.

Не можетъ быть...

МЕЛАНІЯ
(бѣжитъ, слышитъ крикъ Елены).

Кто убитъ? Врете...

ЕЛЕНА
(направляя револьверъ на Егора).

Это вотъ онъ... я его...

ВАГИНЪ
(выбиваетъ револьверъ).

Что вы? Опомнитесь!

МЕЛАНІЯ
(около Протасова).

Онъ живой. Павелъ Федоровичъ!..

ЕЛЕНА.

Воды... дайте воды!

ВАГИНЪ (Меланіи).

Идите... воды дайте! Елена, успокойтесь...

(Меланія бѣжитъ въ комнаты)

РОМАНЪ.

Ничего... всѣ живы... видишь, шевелятся... Такъ-ли бьютъ людей... и то живы остаются!

(Вагинъ и Елена поднимаютъ Павла. Онъ въ обморокѣ. Романъ тормошитъ Трошина)

ЕЛЕНА (со страхомъ).

Павелъ... Павелъ!..

ВАГИНЪ.

Это обморокъ...

РОМАНЪ.

Ну, вставай... не балуй! А то я и еще дамъ...

АНТОНОВНА (бѣжитъ).

Пашенька! Гдѣ Пашенька?..

ВАГИНЪ.

Не кричите, няня...

ПРОТАСОВЪ
(полусознательно).

Лена... ты? Они убѣжали?.. Ага...

АНТОНОВНА (Еленѣ).

Убили... не доглядѣли... что?

ЕЛЕНА (мужу).

Тебѣ больно? Гдѣ больно?..

(Егоръ очнулся, поднимаетъ голову, охаетъ)

АНТОНОВНА.

Берите его... несите его...

МЕЛАНІЯ
(несетъ воду).

Очнулся... Господи! Пейте... пейте!

ЕЛЕНА.

Скажи, гдѣ больно? Тебя сильно ударили?

ПРОТАСОВЪ.

Мнѣ... нигдѣ не больно... Онъ меня душилъ... этотъ, вотъ... (Приходитъ въ себя) Лена, ты... ничего? Мнѣ показалось, тебя ударили по головѣ... доской какой-то, сверху такъ...

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, нѣтъ... ты успокойся...

ВАГИНЪ.

А тебя... били?

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ... не больно... Они, почему-то, все въ животъ меня, чортъ ихъ возьми... А докторъ? Онъ... живъ?

МЕЛАНІЯ.

Живъ, живъ... Онъ—въ гостиной на диванѣ... плачетъ...

ЕЛЕНА
(замѣтивъ Антоновну, со страхомъ).

Няня... а Лиза?

АНТОНОВНА.

Развязала я ее... не могу я это видѣть...

ЕЛЕНА.

Гдѣ она? Гдѣ?..

АНТОНОВНА (со слезами).

Тамъ... Платье все разорвано было... Передѣла я ее...

ВАГИНЪ.

Что она дѣлаетъ?

АНТОНОВНА.

На карточку смотритъ, на его...

ЕЛЕНА.

Идите къ ней, няня... прошу васъ, идите!

АНТОНОВНА.

Пашеньку-то уложить-бы... (Идетъ, оглядываясь)

ПРОТАСОВЪ.

Ничего, старуха... Просто испугался я...

МЕЛАНІЯ.

Голубчикъ вы мой...

(Егоръ, Трошинъ и Романъ—составляютъ другую группу. Романъ нѣсколько болѣе оживленъ и подвиженъ, чѣмъ всегда)

ПРОТАСОВЪ.

Меня? Нисколько! Я за нее испугался... мнѣ показалось, кто-то выстрѣлилъ... и потомъ — палкой по головѣ... или доской...

ЕЛЕНА
(съ гордостью).

Меня никто не коснулся... Идемъ въ комнаты...

ПРОТАСОВЪ.

Я очень успѣшно защищался, — жалко, что ты не видала этого! И, знаешь, Лена, напрасно я давеча снялъ галоши... я-бы ихъ галошами!

ВАГИНЪ
(съ улыбкой, Еленѣ).

Вы видите, онъ совершенно здоровъ...

ПРОТАСОВЪ (горячится).

Галошами, по глупымъ рожамъ... (Егору) Вы, милостивый государь...

МЕЛАНІЯ.

Ну, что съ нимъ говорить? Идите, лечь вамъ надо...

ПРОТАСОВЪ.

Позвольте...

ЕЛЕНА.

Подожди... Егоръ, я попала въ васъ?

ЕГОРЪ (глухо).

Нѣтъ... не попало... По головѣ меня кто-то...

РОМАНЪ (съ гордостью).

Это я!

(Елена съ напряженіемъ на лицѣ смотритъ на Егора и на всѣхъ)

ВАГИНЪ.

Если-бъ ты видѣлъ, какъ дѣйствовала вотъ эта мрачная машина... ужасъ!

ТРОШИНЪ.

Милостивые государи! Я тоже... контуженъ въ голову...

РОМАНЪ (счастливо).

И тебя я ударилъ...

ТРОШИНЪ.

Господа... прошу запомнить это...

ЕЛЕНА
(пристально всматриваясь въ лицо Егора).

Вамъ дать воды, Егоръ?..

ЕГОРЪ.

Водки-бы...

ПРОТАСОВЪ (Егору).

Вы... ужасно глупы, сударь мой...

ЕЛЕНА.

Оставь, Павелъ...

ПРОТАСОВЪ.

Я никакихъ лекарствъ не дѣлаю, чортъ васъ возьми!

ВАГИНЪ.

Ну, перестань-же...

ПРОТАСОВЪ
(со слезами въ голосѣ).

Нѣтъ, подожди! Я хочу знать, за что онъ на меня бросился? Что я вамъ сдѣлалъ, Егоръ? Что?

ЕГОРЪ (глухо).

Ничего... не знаю я...

МЕЛАНІЯ.

Вотъ на судѣ узнаешь... мои другъ... тамъ тебѣ разскажутъ!

ПРОТАСОВЪ (съ досадой).

Ахъ, не надо! Какой судъ? Я такъ высоко цѣнилъ

васъ, Егоръ... вы—прекрасно работаете... да! Но вѣдь я хорошо платилъ вамъ? За что же вы...

ЕГОРЪ
(встаетъ, глухо и со злобой).

Не тронь меня, баринъ...

ЕЛЕНА
(твердо и настойчиво).

Оставь его въ покоѣ, Павелъ... прошу тебя!

ВАГИНЪ (Егору).

Вы ушли-бы...

ЕГОРЪ (грубо).

Знаю... Уйду...

(Уходитъ, нетвердыми шагами. Романъ и Трошинъ уже перешли къ изгороди сада, сидятъ тамъ на землѣ и пьютъ водку, принесенную Романомъ. Егоръ молча подходитъ къ нимъ, садится и протягиваетъ Роману руку)

МЕЛАНІЯ.

Смотрите, какой... звѣрь!

ЕЛЕНА.

Не трогайте его... Идемъ, Павелъ...

ПРОТАСОВЪ (волнуясь).

Нѣтъ, онъ возмутилъ меня... Въ немъ есть что-то... отталкивающее... Люди должны быть свѣтлыми и яркими... какъ солнце...

(На террасу выходитъ Лиза. На ней надѣто бѣлое платье. Она красиво и странно причесана. Идетъ медленно, какой-то торжественной поступью; на ея лицѣ застыла неясная, загадочная улыбка. Сзади ея Антоновна)

ЛИЗА.

Прощайте! Нѣтъ, не говорите ничего... Я рѣшила... я ухожу!.. Нѣтъ, нѣтъ, не надо возраженій... Я ухожу далеко и надолго... навсегда. Вы знаете? Вотъ:

(Она останавливается и негромко, съ улыбкой, читаетъ написанное на оборотѣ фотографической карточки Чепурного)

Милый мой идетъ среди пустыни
Въ знойномъ морѣ краснаго песка...
Знаю я, въ дали туманно-синей
Ждетъ его пустыня и тоска...
Солнце, точно чье-то злое око
Молча смотритъ съ неба жгучимъ взглядомъ...
Я приду и встану съ милымъ рядомъ—
Трудно ему тамъ и одиноко!

(Напѣваетъ какой-то странный, унылый мотивъ. Тихо)

Мой милый—строенъ и высокъ,
А я—красива и легка,
И оба мы, какъ два цвѣтка,
На красный брошены песокъ...

(Молчитъ. Вздохнувъ, читаетъ снова)

И вдвоемъ, объяты жгучимъ зноемъ,
Мы пойдемъ далеко по песку,
И въ пустынѣ мертвой мы зароемъ
Онъ—свои мечты... а я—тоску...

(Задумчиво смотритъ на всѣхъ. Улыбается)

Вотъ и все. Это я—для Бориса... Вы его знаете, Бориса?... Нѣтъ? (Идетъ въ садъ) Мнѣ очень жаль васъ... мнѣ очень жалко...

(Антоновна, недружелюбно взглянувъ на Елену, идетъ за ней)

ЕЛЕНА

(тоскливо и тихо).

Павелъ... Павелъ... ты понимаешь?

ПРОТАСОВЪ (удивленъ).

Какъ это хорошо, Лена! Дмитрій, ты понялъ? Какъ это хорошо!

ВАГИНЪ (жестко).

А ты понялъ, что она сошла съ ума?..

ПРОТАСОВЪ (не вѣритъ).

Развѣ, Лена?

ЕЛЕНА (негромко).

Идемъ... идемъ за ней...

(Всѣ трое идутъ въ садъ. У изгороди сидитъ Егоръ и съ угрюмой ненавистью въ глазахъ слѣдитъ за ними. Трошинъ что-то невнятно бормочетъ, щупая голову и плечо дрожащими руками)

РОМАНЪ.

Ничего... Меня не такъ били... а я—вотъ онъ!.. Стало-быть, молчи... Живъ и—ладно...

ВАГИНЪ (задумчиво).

Одинъ... среди пустыни...
Въ знойномъ морѣ краснаго песка...

Занавѣсъ.

АЛЕКСАНДРЪ КИПЕНЪ.

БИРЮЧІЙ ОСТРОВЪ.

I.

Забродчикъ Гришка Лобовъ и заводскій прикащикъ Дёмка Шендерюкъ пьянствовали весь день и только къ вечеру собрались домой. Гришкѣ хотѣлось еще погулять на деревнѣ и онъ долго не соглашался сопровождать Демку. Шендерюкъ торопился, но не хотѣлъ идти одинъ по косѣ, мимо забродческихъ куреней. Его не любили тамъ, могли задраться по случаю праздника и посчитать ребра. Кромѣ того, онъ разсчитывалъ, что Гришка доставитъ его на своемъ досчанникѣ къ Бирючему острову, гдѣ стоялъ рыбный заводъ Шестерикова.

Лобовъ угадывалъ Демкины мысли и сознавалъ преимущества своего положенія. Упершись спиной въ высокій плетень и разставивъ ноги, онъ на всѣ уговоры Демки отрицательно моталъ головой, щурилъ глаза, куражился и фыркалъ:

— Хм...хха! Нешто я могу съ господиномъ прикащикомъ иттить! Это тебѣ, Демка, даже очемъ совѣстно, накажи меня Богъ! Какъ есть на тебѣ пальтонъ и шляпа, а я, напримѣръ, на головѣ картузъ...

— Чего такое шляпа?—возражалъ Шендерюкъ, сдерживая досаду и раздраженіе.—Спориться черезъ ее, черезъ шляпу тоже нечего... Нешто я картузъ не могу надѣть?.. хотя-что я прикащикъ... Чего тамъ, Гриша, ей-Богу? Пойдемъ!..

— Ты, Демка, вродѣ все одно какъ жуликъ мо-

сковскій, накажи меня Богъ! Который человѣкъ посторонній, тому ври, а я съ тобой давно обзнакомился... настоящая ты есть сволочь и больше ничего!.. Иди одинъ!..

— Пойдемъ, Гриша...

— Нне пойду! Одинъ иди... Между прочимъ, наши ребята тебѣ угощенье вынесутъ... ххa, ха, ха!..

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, закончившихся обѣщаніемъ купить на дорогу водки, Лобовъ, наконецъ, поколебался. Онъ нехотя отошелъ отъ плетня, громко плюнулъ и, заложивъ руки въ карманы, презрительно оглядѣлъ Демку.

— Ишь ты!—протянулъ онъ съ искреннимъ огорченіемъ:—анаѳема, чтобъ ты лопнулъ! Слабости моей не жалѣешь... Чортъ!

Гришка замолчалъ, но черезъ минуту снова энергично выругался; потомъ онъ рѣшительно рванулся впередъ и пошелъ посреди улицы, подымая пыль и широко размахивая руками. Отъ этого у него все время ворочались плечи и развѣвались полы поддевки. Прикащикъ молча шелъ рядомъ.

Бездомный и всегда пьяный старикъ Данило Бурьянъ, вертлявый и длинный, приплясывая, сопровождалъ ихъ до самаго выгона и протяжно гудѣлъ въ кулакъ:

— У-гу-гу-у! Гу-гу-гу-у!

У корчмы, на самомъ краю слободы, двое пьяныхъ мужиковъ что-то кричали дѣду, заливаясь сиплымъ, затяжнымъ смѣхомъ.

Сумерки набѣгали быстро. Улица вдругъ опустѣла. Въ низкихъ крестьянскихъ хатахъ зажглись огни, и надъ деревней разлилась тихая вечерняя отрада. Гдѣ-то за плетнемъ негромко и осторожно гоготали гуси.

II.

Лобову было не болѣе двадцати пяти лѣтъ, и лицо у него было красивое, смѣлое, съ большими глазами, добрыми и наивными. Шендерюкъ казался немного старше Гришки. Коренастый, приземистый, съ пухлыми щеками, косой и курносый, онъ сразу производилъ впечатлѣніе человѣка хитраго и злопамятнаго.

Лѣтъ десять назадъ Демку привезли на косу купцы, пріѣзжавшіе поздней осенью за рыбой. Мальчишка бойкій и расторопный, онъ сразу приладился къ дѣлу, сумѣлъ угодить купцамъ и понравился забродчикамъ. На слѣдующій годъ Демка снова пришелъ на косу, но уже среди лѣта, и мотался тамъ до самыхъ морозовъ. Онъ помогалъ забродчикамъ чинить снасть, волочилъ съ ними мелкую рыбу, работалъ усердно, безъ устали, и за это его кормили. Осенью Демку опять наняли пріѣзжіе купцы, а къ зимѣ онъ ушелъ куда-то съ большой партіей красной рыбы.

Съ тѣхъ поръ Шендерюкъ сталъ появляться на косѣ каждое лѣто и жилъ съ забродчиками, въ ожиданіи осеннихъ заработковъ. Приходилъ онъ всегда пѣшкомъ, оборванный и ожесточенный, затравленный голодомъ. Съ пріѣздомъ купцовъ Демка быстро „поправлялся“, съ удивительной энергіей принимался за работу и всячески угождалъ своимъ хозяевамъ. Когда же въ прошломъ году Шестериковъ сталъ строить заводъ на Бирючемъ островѣ, онъ какъ-то сразу сумѣлъ примазаться къ постройкѣ и поступилъ въ прикащики. Отъ легкаго житья Шендерюкъ раздобрѣлъ, разлѣнился, сталъ носить городскую одежду и сдѣлался очень заносчивъ.

Забродчики добродушно смѣялись надъ нимъ, а Гришка не давалъ ему прохода, всегда задиралъ и издѣвался.

— Ваше Благородіе, Демьянъ Корнѣичъ!—говорилъ, бывало, Лобовъ, низко кланяясь Демкѣ, при дружномъ хохотѣ забродчиковъ.—Съ почтеніемъ низкой поклонъ! Вчерась ради вашей милости дельфинъ попался... мокрый весь, толстый, какъ есть прикащикъ. Одна капля воды, накажи меня Богъ!.. Хотя-что, напримѣръ, безъ шляпы...

Демку разбирала злость, но онъ только хмурился и молча отходилъ прочь.

На косѣ Шендерюкъ бывалъ почти каждый день, не столько по дѣлу, сколько отъ скуки, такъ какъ заводъ еще не работалъ. Съ ранняго утра онъ уже торчалъ на берегу, угрюмый, неразговорчивый, курилъ цыгарки и слушалъ разговоры забродчиковъ, или спалъ въ тѣни большой, опрокинутой вверхъ дномъ, шаланды.

По вечерамъ онъ часто заходилъ къ Фролу Степанычу Грузнову, старому забродчику, недавно овдовѣвшему и жившему теперь только съ своей дочкой Варькой. Молодая, крѣпкая дѣвка, съ нѣсколько широкимъ лицомъ, загорѣлымъ и слегка веснущатымъ, она привлекала Демку ласковой мягкостью движеній, чувственной, зовущей истомой, разлитой по всѣмъ членамъ ея гибкаго, упругаго тѣла. Влеченіе къ ней томило и волновало Демку, дразнило его ощущеніями недоступнаго счастья и возбуждало въ немъ то чувство слезливой, тающей нѣжности къ Варькѣ, то затаенную злую враждебность. У Фрола Степаныча Шендерюкъ нерѣдко встрѣчался съ Лобовымъ, который въ присутствіи Варьки доходилъ до крайней степени остроумія и безъ всякой жалости допекалъ прикащика. Сначала Варьку забавляло это, и она заливалась веселымъ, разсыпчатымъ смѣхомъ, отдававшимся въ душѣ Демки невыносимо жесткой обидой. Онъ обыкновенно отмалчивался въ такихъ случаяхъ, но лицо его каменѣло отъ злости, а глаза становились острыми и холодными. Однако, Шендерюкъ не терялъ надежды и былъ настойчивъ. Онъ

подкупалъ Варьку своей загадочной печалью и грустной покорностью, приносилъ подарки и угощенія, и дѣло кончилось тѣмъ, что она стала колебаться.

Замѣтивъ это, Лобовъ сразу растерялся, сдѣлался грубъ съ нею, часто приходилъ пьяный и лѣзъ въ драку съ прикащикомъ, такъ что ей не разъ приходилось ихъ разнимать.

Шендерюкъ былъ сдержанъ и не проявлялъ душившаго его злорадства. Гришка совсѣмъ потерялъ голову и возненавидѣлъ Демку. Непримиримые враги, они не торопились, однако, сводить счеты. Прикащикъ считалъ, что для этого еще не пришло время. Лобовъ надѣялся унизить врага передъ Варькой. Покуда же, вражда не мѣшала имъ встрѣчаться по воскресеньямъ въ деревнѣ и даже угощать другъ друга водкой.

III.

Они шли рядомъ, не говоря ни слова. Гришку раздражало молчанье прикащика. Сначала онъ ни за что не хотѣлъ начать разговоръ первымъ, но скоро забылъ объ этомъ рѣшеніи. Онъ сталъ кашлять, плевать и, наконецъ, обнаружилъ явное нетерпѣніе:

— Ты чего молчишь, Демка?.. Должно, объ Варькѣ раздумался?..

Шендерюкъ насторожился.

— Я объ ей, Гришка, давно думать забылъ... но чтобы, напримѣръ, безъ женскаго пола, именно, что это даже просто немыслимо... Демка не котъ, молока не пьетъ!—заявилъ онъ вдругъ съ вызывающей наглостью и цинично засмѣялся.

Лобовъ недовѣрчиво фыркнулъ и повелъ плечами.

— Мое дѣло сторона!—сказалъ онъ: — я на нее, подлюгу, глядѣть даже не желаю... Тоже плакать не стану, не бойсь! До меня, братъ, на деревнѣ дѣвки сами лѣ-

зутъ, братъ не хочу... Накажи меня Богъ! Терпѣть я ихъ ненавижу...

Онъ помолчалъ и неожиданно прибавилъ:

— Однажды я тебѣ, Демка, ноги переломаю...

— Чудной ты, Гришка! За что?

— Извѣстно, за что... Сиди на острову, нечего тебѣ по косѣ шататься...

— Не хвались, Гришка. Сказано, никакихъ дѣловъ съ Варькой не имѣю. Что мнѣ съ ей? Дѣтей крестить?.. А что до дѣвокъ, именно, что я пошутить люблю... тоже и ты охочій до нихъ; только у ихъ и разговоръ, что объ тебѣ...

Лобову было пріятно услышать отъ Демки такое признаніе. Ему вдругъ захотѣлось повѣрить тому, что говорилъ прикащикъ, и бодрое, веселящее чувство прошло въ немъ широкими волнами, точно оно было въ крови и разливалось по всему тѣлу.

— Подмазывайся! — сказалъ онъ, задыхаясь отъ охватившаго его волненія, и засмѣялся сдержаннымъ, счастливымъ смѣхомъ.

Шендерюкъ замѣчалъ наивную радость Лобова и продолжалъ дразнить его грубой, насмѣшливой лестью. Онъ говорилъ очень долго, по нѣсколько разъ повторяя одно и то же. Лживыя, осторожныя слова ѣдкой отравой вливались въ сознаніе Гришки, который молча слушалъ Демку и уже не вѣрилъ ни одному его слову. Острое чувство досады росло въ немъ и обращалось въ страстную, ожесточенную ненависть къ прикащику.

— Молчи! — прохрипѣлъ онъ, наконецъ, потерявъ терпѣніе:—сатана, нечистая сила!..

Дико озираясь по сторонамъ, онъ вытащилъ изъ кармана бутылку и жадно сталъ пить водку, запрокинувъ назадъ голову.

Шендерюкъ засмѣялся тихо и вкрадчиво. Потомъ онъ сдержанно крякнулъ и, присѣвъ на корточки, началъ крутить цыгарку. На одно мгновенье свѣтъ спички

скользнулъ по немъ краснымъ, мигающимъ отблескомъ задрожалъ на придорожныхъ бурьянахъ и сразу погасъ, точно въ испугѣ шарахнулся куда-то въ сторону.

Одурманенный выпитой водкой, Лобовъ долго не могъ собраться съ мыслями. Разорванныя и безсвязныя, онѣ быстро смѣняли одна другую, возникая помимо его воли, исчезая и возрождаясь снова. Въ нихъ вплетались неожиданныя, навязчивыя слова, мелькали знакомыя черты, взгляды и усмѣшка Варьки. Сначала эти мысли угнетали его своей неопредѣленностью, мучили нелѣпой путаницей; потомъ онѣ поплыли тяжелыми, медленными клубами, похожими на скученныя, сизыя облака, и сдѣлались однообразными и монотонными... Вдругъ взглядъ его скользнулъ по Демкѣ, и передъ нимъ сразу вырисовалась хищная фигура прикащика, присѣвшаго на корточки на краю дороги, точно притаившагося и подстерегавшаго добычу... Онъ сталъ думать о Варькѣ, и ему отчетливо представлялись подробности ея встрѣчъ съ Демкой, ихъ ласки, и слышался слащавый, подлый шопотъ прикащика... И каждый звукъ этого шопота отдавался въ немъ острой, колючей болью... тогда имъ овладѣвала неудержимая тоска и отчаянье; потомъ что-то неистово протестовало въ немъ противъ этой незаслуженной боли и закипала мстительная злоба... Воображеніе уже создавало картины будущей мести, и онъ наслаждался своей выдумкой... Вотъ онъ, окруженный слободскими дѣвками, съ гармошкой и пѣснями, проходитъ мимо Варьки и вовсе не глядитъ на нее, точно нѣтъ ея даже на свѣтѣ и нѣтъ на свѣтѣ никакого прикащика... напрасно она зоветъ его и дѣлаетъ ему какіе-то знаки... къ дьяволу!

Лобовъ быстро пошелъ впереди прикащика, все болѣе и болѣе увлекаясь своимъ мстительнымъ планомъ, придумывая къ нему новыя и новыя подробности... Потомъ ему вдругъ стало жалко себя и одинокую, покинутую Варьку...

Впереди уже слышался шумъ моря. По краямъ дороги дремали высокія ржаныя нивы и исчезали въ ночномъ мракѣ, а въ темномъ небѣ дрожали звѣзды, загорались и меркли, и вновь разгорались яркимъ, лучистымъ сіяніемъ. У дальнихъ вѣтряковъ пастухи играли на рожкахъ, и нѣжные звуки степной пѣсни сливались съ оглушительной музыкой сверчковъ и кузнечиковъ, звенѣвшей надъ замирающими полями.

IV.

У самаго моря степь обрывалась высокими, надтреснутыми кручами, источенными щурьими гнѣздами. Въ одномъ только мѣстѣ она сбѣгала внизъ легкимъ уклономъ и длинной, выгнутой стрѣлкой врѣзывалась въ море. Это и была Ѳедотова коса, сплошь заросшая красными, солончаковыми травами. Отсвѣчивая съ лѣваго берега узкой бахромой бѣлой пѣны, она терялась и пропадала въ морскомъ просторѣ, сливаясь съ теплой и влажной темнотой ночи.

Надъ дикой кручей, на бугрѣ, неяснымъ пятномъ одиноко свѣтлѣла большая изба Грузнова, и привычный взглядъ едва различалъ на ней почернѣвшую очеретяную крышу, съ громаднымъ, корявымъ гнѣздомъ аиста. Вдалекѣ, прорѣзывая мракъ то краснымъ, то бѣлымъ, ослѣпительно яркимъ глазомъ, мигалъ маякъ на Бирючемъ островѣ. Оттуда тянулся по водѣ узкій, сверкающій клинокъ, то холодный и острый, съ радужнымъ отливомъ, то ярко красный, точно облитый теплою кровью.

Забродчикъ Фролъ Степанычъ Грузновъ жилъ здѣсь круглый годъ, лѣто и зиму. Высокій, плечистый старикъ, лѣтъ пятидесяти, съ обвѣтреннымъ, хмурымъ лицомъ и глубокими, длинными морщинами на щекахъ, онъ отличался большой физической силой, былъ строгихъ правилъ, не пилъ, зналъ грамоту.

Среди забродчиковъ Фролъ Степанычъ пользовался уваженіемъ за свою прямоту и честность, считался хорошимъ хозяиномъ и удивлялъ всѣхъ своей необыкновенной памятью. Онъ зналъ наизусть много молитвъ и евангельскихъ текстовъ, всегда разсказывалъ забродчикамъ обо всемъ, что видѣлъ самъ или слышалъ отъ другихъ людей, или читалъ въ книжкахъ. Путая содержаніе различныхъ событій и смѣшивая прочитанное съ собственной выдумкой, Фролъ Степанычъ особенно любилъ разсказывать о богатыряхъ, проѣзжавшихъ когда-то въ Азовскія степи, о дикихъ людяхъ и святыхъ старцахъ, всякій разъ дополняя разсказъ новыми подробностями. Онъ любилъ степь и море какой-то особенно нѣжной, родственной любовью и былъ связанъ съ ними самыми яркими воспоминаніями, превращенными его чуткой фантазіей въ чудесныя, сказочныя картины. Часто конскій черепъ или подкова, случайно найденные въ степи лѣтнимъ вечеромъ, или голубоватый парусъ далекаго судна въ морѣ, волновали его отдаленной загадкой, полной смутнаго, поэтическаго значенія. Тогда онъ пріурочивалъ свою находку къ какому-нибудь старому преданію или выдумывалъ новую, длинную и запутанную сказку.

Большой каменный столбъ, стоявшій въ полѣ за избой Грузнова, давно уже сдѣлался источникомъ фантастическаго сказанія о древнемъ витязѣ, сраженномъ на этомъ мѣстѣ въ неравномъ бою съ татарами. Фролъ Степанычъ самъ глубоко вѣрилъ въ дѣйствительность своего вымысла и собственноручно нацарапалъ на камнѣ:

„Здесь лежитъ Ребро въ
емъ вѣсу семъ Пудовъ".

Зимою, когда забродчики уходили въ деревню и Фролъ Степанычъ оставался одинъ на косѣ, онъ проводилъ безъ сна долгія, темныя ночи, отдаваясь неудержимымъ, фантастическимъ думамъ. Тогда передъ

нимъ возникали видѣнія, души давно умершихъ людей являлись ему и изрекали пророчества, жуткія и неопредѣленныя... Онъ слышалъ, какъ въ степи бушевали вѣтры и въ буйномъ бѣгѣ кричали что-то человѣчьимъ голосомъ, и расточали жалобы, плакали, стонали и гнѣвались.

V.

Поравнявшись съ избою Грузнова, Лобовъ и Демка, по какому-то молчаливому соглашенію, свернули съ дороги и зашли къ Фролу Степанычу. Тамъ было много народа. Забродчики, молодые и старые, сидѣли на широкой завалинкѣ, и въ темнотѣ нельзя было разглядѣть ихъ лица. Они курили цыгарки и молча слушали хозяина, разсказывавшаго, прочитанное или слышанное имъ гдѣ-то, повѣствованіе о судьбѣ Василія Шибанова.

Сидя на завалинкѣ, поджавъ подъ себя ноги и положивъ на колѣни вытянутыя, жилистыя руки, Фролъ Степанычъ говорилъ тихо и медленно, растягивая слова, и рѣчь его звучала важно и вразумительно.

Замѣтивъ пришедшихъ, онъ замолчалъ, нахмурился и сдержанно отвѣтилъ на ихъ привѣтствіе:

— Добрый вечеръ!..

Забродчики заворочались и осторожно передохнули. Варька, неподвижно стоявшая въ сѣнцахъ, прислонясь къ косяку дверей, сошла на крыльцо, тихо ступая босыми ногами, и сѣла, подперевъ кулаками щеки. Лобовъ и Демка, смущенные, стали въ сторонѣ. Среди наступившей тишины, Грузновъ продолжалъ спокойнымъ, грудным голосомъ:

— Разгнѣвался тогда царь, задумалъ злобное дѣло. А Василій стоитъ передъ имъ съ радостью, идетъ отъ его вродѣ какъ бы сіяніе, ничего не боится, ни обиды, ни муки. Осерчалъ тогда царь, встрамилъ ему въ ногу

копье чижолое, наскрозь пробилъ, кровь пошла, земля кругомъ красная стала... Сталъ Василій письмо читать, громкимъ голосомъ, всю чисто правду царю прочиталъ. Такъ и такъ, говоритъ, безразсудный ты есть царь, за что вѣрнаго воеводу обижаешь? Поглядѣлъ царь на Василія, видитъ—Божій ангелъ за имъ стоитъ, крылушки у его алмазныя, на глазахъ слезы блестятъ. И никто того ангела не видитъ, одному царю видать его. Отошло у его сердце, сталъ онъ царскую рѣчь держать. Ты, говоритъ, Василій, не гонецъ, не рабъ, другъ ты мой товарищъ. Скажешь про ихнюю измѣну—помилую, не скажешь—царскаго своего слова мѣнять не стану... Повели Ваську въ острогъ, стали съ его шкуру сдирать, кости дробить, жилы вытягивать—молчитъ Вася, противъ совѣсти нѣту у его слова... Подъ конецъ далъ знакъ, воды попросилъ, выпилъ глоточекъ; посля того открылъ глаза, руки вытянулъ: Господи, владыко живота моего! Пріими душу раба твоего Василія... И пошелъ отъ его свѣтъ кругомъ, и приняли ангелы душу его, понесли къ престолу Божьему...

Голосъ Грузнова едва замѣтно задрожалъ и оборвался. Онъ низко опустилъ голову. Молчали и забродчики, растроганные до слезъ подвигомъ и мученической кончиной Шибанова. Грузновъ долго сидѣлъ въ какомъ-то подавленномъ раздумьѣ. Наконецъ, онъ поднялъ голову и, весь охваченный порывомъ скорби и состраданія, сказалъ тихо, ни къ кому не обращаясь:

— Безразсудный былъ царь!.. Безразсудный!

При этихъ словахъ всѣ задвигались и заговорили разомъ, волнуясь и перебивая другъ друга. Жестокія слова упрека и осужденія раздались противъ царя, утратившаго вдругъ въ ихъ глазахъ свое грозное величіе. Совсѣмъ еще молодой забродчикъ Егорка, веселый и безпабашный мальчикъ, не могъ произнести ни слова и сдерживалъ свое волненіе короткимъ, дѣланнымъ кашлемъ. Лобовъ старался осторожно скрыть слезы,

вдругъ выступившія у него изъ глазъ и доставившія ему странное, неожиданное облегченіе.

— Тятя, а куды-жъ воевода дѣвался?—спросила Варька, когда всѣ, наконецъ, затихли.

— До польскаго царя въ службу пошелъ,—задумчиво произнесъ Фролъ Степанычъ.

Грузновъ еще долго разсказывалъ о Грозномъ царѣ и о Самозванцѣ, котораго считалъ дѣйствительнымъ наслѣдникомъ русскаго престола. Потомъ, по просьбѣ забродчиковъ, онъ вспоминалъ различныя бѣдствія, испытанныя имъ въ морѣ. Украшенныя вымысломъ, воспоминанія эти поражали необыкновенной картинностью содержанія и вызывали среди слушателей глубоко сочувственное волненіе...

Варька была разстроена. Мучительно хотѣлось знать, отчего плакалъ Лобовъ. Въ первый разъ она видѣла его слезы, и теперь ее волновала какая-то смутная догадка, было какое-то предчувствіе своей вины, и томило безотчетное чувство раскаянія.

— Страшно въ морѣ, тятя?—спросила она вдругъ, разсѣяннымъ, безразличнымъ тономъ.

Грузновъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— На землѣ страшнѣй,—отвѣтилъ онъ сурово, глухимъ голосомъ.

Варька смутилась и вспыхнула. Она вошла въ сѣнцы, но черезъ минуту снова появилась на порогѣ. Поднявъ руки и откинувшись назадъ стройнымъ молодымъ станомъ, она потянулась и вздрогнула; потомъ безшумно скользнула вдоль стѣны по завалинкѣ и вышла на дорогу.

Шендерюкъ подождалъ немного и сталъ прощаться, но его неожиданно задержалъ Фролъ Степанычъ.

— Ну что на заводѣ?—спросилъ онъ, испытующе оглядывая Демку:—хозяинъ пріѣхалъ?

— Вчерась пріѣхали, подъ вечеръ.

— Много посуды на осень готовили?

— Тысячъ триста.

— Большая охота! Кажись, Фундуклей Митричъ за одинъ разъ всю добычу выловитъ. Мы по десяти тыщъ ставимъ и то много... Нѣту теперь такой охоты, какъ раньше была... Черезъ это и рыба перевелась, что ходу для нея нѣту.

— Тоже и рыба теперича умнѣй стала, подъ низомъ идетъ, низовая, значитъ, рыба... по-подъ крючьями...

— Вся посуда готова?

— Немного осталось.

— Ишь ты! А у насъ ребята только-что за работу берутся...

— На деревнѣ хохлы давно справились,—сказалъ кто-то изъ забродчиковъ:—давно у нихъ все чисто готово.

— Готовить нечего! Какая у хохла посуда? Все одно какъ волосъ у лысаго.

— Съ хохла какая польза? Развѣ онъ что понимаетъ?—съ пренебреженіемъ заявилъ прикащикъ.

— Какой съ его забродчикъ, ежели онъ хлѣбъ сѣетъ?

— Съ кажнаго трудящаго человѣка польза есть,—примирительно сказалъ Фролъ Степанычъ.—На Денисовой косѣ какіе забродчики?.. Подъ Бердянскомъ... Добрый народъ, нечего сказать!.. Всѣ чисто хохлы!

Въ разговоръ вмѣшались другіе забродчики, и уходить уже было неловко. Демка разсѣянно слушалъ ихъ и невпопадъ отвѣчалъ на разспросы Фрола Степаныча.

VI.

Варька стояла, заложивъ руки за спину, и напряженно прислушивалась къ доносившемуся до нея разговору. Ее раздражала неловкость Демки, и было обидно ждать черезчуръ долго. Долетавшій къ ней голосъ при-

кащика казался медлительнымъ и равнодушнымъ, какъ будто онъ нисколько не торопился выйти къ ней и не думалъ даже о томъ, что она ждетъ его на дорогѣ. Гришка давно пришелъ бы, никого-бъ слушать не сталъ... И ужъ ей казалось, что Демка никогда не любилъ ее, а все только вралъ, чтобъ своего добиться. Затѣмъ и подарки носилъ, и хитрости говорилъ разныя... Вотъ Гришка любилъ по настоящему, безъ памяти. Только что онъ пьяница, драться любитъ, никогда копѣйки у его нѣтъ... а Демка умный, голосъ у его пріятный, нѣжный... опять же у его всегда деньги есть... Объ дѣлѣ надо ему толковать съ тятькой, насчетъ охоты, какъ и что, когда зачинать...

Варькѣ хотѣлось уже найти для Демки всевозможныя оправданія, но онъ упорно рисовался въ ея воображеніи холоднымъ и непріятнымъ, съ косыми глазами, мутными и влажными. Прежде онъ часто смотрѣлъ на нее точно такимъ, застывшимъ и хищнымъ взглядомъ, и она всегда угадывала его нечистыя мысли...

Услышавъ шаги, Варька быстро обернулась и тотчасъ же узнала Лобова, робко подходившаго къ ней и бормотавшаго что-то непонятное. Она нахмурилась и грубо спросила:

— Чего надо?

Лобовъ сразу умолкъ, глупо переминался съ ноги на ногу и хлопалъ глазами.

— Ну? чего надо?

Стараясь овладѣть собой, Гришка откашлялся громкимъ, рѣшительнымъ кашлемъ. Потомъ онъ заложилъ руки за спину подъ поддевку, отставилъ ногу и пристально поглядѣлъ на свой сапогъ съ высокимъ каблукомъ.

— Ежели я въ чемъ виновенъ, прости, Варя...

Варька отвернулась.

— Богъ проститъ.

— И ты прости... Я, Варя, характера своего сдер-

жать не могу... простой я... а Демка хитрый... Сказывалъ, думать объ тебѣ забылъ, а ты ему вѣришь...

— Не ври, Гришка!.. Ничего тебѣ не выйдетъ, все одно не повѣрю... Уходи!

— Хм... не повѣришь? не вѣрь!.. Сдѣлай милость, не вѣрь!.. Только, ежели ты съ Демкой, зачѣмъ тогда меня крутила? То я, то Демка... Нешто такъ хорошо, Варя?

— Прежде ты былъ, а сейчасъ Демка... и все! Уходи!

— И уйду!.. Сохнуть черезъ тебя тоже очемъ не буду...

— Не будешь?.. А объ чемъ давеча плакалъ?..

— Ничего не плакалъ... До меня на деревнѣ дѣвки сами лѣзутъ, брать не хочу...

— Ну и бери! Чего не берешь, коли лѣзутъ... Твоя воля, помѣхи нѣту!

— Настоящей тоже и воли нѣту... Когда-бъ у меня, Варя, воля такая была, сколько я въ себѣ силы имѣю!..

Варька вдругъ засмѣялась, звонко, съ буйнымъ, неудержимымъ задоромъ. Страстнымъ призывомъ и обѣщаніемъ отозвался этотъ смѣхъ въ сознаніи Гришки, у него закружилась голова, и что-то свѣтлое поплыло передъ глазами. Онъ быстро обнялъ Варьку, сильно прижалъ ее къ себѣ, такъ что она почти отдѣлилась отъ земли, и горячо поцѣловалъ въ губы...

Когда Демка вышелъ на дорогу, онъ уже никого не засталъ тамъ. Издалека доносились обрывки пѣсни, и слышался нѣжный, переливчатый смѣхъ Варьки. Прикащикъ остановился, прислушиваясь къ ихъ голосамъ, стараясь угадать, въ какой сторонѣ они скрылись. Ночь была тихая, тихая. Неподвижныя ржаныя нивы словно замерли въ нѣжномъ цѣломудренномъ снѣ.

Демка еще постоялъ немного, потомъ онъ съ досадой заскрежеталъ зубами и пошелъ одинъ по косѣ.

VII.

Осенняя охота на красную рыбу начиналась въ концѣ августа или въ началѣ сентября. По обычаю, забродчики выходили въ море всѣ сразу. Передъ отходомъ въ баркасахъ ставили образа на кормахъ и молились Богу. Грузновъ громко читалъ „Вѣрую“ и „Отче нашъ“, забродчики сосредоточенно подпѣвали хоромъ, крестились, говорили другъ другу: „въ добрый часъ!“ „съ Богомъ!“ и отплывали.

По началу ловъ бывалъ слабый. Попадались дельфины, севрюга, одиночные икряные осетры и мелкая бѣлуга. Въ сентябрѣ начинался настоящій ходъ, и много рыбы проходило тогда мимо Бирючаго острова, къ Донскому гирлу.

Забродчики „дружили“ по пять, шесть человѣкъ и работали сообща. У каждаго была своя посуда и сѣти; баркасъ или шаланду пріобрѣтали на общія средства и на это не жалѣли денегъ, платили по сто рублей и дороже. За судномъ всегда хорошо смотрѣли, часто красили его въ разные цвѣта и давали названіе.

— Худой баркасъ—все одно какъ кадушка! —говорилъ, бывало, Лобовъ, объясняя Егоркѣ, какъ греки дѣлаютъ баркасы въ Геническѣ: — грекъ-то, онъ даже очемъ хитрый... Что ему?.. Не догляди за имъ, чисто все судно спортитъ... такъ что даже моря его посля не принимаетъ... Вотъ наша „Сонька“—ды-къ вотъ баркасъ настоящій! Дай мнѣ Господи гробъ такой, какъ энтой баркасъ! Накажи меня Богъ!..

Все лѣто шли приготовленія къ осенней охотѣ. Забродчики готовили посуду, по цѣлымъ днямъ оттачивали желѣзные крючья, смолили бичеву, чинили паруса, конопатили досчанники и шаланды. Заводъ не принималъ еще мелкой добычи, и неводили рѣдко. Въ свѣжую погоду—съ вечера забрасывали сѣти, а на раз-

свѣтѣ собирали рыбу. Шла селявка и сельдь. Въ тихіе дни кидали переметы и ловили бычковъ.

Въ началѣ августа погода сразу засвѣжѣла. Нѣсколько дней съ моря рвалъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ. Взрывая песокъ и раковины, разбивались у берега грязно-желтыя, вспѣненныя волны. За перекатомъ море отливало мутной зеленью и сразу темнѣло, и уже до самаго горизонта широкія волны отсвѣчивали вороненой сталью. Онѣ глухо и монотонно вторили въ отдаленіи береговому прибою, и по всему морю бѣгали и догоняли другъ друга бѣлые, кудрявые барашки. Недалеко отъ берега носились надъ водою строгіе мартыны и пролетали зоркія бѣлыя чайки, а надъ ними синѣло холодное небо.

Забродчики торопились, боясь пропустить начало хода, и на косѣ кипѣла работа. Стучали молотки, визжали напилки, пахло смолой и дегтемъ. Фролъ Степанычъ цѣлые дни проводилъ на косѣ, среди забродчиковъ, давалъ совѣты и указанія, ободрялъ отставшихъ и, зорко поглядывая на море, говорилъ, что „еще до хода далеко“.

Послѣ нѣсколькихъ дней свѣжей погоды наступило затишье. Къ ночи повернулъ вѣтеръ, а на разсвѣтѣ море уже было почти спокойнымъ. При косыхъ лучахъ солнца, оно змѣилось мелкой блестящей рябью, а по ней неправильнымъ узоромъ тянулись гладкія, свѣтлыя полосы, точно узкіе проселки. Далеко, далеко, среди мутныхъ бѣлесоватыхъ тоновъ моря, виднѣлись тонкія лиловыя очертанія Бирючаго острова и на немъ, словно вонзившійся въ бирюзовое небо, высокій бѣлый маякъ.

На косѣ уже шла работа, когда въ морѣ неожиданно появились заводскія шаланды, и забродчики сразу догадались, въ чемъ дѣло.

— Нехорошо, Фундуклей Митричъ!—говорилъ Грузновъ Шестерикову, когда тотъ къ вечеру пріѣхалъ на косу:—моря только-что заиграла, а ужъ ты впередъ забѣ-

жалъ, не дождался... Все одно добычи не будетъ. Не по-сосѣдски выходитъ, Фундуклей Митричъ!

Заводчикъ былъ искренне удивленъ словами Фрола Степаныча.

— Чудакъ человѣкъ! – говорилъ онъ, добродушно разводя руками:—нешто я твою посуду поставилъ? Говоришь, добычи не будетъ? А тебѣ что? Нешто я съ тебя какую неустойку, што-ль, требую? На то воля Божья! Но чтобы другого ждать, лодыря какого-небудь, я не согласенъ!.. не намѣренъ! Съ какой стати?.. Ты говоришь: не по-сосѣдски... Кто отъ меня обиду видалъ?.. Ну-ка, пущай ребята скажутъ!..

Забродчики заволновались.

— Обиду, вѣрно, что не видали, а только зачѣмъ жадность доказываешь?

— Поспѣешь!

— Завсегда разомъ охоту зачинать надо...

Шестериковъ былъ огорченъ и горячо оправдывался, не понимая неудовольствія забродчиковъ, которые и послѣ его отъѣзда долго не могли успокоиться. На всякій случай, чтобы не пропустить начало хода, они рѣшили выслать въ море одинъ баркасъ и поставить посуду „для повѣрки“.

VIII.

Въ первую очередь вызвался идти въ море Лобовъ. Съ нимъ былъ Егорка, помогавшій ставить посуду. Еще съ вечера они снесли на „Соньку“ якоря, вѣхи съ флажками и сложили школды съ крючьями. Сначала думали идти на веслахъ, но Фролъ Степанычъ обѣщалъ на утро „погоду“, и пришлось приготовить парусъ.

Раннимъ утромъ они уже были далеко въ морѣ. Подойдя совсѣмъ близко къ Бирючему острову, Лобовъ бросилъ якоря и забилъ свайку; потомъ онъ укрѣпилъ конецъ съ огромной связкой деревянныхъ поплавковъ,

поставилъ вѣху и вдвоемъ съ Егоркой началъ разматывать бичеву, съ подвѣшенными къ ней острыми крючьями. Время отъ времени они привязывали къ бичевѣ большіе узлы поплавковъ и вбивали колья.

— Гляди, крѣпче шаматъ подвязывай! — говорилъ Лобовъ, показывая Егоркѣ, какъ нужно укрѣплять поплавки.

Работа шла медленно, и только къ полудню имъ удалось закрѣпить второй конецъ бичевы. Лобовъ поставилъ около шести тысячъ крючьевъ, почти половину своей посуды.

Переламываясь на острыхъ гребняхъ волнъ, мелькая парусомъ и шлепаясь по водѣ днищемъ, опустѣвшій легкій баркасъ медленно возвращался къ берегу Егорка, лежа на кормѣ у руля, курилъ цыгарку. Лобовъ, задравъ голову, слѣдилъ за плавнымъ полетомъ большихъ, черныхъ баклановъ.

— Эхъ жалость, Егорка, ружжа нѣту!.. Сичасъ бы баклана убилъ, накажи меня Богъ!.. Очемъ даже съ его пища хорошая...

— Рыбный духъ у ей...

— Хм... духъ рыбный? Закопай въ землю дня на три, а после жарь,—никакого духу не будетъ...

Егорка съ живымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на Лобова, ожидая продолженія начатаго объясненія.

— Земля у ей духъ отнимаетъ! —увѣренно подтвердилъ Лобовъ.

— Дельфина, сказыв[illegible]тъ, тож[illegible]шать можно?

— Дел[illegible] [illegible]ат[illegible] съ его брать можно [illegible]. Ты, Егорка, вид[illegible]

[illegible] гъ загорѣлись [illegible] ъ засмѣялся: [illegible] ще, Егорка, и [illegible] ы же заброд- [illegible] будемъ когда

дельфина снимать, ты погляди на его, на морду... глаза у его какіе? Просто съ ихъ слеза бьетъ во̀ какая, какъ горохъ все одно... Просто бьетъ и бьетъ слеза, ажъ покедова сдохнетъ.

— Все плачетъ?

— Просто такъ плачетъ, что глядѣть на его жалко, накажи меня Богъ! Тоже и ему смерть принимать не сладко, хотя-что сказать ничего не можетъ.

Егорка вздохнулъ и машинально посмотрѣлъ въ сторону.

— Погляди, Гришка!—вдругъ закричалъ онъ, поднимаясь и пристально вглядываясь въ недалекій уже берегъ косы:—прикащикъ съ Варькой въ проходку гуляютъ, все одно какъ паничъ съ барышней...

Подъ килемъ баркаса зажурчали ручьи, онъ сразу накренился влѣво и сдѣлалъ послѣдній, плавный поворотъ. Парусъ заполоскалъ и туго надулся справа. Баркасъ сначала взмыло на мѣстѣ, потомъ онъ мягко осѣлъ и подъ сильнымъ креномъ, почти зачерпывая правымъ бортомъ воду, быстро пошелъ къ берегу.

Лобовъ, блѣдный и озабоченный, стоялъ на банкѣ, держась одной рукой за мачту, и оралъ во все горло:

— Демка-а, стой! Сто-ой, Де-е-емка-а! Дѣло есть, стой-ой!..

Прикащикъ не оборачиваясь шелъ по косѣ, обнявшись съ Варькой, и они направлялись къ избѣ Фрола Степаныча.

IX.

Вечеромъ забродчики долго возились на берегу, помогая другъ другу оттащить подальше досчанники и баркасы, чтобы ихъ не смыло въ море и не разбило волной. Уже было совсѣмъ темно, а они все еще стояли на берегу, облѣпивъ большую шаланду напряженно вытянутыми руками, и волочили ее по песку дружными

хватками. И долго еще слышалась среди нихъ протяжная, разорванная вѣтромъ команда:

— Ого-о-опъ... еще разъ! Ого-о-опъ!..

Ночью разыгралась буря. Металось и грохотало море, жалобно скрипѣли снасти баркасовъ и косяки куреней. Въ темнотѣ видны были бѣлые клочья пѣны, кипѣвшей на гребняхъ громадныхъ волнъ, далеко заливавшихъ берегъ.

— Концы хорошо крѣпилъ, Гришка?—спрашивали забродчики, тревожно поглядывая на море. — Гляди, какъ бы посуду не сорвало...

— Крѣпить-то я хорошо крѣпилъ, концы-то...—съ досадой отвѣчалъ Лобовъ:—а кто ее знаетъ? Можетъ, выдержитъ...

X.

Только къ вечеру слѣдующаго дня буря стала стихать. При заходящемъ солнцѣ широкія волны отсвѣчивали темно-зеленымъ стекломъ, и много бѣлыхъ чаекъ качалось на нихъ недалеко отъ берега. Большой красно-коричневый валъ мокрыхъ камней и ракушекъ окаймлялъ гладко отшлифованный песчаный берегъ, и первобытно дикими казались эти мѣста, какъ въ первый день сотворенія міра.

На разсвѣтѣ Егорка и Гришка сдвинули баркасъ въ воду и на веслахъ пошли въ море осмотрѣть посуду.

— Труды къ чорту! Кажись, сорвало!..—говорилъ Лобовъ, когда они подходили къ мѣсту заброда. — А-а, чтобъ ты лопнула, накажи меня Богъ!.. Куда прешь? Стой!.. Стой!.. Кидай весла... Багромъ держись! багромъ, чортова голова!

Егорка захватилъ багромъ бичеву и подтянулся къ вѣхѣ. Потомъ они подняли тяжелые якоря и стали собирать посуду. Баркасъ медленно подвигался впередъ.

Приходилось идти бичевой и работать баграми, потому что острые крючья рани ли руки. По направленію бичевы было видно, что сорванный конецъ снесло на заводскія снасти.

Гришку грызла досада. Жалко было даромъ потраченный день и пропавшіе якоря, съ которыхъ сорвалась снасть. Онъ работалъ молча, сердито и недовѣрчиво поглядывая на Егорку, глубоко обиженнаго этимъ внезапнымъ отчужденіемъ.

— По сторонамъ глядѣть нечего!—съ раздраженіемъ говорилъ Лобовъ:—тутъ, братъ, дѣло справлять надо!.. Нечего тебѣ носомъ крутить!..

— Носомъ крутить... носомъ крутить...—недовольно, но осторожно повторилъ Егорка.

— Поговори еще!.. тоже!.. Нечего лодыря корчить!..

Однако, работа шла хорошо. Баркасъ уже сталъ осѣдать отъ тяжести собранной посуды, когда изъ-за длиннаго, песчанаго откоса показалась большая, черная шаланда.

— Ребята съ заводу... тоже посуду сбираютъ,—тихо пробормоталъ Егорка, не прерывая работы.

Шаланда медленно шла навстрѣчу баркасу. Трое гребцовъ работали на ней лѣниво и вяло, точно сонные, часто останавливались и долго сушили весла. У праваго борта стоялъ Демка и ловко собиралъ багромъ бичеву.

— Демка-а, не спута-ай!—протяжно закричалъ Лобовъ, щуря глаза и пристально вглядываясь туда, гдѣ на побѣлѣвшей отъ зноя водѣ тихо подвигалась шаланда, тяжелая и черная, словно отлитая изъ чугуна.

— Не спу-у-та-ай!.. После разби-ра-ать долго-о!..

Въ отвѣтъ послышался ехидный, визгливый смѣхъ прикащика и громкій хохотъ гребцовъ. Гришка, озадаченный, не понимая въ чемъ дѣло, прервалъ работу и безпомощно осмотрѣлся вокругъ. Между тѣмъ, шаланда пошла быстрѣе, и уже видно было, что въ ней, кромѣ Демки, работали баграми еще двое гребцовъ.

— Нашу посуду сбираютъ... съ того краю...—испуганно и торопливо сказалъ Егорка.

— Нашу сбираютъ... Нечего тебѣ врать!..—отвѣтилъ Лобовъ смущеннымъ, неувѣреннымъ тономъ.

Однако, онъ и самъ понималъ уже, что Егорка правъ. Охваченный быстро нароставшей тревогой, онъ вдругъ сталъ метаться по баркасу, хватаясь безъ толку то за багры, то за весла, переставляя сложенные у кормы якоря и сердито взглядывая на Егорку. Спѣша и путая бичеву, онъ снова началъ быстро собирать посуду, въ безпорядкѣ сбрасывая ее въ баркасъ, и бѣшено закричалъ Егоркѣ:

— Шибче! Шибче, говорю, дьяволъ!

Они разогнали баркасъ навстрѣчу шаландѣ, которая неслась на нихъ. Разстояніе между ними быстро уменьшалось, и Лобовъ уже чувствовалъ, какъ натянулась бичева. Тогда онъ сразу оставилъ работу и, съ поднятымъ багромъ въ рукѣ, сталъ ждать встрѣчи. Наступило тягостное, оцѣпенѣлое затишье. Лобовъ, съ крѣпко стиснутыми челюстями и потемнѣвшими глазами, стоялъ у борта, точно застывшій въ напряженномъ ожиданіи. Егорка, едва дыша, боязливо взглядывалъ на Лобова.

Шаланда была уже шагахъ въ двадцати отъ баркаса, когда гребцы неожиданно, какъ по командѣ, бросили багры и сѣли на весла. Въ рукѣ Демки блеснулъ топоръ; широко размахнувшись, онъ ударилъ по борту шаланды и перерубилъ бичеву. Въ ту же минуту что-то зашелестѣло въ воздухѣ, и тяжелый багоръ, брошенный со страшной силой Лобовымъ, шлепнулся въ воду, недалеко отъ прикащика.

Шаланда вздрогнула и сразу осѣла. Потомъ, уже совсѣмъ недалеко отъ баркаса, она ловко обернулась на мѣстѣ и, оставляя въ водѣ крутящіяся воронки, пошла обратно на шести веслахъ. Демка стоялъ на кормѣ и хохоталъ во все горло.

XI.

Лобовъ возвратился удрученный не столько потерей посуды, сколько издѣвательствомъ Демки. Егорка весь день былъ возбужденъ до крайности. Разсказывая забродчикамъ подробности этого случая, онъ обиженно тянулъ носомъ и каждое слово сопровождалъ божбой и отборными ругательствами.

Забродчики были очень взволнованы.

— Чего такое за новости!

— Никогда этого не бывало, чтобы посуду грабить...

— Середь бѣла дня разбойство!

— Заводъ ему запалить, ребята, вотъ что!

— Чего смотрѣть въ сам-дѣлѣ? Запалить къ чортовой матери!

Фролъ Степанычъ, встревоженный, слушалъ забродчиковъ, укоризненно качалъ головой и старался ихъ урезонить.

— Впередъ, ребята, добромъ его попытать надо. Палить заводъ завсегда поспѣете...

— Нечего его добромъ-то! Нешто енъ посуду добромъ грабилъ?

— Котораго человѣка добромъ, котораго огнемъ надо.

— Этта енъ нашу посуду для подпалу забралъ!

— Хха, ха, ха! Вѣрно, что для подпалу!

— Нибезпримѣнно сичасъ ему заводъ подпалить!— дѣловито заявилъ Егорка.

Грузновъ строго оглядѣлъ его и нахмурился.

— И ты тутъ?—сказалъ онъ сурово и рѣзко:—поглядѣть, смѣлѣй тебя никого нѣту. Молоко на губахъ не обсохло, а туды же, палить! Подпальщикъ какой выискался!

Забродчики засмѣялись.

— Безъ тебя и вода не освятится!

— Ступай! Нечего тебѣ тутъ стоять!..

Егорка сконфуженно хлопалъ глазами, но все еще топорщился и не трогался съ мѣста. Новый взрывъ хохота раздался среди забродчиковъ:

— Иди, Егорка! Молодой еще...

— Глядите на его, старшому перечить сталъ!..

— Ахъ, чтобъ тебя разорвало! Ха, ха, ха!

Егорка покраснѣлъ и нехотя отошелъ въ сторону.

— Перечить сталъ... перечить сталъ...—негромко повторилъ онъ, обиженный и глубоко возмущенный.

Послѣ долгихъ увѣщеваній, Грузнову удалось, наконецъ, успокоить забродчиковъ. Рѣшено было на завтра всѣмъ пойти къ Шестерикову, требовать возвращенія посуды.

XII.

Фундуклей Митричъ Шестериковъ былъ крѣпкій человѣкъ, высокаго роста, съ умнымъ, энергичнымъ лицомъ, слегка раздавшимся книзу. Рѣдкая козлиная бороденка и короткіе усы надъ толстыми губами придавали ему какую-то особую моложавость, несмотря на то, что въ вискахъ у него уже серебрилась сѣдина.

Одѣвался онъ по городскому, опрятно, носилъ вышитую рубаху, пиджакъ, высокіе, плотовые сапоги и картузъ.

Съ забродчиками Шестериковъ былъ простъ, обходителенъ, любилъ поболтать съ ними и посмѣяться, выпить и погулять, если былъ праздникъ. Онъ понималъ тягость нужды и работы и даже былъ не прочь помочь хорошему хозяину въ бѣдѣ или при какой-нибудь неудачѣ.

— Ежели, дастъ Богъ, пойдетъ заводъ,—говорилъ онъ часто забродчикамъ:—и я въ накладѣ не буду, и много возлѣ меня народу будетъ кормиться.

Фундуклей Митричъ зналъ и помнилъ всѣхъ по

имени, кто и когда женился, отчего померъ, какія пѣлъ пѣсни. Пѣніе онъ любилъ страстно, слушалъ его всегда съ какой-то особенной внимательностью, размякалъ весь и томно качалъ въ тактъ головою. Иногда Шестериковъ самъ пробовалъ пѣть, но ничего не выходило; онъ сокрушенно вздыхалъ и говорилъ, разводя руками:

— Нѣту ничего, братецъ!.. Голосъ не позволяетъ...

Забродчики знали Шестерикова давно. Каждый годъ онъ пріѣзжалъ на косу, въ числѣ другихъ купцовъ, скупалъ рыбу, сначала по мелочамъ, а потомъ крупными партіями, и отправлялъ ее въ Харьковъ и въ Москву для продажи. Съ каждымъ годомъ онъ расширялъ свои обороты и, скопивъ порядочный капиталъ, приступилъ къ постройкѣ завода.

Постройки были дешевыя, деревянныя, но большія, просторныя и прочныя. Онъ завелъ много своей посуды, двѣ шаланды, баркасъ и досчанники, нанялъ Демку въ прикащики и привелъ артель сроковыхъ рабочихъ.

Въ работѣ Шестериковъ любилъ порядокъ, требовалъ, чтобы все было въ аккуратѣ, сдѣлано хорошо и во время, и слѣдилъ за этимъ самъ. Вставалъ онъ очень рано, еще до зари, ставилъ людей на работу и, когда все было налажено, уходилъ къ себѣ пить чай. Оставаясь одинъ, онъ обдумывалъ планы будущаго расширенія операцій, фантазировалъ насчетъ дальнѣйшаго роста своего предпріятія. Покуда же ему вновѣ было самое званіе заводчика и оно тѣшило его своимъ высокимъ, еще непривычнымъ значеніемъ. Поглядывая на заводскія постройки, онъ широко ухмылялся и самодовольно говорилъ самому себѣ:

— Такъ то-съ, Фундуклей Митричъ!

XIII.

Когда забродчики пришли на заводъ, Шестериковъ съ Демкой пили чай, подъ навѣсомъ большого деревяннаго амбара, гдѣ на длинныхъ, параллельныхъ жердяхъ висѣли школды съ посудой. Тамъ было прохладно, уютно и чисто, и хорошо пахло просмоленной бичевой.

Фундуклей Митричъ, упершись одной рукой въ колѣно, отдуваясь насасывалъ сахаръ и прихлебывалъ съ блюдечка. Волосы у него были мокры и тщательно расчесаны въ проборъ. Увидѣвъ пришедшихъ забродчиковъ, онъ скосилъ глаза въ ихъ сторону, потомъ осторожно поставилъ блюдечко на столъ и вѣжливо отвѣтилъ на ихъ поклонъ.

— Добрый день... а что скажете, ребята?

Забродчики еще разъ тряхнули картузами.

— Чай да сахаръ, Фундуклей Митричъ!

— Спасибо!.. Дѣло, што-ль, у васъ какое?

— Кабы безъ дѣловъ, Фундуклей Митричъ, съ утра-бъ здря не приходили...

— Время тоже рабочее...

— Надоть по совѣсти, Фундуклей Митричъ...

— Стой, братцы, пущай Фролъ Степанычъ!..

— Фролъ Степанычъ, енъ складнѣй скажетъ!..

Грузновъ вышелъ впередъ, осмотрѣлся и сѣлъ на какой-то засаленный боченокъ, стоявшій подъ навѣсомъ. Затѣмъ взглядъ его скользнулъ по Демкѣ, который вызывающе смотрѣлъ на забродчиковъ, но, видимо, волновался.

— Такое дѣло, Фундуклей Митричъ, нехорошее...— началъ Фролъ Степанычъ разсудительнымъ, дѣловымъ тономъ:—случаи разный бываетъ, а жить надо добромъ, по совѣсти, а не то, чтобы посуду грабить... Такого порядку у насъ отродясь не бывало, чтобы грабить... Вчерась ты Гришку обидѣлъ, а нонче онъ тебѣ какую

сказать пакость сдѣлаетъ... И тебѣ, Демка, стрямъ! Ты теперича выходитъ все одно какъ воръ, грабитель...

Демка метнулъ въ сторону косыми глазами и усмѣхнулся.

— Крѣпить концы надоть получше.

— Совѣсть крѣпить надо, а ты концы. Ежели-бъ у тебя совѣсть была, ты-бъ до чужого добра не добирался.

— Нешто я ее звалъ? Сама пришла.

Шестериковъ молча слушалъ Грузнова, и видъ у него былъ глубокомысленный и серьезный. Онъ изрѣдка крякалъ и пытливо взглядывалъ на прикащика. Однако, ему не хотѣлось сознаться передъ забродчиками въ томъ, что все случилось безъ его вѣдома и что онъ даже не зналъ ничего о грабежѣ посуды.

— Все одно на словахъ не повѣрятъ...—думалъ Шестериковъ, стараясь не обнаружить накипавшее въ немъ раздраженіе противъ Демки. При послѣднихъ словахъ прикащика, онъ всталъ и молча прошелся по амбару, осматривая висѣвшую на жердяхъ посуду.

— Сколько посуды потеряли?—спросилъ онъ, не глядя на Фрола Степаныча.

— Три тыщи, Фундуклей Митричъ... Нешто это можно такъ-то?..

— А кто считалъ?—вызывающе спросилъ Демка и презрительно сплюнулъ въ сторону.

— Молчи!.. ты! ехида!—строго закричалъ на него Шестериковъ и, вдругъ побагровѣвъ, смѣшно и неуклюже затопалъ ногами.

— Гдѣ ихняя посуда? Сдавай сичасъ, чтобы даже разговору этого не было!.. Остроилъ, сукинъ сынъ!..

Задыхаясь отъ сдерживаемаго волненія, онъ тяжело прошелся передъ забродчиками.

— Намъ, ребята, чужого не надо,—сказалъ онъ, наконецъ, овладѣвъ собою:—своего довольно! Ни мнѣ богатѣть черезъ три тыщи тоже нечего... Я вашего не

хочу, вамъ моего не надо!.. А только что черезъ Гришку завсегда непріятность будетъ... потому знаю я Гришку тоже...

Шестериковъ замолчалъ и огорченный присѣлъ къ столу. Съ приподнятыми бровями, какъ будто соображая что-то, онъ сидѣлъ на табуретѣ, разставивъ крѣпкія ноги и подперевъ голову рукою. Его раздражало сознаніе, что забродчики правы и что Демка сдѣлалъ такую скверную штуку... въ то же время хотѣлось найти оправданіе для прикащика:

— Подслужиться шельма хотѣлъ!

Однако, и въ дѣйствіяхъ забродчиковъ ему уже чувствовалась какая-то неправильность.

— Опять же моду взяли посуду ставить къ нашему заброду!—снова сказалъ Шестериковъ, послѣ непродолжительнаго молчанія:—окромя мѣста нѣту, что ли?

Забродчики встрепенулись.

— А гдѣ-жъ ставить?

— Споконъ вѣку на острову ставили...

— Потому тамъ рыба идетъ...

— Тамъ ей самое ходъ...

— Ходъ, ходъ!..—перебилъ Фундуклей Митричъ съ досадой:—а ты другого хода поищи! Какіе вы, ребята, безъ понятія. Тепереча кто на острову хозяинъ? Кажись, я?.. Заводъ чей? Можетъ, и заводъ-то не мой?..

— Заводъ твой, а моря наша,—сурово и наставительно проговорилъ Фролъ Степанычъ:—моря Божья!

Шестериковъ насмѣшливо фыркнулъ и снова заходилъ взадъ и впередъ по амбару. Онъ былъ возмущенъ явной несправедливостью такого объясненія.

— Какъ же такъ, братцы?.. Я подъ заводъ даромъ, што-ль, землю бралъ? Кажись, въ казну денежки платилъ... Какъ же такъ?.. По совѣсти, по совѣсти, а сами, выходитъ, не по совѣсти живете... Нешто такъ можно?

Забродчики упорно стояли на своемъ.

— Тому не бывать, Фундуклей Митричъ, чтобы мѣсто мѣняли...

— Не будетъ энтаго, все одно!

— Хитрый тоже, чего выдумалъ!

— Идемъ, ребята! Нечего здря разговаривать...

— Давай посуду, Демка!

— Которую своровалъ посуду...

— Азіятъ, чтобъ ты лопнулъ!

— Приходи въ гости до насъ, Демка. Гостинца получишь!.. Ха, ха, ха!

Они собрали посуду, которую Шендерюкъ нехотя указалъ имъ въ амбарѣ, и шумной гурьбой, не прощаясь, пошли черезъ просторный, чисто подметенный дворъ, къ воротамъ. Только одинъ Фролъ Степанычъ замѣшкался, снялъ картузъ и тихо сказалъ:

— Прощай, Фундуклей Митричъ. Надумай дѣло... это что же такъ спориться?.. надо по совѣсти...

Шестериковъ, взволнованный, нахохлившись сидѣлъ на табуретѣ, отдувался и барабанилъ по столу толстыми, короткими пальцами. Демка стоялъ, заложивъ назадъ руки, и пренебрежительно усмѣхался.

XIV.

Вечеромъ забродчики снова собрались у Грузнова.

— Сказывалъ, нибезпримѣнно чтобы другого хода искать...

— Иди поищи!..

— Пущай самъ хода поищетъ!

— Ежели посуду поставимъ, чего енъ сдѣлаетъ? Ничего не сдѣлаетъ!

— Нешто онъ можетъ подъ арештъ взять, что-ли?

— Въ судъ подастъ, до окружного жалобу напишетъ...

— Пущай подаетъ,—говорилъ Фролъ Степанычъ:— суда, ребята, бояться нечего. Въ книжкахъ такъ пишется, что теперича судъ скорый и милостивый...

— Жалко, что скорый!— неожиданно заявилъ Егорка.

— Чего жалко? вотъ разъ!..

— Ай да Егорка!

— Черезъ то жалко, что середь охоты придется. Кабы судъ зимою, мы бы покудова безъ помѣхи охоту справили...

— Вѣрно!

— Правильно!.. Откедова у тебя, Егорка, умъ взялся?..

— Все одно до суда далеко,—продолжалъ Грузновъ:—оно только законъ такъ пишется, что скорый судъ, а дѣловъ и безъ насъ много, развѣ поспѣютъ...

— Опять же и то, ребята, ежели по старому посуду ставить, ды-къ про заводской товаръ шабашъ—говорить нечего... Шестериковъ ничего не дастъ.

— Это вѣрно!

— Не дастъ,—не надо!

— Все одно у его одно мошенство.

— Давеча я у его бичеву бралъ... Какъ есть гнилая...

— За энтую цѣну вездѣ достанемъ, еще даже лучше...

— Стой, ребята, дай слово сказать... впередъ которые забирали, на вѣру, съ того требовать будетъ...

— Пущай требуетъ, отдадимъ посля охоты.

— Нешто мы отказуемся. Посля охоты, тогды посмотримъ...

— Чего посмотримъ?—грубо вмѣшался Лобовъ, и въ голосѣ его слышалась злобная досада:—чего смотрѣть-то? Дюже енъ задаваться сталъ. Поучить его надо... Ежели погода будетъ, пойтить до его—заводскую добычу щупать.

Это предложеніе сразу развеселило забродчиковъ.

— Хха, ха, ха! какая то есть дура—на Шестериковскіе крючья пошла!

— Сказываютъ, заводская рыба скуснѣй...

— Севрюга замѣсто осетра показуется!

— Господское купанье! Ха, ха, ха!

— Катай, Гришка, не бойсь!

— Пущай до насъ не касается...

Безпечные и оживленные, со сверкающими зубами на загорѣлыхъ лицахъ, забродчики заливались громкимъ, раскатистымъ хохотомъ. Здоровымъ весельемъ и силой дышали теперь ихъ широкія груди, и необузданная удаль сквозила въ ихъ смѣлыхъ, свободныхъ движеніяхъ и въ каждомъ поворотѣ крѣпкихъ мускулистыхъ тѣлъ. Они долго еще сидѣли у Грузнова, шумѣли и хохотали, пили водку, разсказывали много забавныхъ исторій о Шестериковѣ и вспоминали, какъ онъ въ первый разъ на косу „безъ портовъ пришелъ“. Потомъ ругали Демку, и каждое мѣткое слово сопровождалось раскатами буйнаго, неудержимаго смѣха.

— Теперича ему—шабашъ по косѣ гулять!

— Не-е... пущай приходитъ! Мы съ имъ въ проходку пройдемся... ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха!... Не прійдетъ, побоится!

— Не придетъ,—задумчиво произнесъ Фролъ Степанычъ и украдкой взглянулъ на Варьку.—А можетъ, придетъ, кто его знаетъ?.. Ежели будетъ совѣсть мучить, тогда придетъ... нибезпримѣнно.

XV.

Лобовъ, немного охмѣлѣвшій, нѣсколько разъ уже проходилъ мимо Варьки и задѣвалъ ее локтемъ, напрасно пытаясь обратить на себя ея вниманіе. Она стояла, по обыкновенію, у дверей, прислонясь къ косяку, стараясь не глядѣть на Гришку. Въ лицѣ ея было что-то упорное и своенравное; она вызывающе смотрѣла на отца и усмѣхалась сжатымъ, презрительнымъ смѣшкомъ, отъ котораго Фролъ Степанычъ въ смущеніи опускалъ глаза и хмурился.

Когда Шендерюкъ обидѣлъ Гришку и захватилъ его посуду, она проклинала прикащика и называла его

безстыднымъ грабителемъ. Тогда ей было жалко Лобова, хотѣлось утѣшить его ласковымъ словомъ и нѣжностью, и казалось, что нѣтъ для нея никого милѣе и краше Гришки. Теперь все это прошло сразу. Посуда была возвращена, и все, повидимому, оказалось шуткой. Молодецкій, торжествующій видъ Лобова вызывалъ въ ней почти ненависть. Она думала о томъ, какъ Гришка пойдетъ въ море грабить заводскую добычу и какъ онъ одурачитъ прикащика, а на другой день всѣ будутъ издѣваться надъ Демкой... Варька живо представляла себѣ его печальное, озадаченное лицо, и горькая, обидная досада прикащика уже заранѣе находила въ ея душѣ горячее, дружеское сочувствіе. Ей было тяжело и совѣстно вспоминать о своихъ встрѣчахъ съ Гришкой, о безудержныхъ ласкахъ, сопровождавшихъ эти встрѣчи и казавшихся ей теперь потухшими и монотонными, какъ непріютный, пасмурный день...

Теперь для Варьки безразлично было запрещеніе Шестерикова. Ей только хотѣлось во что бы то ни стало избавить Демку отъ униженія и насмѣшекъ. Мысли ея дробились и расплывались, смѣшиваясь съ неожиданными воспоминаніями, спутанными и болѣзненными. Лобовъ и Демка какъ будто любили ее, но оба они не знали жалости... Иногда казалось, что Гришка добрѣе и лучше прикащика и что онъ очень несчастливъ; тогда ей становилось больно и грустно, и что-то влекло къ нему властно, неудержимо... Она подчинялась этому влеченію съ какой-то мученической покорностью и отвѣчала на любовь Гришки страстной, сочувственной нѣжностью... Потомъ приходилъ прикащикъ и весь вечеръ сидѣлъ молча, не переставая косилъ глаза въ ея сторону, а уходя говорилъ тихо и вкрадчиво: „прощай, Варя“... Отъ этихъ сдержанныхъ, простыхъ словъ она всегда становилась безпокойной, и еще долго потомъ точно звенѣло въ ней: „прощай, Варя“... Такъ хотѣлось знать, о чемъ думаетъ Демка и почему онъ молчитъ, не гово-

ритъ съ ней о своей заботѣ... А потомъ онъ приходилъ снова и заставалъ ее одну. Говорилъ нѣжныя, благородныя слова и жаловался на свою муку... Ее грызло раскаянье и волновали сомнѣнья... Счастливое лицо Лобова уже раздражало ее, казалось глупымъ и непріятнымъ... она уходила въ поле съ Демкой и возвращалась одна, истомленная и разбитая, съ измученной совѣстью...

Задумавшись, Варька не замѣчала ничего вокругъ себя и не видѣла, какъ нетерпѣливо взглядывалъ на нее Лобовъ и дѣлалъ ей какіе-то знаки.

Улучивъ удобную минуту, когда она вышла въ сѣнцы, Гришка поспѣшилъ за ней.

Тамъ было темно и жарко. Отъ большой кадки съ водой пахло тухлымъ запахомъ вымокшаго дерева. Лобовъ быстро обнялъ Варьку, горячо поцѣловалъ ее, не давая опомниться, и, уходя, громкимъ шопотомъ сказалъ ей съ порога:

— Приходи, Варя, на старое мѣсто.

XVI.

Позабывъ о Демкѣ и о будущемъ грабежѣ заводской добычи, Лобовъ медленно шелъ по дорогѣ, весь охваченный вдругъ наступившимъ успокоеніемъ. Оно отдѣляло его теперь отъ всѣхъ печалей и горестей, съ которыми была связана его трудная, несчастливая жизнь. И все свѣтлѣй и чище становилось въ душѣ его, полной кроткаго, молитвеннаго настроенія...

Вольная степь разступалась передъ нимъ безшумно и осторожно и обнимала его широкимъ, дружнымъ просторомъ. Странныя, сгущенныя тѣни неясныхъ очертаній мерещились въ темнотѣ степной ночи, а въ высокомъ небѣ блѣдной, прозрачной полосой свѣтлѣлъ млечный путь и разсыпались лучистыя звѣзды...

Лобовъ долго ждалъ Варьку, но она не пришла.

XVII.

Уже чуялась близость осени, и въ поблекшихъ степяхъ вѣяло смутной, протяжной печалью. Среди дня еще струился зной надъ жнивами и пашнями, и широкимъ кругомъ сливались поля съ бѣлесоватыми краями неба. По утрамъ кричали орлы, дымились надъ степью косматые туманы и дальній курганъ чуткимъ дозоромъ стоялъ среди степного раздолья.

Грузновъ возвращался одинъ на косу изъ деревни. Уже вечерѣло и за нимъ медленно погасала степь, тихая и задумчивая, какъ удаляющійся напѣвъ одинокой пѣсни. Темные крылатые вѣтряки, неподвижно стоявшіе впереди на распутьѣ, провожали его важной, глубокою думой... И въ душѣ Фрола Степаныча было такъ ясно и тихо, какъ это бываетъ только въ степныхъ мѣстахъ и у степныхъ людей.

Оцѣпенѣлая тишина вечерняго воздуха навѣвала медлительныя, фантастическія думы. Ему чудились древніе витязи, искавшіе въ этихъ мѣстахъ ратной славы; пѣвцы-гусляры въ страннической одеждѣ; мудрые и праведные старцы, владѣвшіе тайной будущаго и святымъ даромъ прорицаній... Бѣлые лебеди бились грудью о земь, обращались въ прекрасныхъ дѣвушекъ, и встрѣчался имъ знатный женихъ, храбрый молодой королевичъ...

Затихшая безпредѣльная степь точно оживала передъ Фроломъ Степанычемъ и открывала ему тайны далекаго прошлаго. Онъ видѣлъ, какъ дальнимъ забытымъ шляхомъ проходили на Таганашъ хохлацкіе обозы за солью и ночевали въ полѣ, и пѣли старыя чумацкія пѣсни... И еще видѣлъ Фролъ Степанычъ дикіе табуны запорожскихъ коней, среди высокихъ степныхъ травъ, и бѣглыхъ, запуганныхъ людей, скрывавшихся въ этихъ мѣстахъ отъ господской неволи...

— Все это, — думалъ Фролъ Степанычъ: — видѣли когда-то степь и небо, и звѣзды и сохранили отъ людей въ глубокой тайнѣ...

Онъ медленно шелъ къ Ѳедотовой косѣ, а за нимъ по всей степи набѣгали и смыкались широкія ночныя тѣни...

XVIII.

Когда Грузновъ миновалъ большіе, черные вѣтряки, отъ нихъ отдѣлилась темная фигура Варьки. Держась одной рукой за лѣсенку, она осторожно подалась впередъ и посмотрѣла ему вслѣдъ; потомъ вышла на дорогу и, напряженно всматриваясь въ ночной мракъ, стала поджидать Демку.

Было жутко отъ степной насторожившейся тишины и отъ быстрыхъ, лихорадочныхъ думъ. Нужно было во что бы то ни стало предупредить Демку обо всемъ, что затѣвали забродчики. И въ этомъ рѣшеніи было для нея что-то безжалостное и неизбѣжное... Она долго металась по дорогѣ, садилась на сухую траву, вставала и подозрительно оглядывалась по сторонамъ, пугаясь всякаго шороха и скрипа въ крылатыхъ снастяхъ мельницъ. Тяжко было такъ долго ждать Демку и хотѣлось скорѣе разсказать обо всемъ, точно послѣ этого должно было наступить успокоеніе... Наконецъ, по дорогѣ послышались короткіе, крѣпкіе шаги прикащика. Варька сразу узнала его и растерялась... Безмолвная степь вдругъ почернѣла передъ ней, и страшныя, испуганныя мысли быстро, быстро закружились въ ея сознаніи... Она побѣжала навстрѣчу Демкѣ, задыхаясь, размахивая на бѣгу локтями, съ ужасомъ чувствуя, какъ у нея подкашиваются и холодѣютъ ноги.

Демка былъ мраченъ и недоволенъ. Онъ жестко и холодно отстранилъ ее отъ себя.

— Другого мѣста не нашла! Не иначе какъ середь дороги... Небось, тятька видалъ...

— Не видалъ тятька... дай слово сказать... дѣло есть, Дема...

Торопясь и не договаривая словъ, Варька разсказала ему обо всемъ, что говорили забродчики. Шендерюкъ, насторожившись, слушалъ ее съ какой-то ненасытной жадностью. Удушливая, мстительная радость охватила его бѣшенымъ, злобнымъ порывомъ. Онъ уже не могъ молчать и, обнимая Варьку, прерывалъ ее непріятнымъ, визгливымъ смѣхомъ, отъ котораго она невольно ежилась и вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

— Молодецъ, Варя! Ну и славная же ты дѣвка, ей Богу!—вырвалось у Демки, когда она замолчала.

Онъ долго, захлебываясь, объяснялъ что-то Варькѣ, угрожалъ кому-то и хвасталъ, сильно размахивая руками. А она отстранялась отъ него и тяжело дышала, и ни одно слово не сорвалось больше съ ея запекшихся отъ волненія губъ.

Потомъ онъ повелъ ее съ дороги въ сторону, по межѣ широкаго жнива... И снова кругомъ стало тихо, тихо... Вѣтряки стояли по-прежнему оцѣпенѣлые и важные.

XIX.

Все чаще и чаще бушевало море и холодалъ вѣтеръ. По утрамъ носились надъ водой бѣлыя, косматыя испаренія, точно большіе, бѣлокаменные города поднимались со дна моря и распадались въ прозрачно-блѣдные хороводы, кружились и исчезали, и вновь возникали густыми, плотными толпами.

— Теплоту отдаетъ моря, — говорили забродчики, уже закончившіе всѣ приготовленія и ожидавшіе полнаго хода.

На косу уже стали наѣзжать мелкіе скупщики и фактора, по цѣлымъ днямъ торчали на берегу, вели торгъ съ Фроломъ Степанычемъ, кричали, смѣялись и спорили.

Забродчики каждый день „повѣряли“ добычу и возвращались съ небольшимъ уловомъ, который тутъ же цѣликомъ сбывался скупщикамъ. Посуда по-прежнему стояла у Бирючаго острова, но Шестериковъ молчалъ, какъ будто не примѣчалъ этого. Онъ уже почти не показывался на косѣ и, видимо, избѣгалъ встрѣчъ съ забродчиками. Одинъ только разъ, проѣзжая въ деревню, онъ остановился у избы Грузнова, зная, что Фрола Степаныча нѣтъ дома, и позвалъ Варьку.

— Здравствуй, дѣвка!—сказалъ онъ, сдерживая гнѣдую нетерпѣливую кобылку:—на косѣ, што-ль, тятя?

— На косѣ, съ купцами,—торопливо отвѣтила Варька, не сходя съ завалинки и тревожно озираясь кругомъ.

— Та...э...къ!.. А ты, значитъ, дома, замѣсто хозяйки, выходитъ...

Варька промолчала.

— Правду, што-ль, Варя, про ребятъ сказывала?.. насчетъ разбойства?.. Давеча мнѣ Демка все чисто сказалъ...

— Ну?

— Правда? Ишь ты, чего надумали... Господи, Боже мой! Нешто это по совѣсти такъ-то? А?.. Нешто по совѣсти это, до чужого добра добираться?.. Другой, можетъ, сколько горя набрался, пока ему Богъ помогъ, за труды его, а тутъ приходитъ какой то есть грабитель и такъ норовитъ, чтобы чисто все дѣло спортить... Выходитъ, я не на себя, на его работалъ... на лодыря!.. Здорово это... хитро, ей-Богу!.. Хха, ха, ха! Ахъ ты, чортова штука! Очень даже это выходитъ правильно!..

Шестериковъ залился ѣдкимъ, горестнымъ смѣхомъ, потомъ вдругъ умолкъ, покачалъ головой и съ застывшей усмѣшкой на губахъ, приподнявъ брови, словно соображая что-то, хлестнулъ лошадь вожжою.

XX.

Послѣ того, какъ Варька разсталась съ прикащикомъ, ею овладѣлъ жгучій, нестерпимый стыдъ. Еще никогда раскаяніе не томило ее такъ тяжко и безысходно. Она проводила безъ сна долгія, тягучія ночи, лежа на земляномъ полу въ сѣнцахъ, и съ непонятнымъ злорадствомъ настойчиво бередила свою измученную совѣсть. Такъ хотѣлось неукротимой мукой искупить грѣхъ и казалось, что уже нѣтъ спасенья. Ей представлялся страшный судъ, точь въ точь такой, какъ на картинѣ, купленной тятькой на ярмаркѣ. Лжецы, предатели, распутники и прелюбодѣи висѣли на раскаленныхъ крючьяхъ, горѣли въ кипящей смолѣ, пожирались зелеными гадами съ острыми, окровавленными зубами. Отъ этого мутилось сознаніе, и судорожный страхъ сводилъ шею и ноги. Она лежала неподвижно, съ раскрытыми обезумѣвшими глазами, въ отчаяніи, жадно ожидая разсвѣта... Днемъ все же ей было легче. Надо было готовить снѣдать, стряпать обѣдъ, шить тятькѣ рубаху... Это хоть немного разсѣивало ползучія, неотвязныя думы...

Слова Шестерикова очень взволновали Варьку. Шендерюкъ все разболталъ хозяину... теперь ихъ уже было трое: она, Шестериковъ и Демка... И въ томъ, что они знали это, было для нея что-то преступное и страшное, отъ чего уже нельзя было уйти и что связывало ихъ навсегда съ безжалостной жестокостью... И отъ этого сознанія застывало сердце, и безмолвный, леденящій ужасъ пронизывалъ Варьку.

Когда Грузновъ возвратился домой, послѣ разсчета съ купцами, Варька встрѣтила его сурово и холодно.

— Время снѣдать... Цѣльный день дожидайся!..

Фролъ Степанычъ участливо и безпокойно взглянулъ

на измученное, осунувшееся лицо дочки и неловко заторопился:

— Ну, давай снѣдать, Варя... чего серчаешь?..

Онъ разулся въ сѣнцахъ и, оставивъ тамъ сапоги и онучи, присѣлъ на завалинкѣ.

— Купецъ нонче сказывалъ: осетеръ мелкій... А гдѣ ему крупнаго взять? Я говорю: погоди, господинъ, еще, говорю, нѣту ему сроку...

Голосъ Фрола Степаныча неожиданно задрожалъ, и онъ замялся.

— Давеча иду это и думаю, — снова началъ онъ осторожно и нерѣшительно:—вотъ бы, думаю, въ городъ съ Варей пойтить на ярмонку... Большая на Покровъ ярмонка въ Мелитополѣ...

Варька подозрительно взглянула на отца и вдругъ вспыхнула.

— Нечего, тятя, про ярмонку!.. Все одно не пойду!..

— Ну, не пойдешь, не надо... Нешто я тебя силую, Варя?..

Онъ вздохнулъ и опустилъ голову. Болѣзненное, жалостливое выраженіе застыло на его хмуромъ, загорѣломъ лицѣ, и еще рѣзче запали на щекахъ морщины.

— Варя...—сказалъ онъ вдругъ тихимъ, ласковымъ шопотомъ:- тяжко тебѣ, Варя?.. Вотъ ты какая, Варя... слабодушная. А?.. Глупая ты дѣвка, Варя... дочка моя милая... Ты, Варя, тятѣ скажи... все чисто скажи, Варя: легче тебѣ будетъ...

Варька вздрогнула и отвернулась.

— Варя, ты... Я тебѣ за отца, за мать... кругомъ... Съ чего это, Варя?..

— Ни съ чего!.. Снѣдай вотъ...

— Ну, ну... ну, не надо... Нешто я какъ?.. родной я тебѣ, Варя... чего тебѣ надо?.. ты скажи, Варя...

— Молчи, тятька!.. Отстань!..

Фролъ Степанычъ сразу умолкъ и растерянно взгля-

нулъ на Варьку. Она стояла у крыльца, упрямо глядя въ землю, и лицо ея какъ будто поблѣднѣло отъ какой-то вдругъ вспыхнувшей рѣшимости.

— Ахъ ты дѣло какое!.. — горестно прошепталъ Фролъ Степанычъ, отодвигая отъ себя большую глиняную миску со щами, приправленными темно-зеленымъ конопляннымъ масломъ.

XXI.

Вскорѣ началась настоящая охота. Ходъ былъ обильный, рыба шла крупная, икряная. Каждый день къ вечеру забродчики привозили много добычи и тутъ же на берегу потрошили рыбу. Море играло почти цѣлую недѣлю кряду.

— Раскачалось! Не скоро станетъ,—говорили забродчики, радуясь свѣжей погодѣ и хорошему лову.

Однако, къ ночи повернулъ вѣтеръ, далеко обнажился берегъ, ниже и шире стали желто-сѣрыя взбаламученныя волны; потомъ небо заволокло тучами, сразу засвѣжѣло, и рѣдкій холодный дождь длинными мутными спицами затанцовалъ надъ потемнѣвшей водою.

Къ утру море стояло совершенно спокойное, затушеванное мелкой темно-сѣрою рябью. День былъ совсѣмъ тихій, теплый и облачный.

Егорка съ утра уже суетился у большого баркаса, оттачивалъ напилкомъ длинные крючья багровъ; потомъ долго прилаживалъ къ одному борту новыя шкармы. На его маленькомъ, остромъ лицѣ, съ обгорѣлымъ, шелушившимся носомъ, было серьезное, озабоченное выраженіе. Время отъ времени онъ громко свисталъ пѣсню и съ напускнымъ пренебреженіемъ оглядывалъ проходившихъ мимо забродчиковъ.

— Ай да Егорка! Какъ есть настоящій забродчикъ!

— Капитанъ, одно слово!

— Ты чего надулся, Егорка?

— Гляди, Егорка, камсу напужаешь

Егорка презрительно пожималъ плечами и отворачивался, ни слова не отвѣчая на эти насмѣшки. Къ полудню онъ кончилъ работу, спряталъ подъ банкой большой топоръ, принесъ весла и, захвативъ съ собой инструментъ, пошелъ къ лобовскому куреню.

XXII.

Къ вечеру разошлись облака, а ночью вызвѣздило совсѣмъ по осеннему. Надъ моремъ стоялъ прозрачный полумракъ, тихій и насторожившійся, полный неясныхъ, тупыхъ звуковъ и шороха. Гдѣ-то очень далеко передвигались надъ водой низкіе огни проходившаго мимо большого судна. На пологомъ берегу, словно вышедшія изъ воды черныя морскія чудовища, отдыхали неподвижные баркасы, длинные досчанники и шаланды, а за ними частыми темными буграми мерещились забродческіе курени.

Лобовъ и Егорка, безшумно ступая босикомъ, прошли къ баркасу. Слышно было, какъ онъ зашуршалъ по песку килемъ и грузно, съ тихимъ плескомъ осѣлъ въ воду. Лобовъ взялся за весла.

— Не копайся!—строго приказалъ онъ хриплымъ, прерывистымъ шопотомъ.

Егорка оттолкнулся и поспѣшно взлѣзъ животомъ на корму, болтая въ воздухѣ босыми, раскоряченными ногами.

Баркасъ взмыло; на одно мгновеніе онъ безпомощно закачался на мѣстѣ; потомъ, вдругъ выпрямившись, пошелъ на четырехъ веслахъ и скоро уже былъ далеко отъ берега. Вокругъ стояла та же жуткая, осторожная тишина. Только подъ килемъ слышалось непрерывное

однотонное журчанье, да звонко падали съ веселъ водяныя капли. За кормой и подъ веслами клубилась вода мутнымъ, фосфорическимъ свѣтомъ.

„Сонька“ шла безшумно и медленно. Лобовъ, повернувъ голову, глядѣлъ черезъ плечо въ воду и видѣлъ въ ней колеблющіяся, разсыпанныя звѣзды. Ему казалось, что изъ воды глядятъ на него мутные подслѣповатые глаза какого-то черно-зеленаго чудовища... Задорное, немного жуткое веселье наполняло его напряженной бодростью, отъ которой по спинѣ и межъ плечъ холодной, щекочущей дрожью пробѣгали свѣжія струйки. Онъ живо представлялъ себѣ мѣсто заброда, темныя очертанія берега у Бирючаго острова, а влѣво отъ него черныя вѣхи и длинные ряды посуды. Съ маяка срывается яркій снопъ бѣлаго свѣта, потомъ краснаго... бѣлаго, краснаго, бѣлаго... быстро мѣняются цвѣта, точно красный снопъ нагоняетъ бѣлый... вотъ еще быстрѣе замелькали цвѣтныя полосы... Красная, бѣлая, красная... Съ непостижимой быстротой машетъ маякъ длинными руками и одна рука у него чистая, свѣтлая, а на другой кровь...

Лобовъ громко передохнулъ и оглянулся. Къ заводскому забродy было уже недалеко. Море стояло совсѣмъ черное. Казалось, что баркасъ плылъ въ густой смолѣ, а она загоралась подъ веслами дымнымъ синеватымъ пламенемъ и скоро гасла, загоралась и гасла... Егорка сидѣлъ на веслахъ, спиной къ Лобову, ежился и громко тянулъ носомъ. При этомъ онъ странно вытягивалъ впередъ руки, потомъ разводилъ назадъ локти и судорожно сокращалъ затылокъ и шею.

— Какъ басурманъ на молитвѣ!—подумалъ Лобовъ и эта мысль почему-то очень насмѣшила его. Онъ сталъ дразнить Егорку:

— Чего, братъ, засопился? а? Ну и лодырь ты, какъ я погляжу... накажи меня Богъ! Тебѣ развѣ добычу красть? Тебѣ до мамки спать пора...

— Чего до мамки?.. до мамки...—недовольно проворчалъ Егорка.

— Извѣстно, до мамки—молоко сосать... Тоже вызвался въ море иттить... Спервоначала ты-бъ себѣ храпъ заткнулъ... Нешто можно середь моря рыбу пужать? Ха, ха, ха!.. Съ твоего храпу на острову ребятамъ заснуть нельзя, накажи меня Богъ!

Егорка пересталъ сопѣть и озадаченный обернулся къ Лобову. Не находя возраженій на замѣчаніе Гришки, онъ послѣ небольшого раздумья вдругъ засмѣялся искреннимъ, совсѣмъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Цссъ!.. суши весла!—добродушно смѣясь, шопотомъ скомандовалъ Лобовъ.

Они подняли весла, на которыхъ медленно потухъ дымный синеватый отблескъ; потомъ плавно опустили ихъ въ воду вдоль бортовъ и оставили на шкармахъ. Тотчасъ же съ обѣихъ сторонъ показались дымящіяся змѣйки, бѣжавшія за баркасомъ съ тихимъ, звенящимъ рокотомъ.

Разогнавшійся баркасъ уже сталъ замедлять ходъ, когда совсѣмъ близко отъ него, за правымъ бортомъ цѣлый фейерверкъ сверкающихъ синеватыхъ струекъ точно взорвался подъ водою и заискрился по всѣмъ направленіямъ.

— Говорилъ я тебѣ, рыба пужается отъ твоего храпу!.. Гляди, какъ разбѣжалась...

Егорка визгливо хихикнулъ, быстро наклонился и поднялъ обѣими руками стоявшій подъ банкой небольшой черный боченокъ. Прильнувъ губами къ воронкѣ, онъ сталъ громко глотать воду, обливаясь, фыркая и неестественно изгибаясь всѣмъ тѣломъ.

Баркасъ, наконецъ, остановился и, сносимый теченіемъ, медленно сталъ заворачивать вправо.

Лобовъ, дружески улыбаясь, поглядѣлъ на Егорку и взялся за весла.

— Сиди, отдыхай... сказалъ онъ ласковымъ, мяг-

кимъ шопотомъ: — тутъ уже недалече, одинъ до гребу...

Шкармы жалобно заскрипѣли подъ веслами, и баркасъ медленно сталъ приближаться къ забродамъ. Такъ прошло около получаса. Снова напряженная тишина сковала море и воздухъ, и все наростала, наполняясь тревогой и густымъ, непроницаемымъ мракомъ.

— Наши вѣхи прошли!—тихо произнесъ Егорка, и что-то пугливое и жалобное послышалось въ его голосѣ.

Лобовъ посмотрѣлъ на него и нахмурился.

— Можетъ, лучше назадъ пойдемъ?—спросилъ онъ жестко и холодно.

— Пойде-е-емъ...—недовѣрчиво протянулъ Егорка и ему вдругъ захотѣлось быть далеко отъ этого мѣста, на берегу, въ куренѣ, гдѣ такъ хорошо и пряно пахнетъ соломой. Ему сдѣлалось холодно и стало клонить ко сну.

— Пойде-е-емъ!—передразнилъ его Лобовъ:—тутъ, братъ, некуда домой иттить... вотъ онъ забродъ-то ихній... Спущай багоръ!.. Гляди, не зѣвай..? Домой захотѣлъ!.. Испужался!

Егорка молча повиновался. Скоро баркасъ что-то дернуло, и багоръ зацѣпилъ за вѣху. Лобовъ бросилъ весла и вторымъ багромъ подтянулся кормой къ бичевѣ.

— Сымай флакъ!.. Подтягивайся! Подтягивайся, Егорка!...

Теперь уже баркасъ шелъ вдоль бичевы, кормой впередъ, подвигаясь медленными, неровными толчками и оставляя за собой на густой черной водѣ загоравшуюся въ ней фантастическую витую вязь. Лобовъ напряженно глядѣлъ впередъ. Ему казалось, что ихъ превосходно видно съ маяка и что нужно скорѣе кончать дѣло. Онъ торопился, нѣсколько разъ терялъ бичеву и ругался скверными, матерными словами. Егорка тоже

испуганно метался по баркасу, безъ толку моталъ багромъ и снова тяжело сопѣлъ... Вдругъ что-то сильно задергало бичеву. Баркасъ съ плескомъ закачался на мѣстѣ.

— Есть!—взволнованнымъ, плачущимъ шопотомъ произнесъ Лобовъ и схватился за голову. Онъ радостно крякнулъ и шлепнулъ свой картузъ на дно баркаса.

— Пудовъ двадцать бѣлужина!.. Бросай багоръ, Егорка, становись на весла... кормой подходи, кормой!..

Баркасъ обернулся на мѣстѣ. Шагахъ въ пятидесяти отъ кормы что-то тяжелое ворочалось въ водѣ, и сквозь нее видно было большое кипящее пятно дымнаго, изсине-фіолетоваго пламени, словно подъ водой бушевалъ костеръ, разбрасывая отъ себя во всѣ стороны голубоватыя, быстро потухающія брызги. Егорка на веслахъ медленно началъ подводить баркасъ къ этому мѣсту. Лобовъ стоялъ на кормѣ, крѣпко сжимая поднятый въ правой рукѣ багоръ, съ привязанной къ нему длинной веревкой.

Шагахъ въ десяти отъ добычи баркасъ вдругъ задержался на веслахъ, и въ воздухѣ съ рѣзкимъ, свистящимъ шумомъ пролетѣлъ багоръ. Видно было, какъ онъ царапнулъ воду и ударился во что-то живое. Оно бѣшено завозилось подъ водой, зажигая въ ней большое мутное пламя. Раздался частый яростный плескъ, и во всѣ стороны полетѣли дымящіяся брызги. Егорка опустилъ весла и, поспѣшно, шлепая босыми ногами, перепрыгнулъ на корму. Схвативъ веревку, онъ началъ медленно подтягивать баркасъ. Въ это время Лобовъ ударилъ вторымъ багромъ. Снова на одно мгновенье забурлила вода, потомъ вдругъ погасла и стало совсѣмъ тихо. Съ топоромъ на-готовѣ, Егорка стоялъ на кормѣ на колѣняхъ, держась одной рукой за банку, и ждалъ команды. Лобовъ собралъ веревку и схватилъ багоръ. Осторожно и тяжело ворочая имъ, онъ ждалъ удобнаго момента, чтобы снять рыбу.

— Готовь топоръ, Егорка! Бей по головѣ сразу... гляди, не копайся...

Сильный ударъ въ корму прервалъ Лобова и сбилъ его съ ногъ. Баркасъ безпомощно повернулся и ткнулся бортомъ во что-то живое, судорожно вздрагивавшее подъ водою. Егорка не удержался на кормѣ и, уронивъ топоръ, полетѣлъ въ воду.

Вынырнувъ, онъ схватился за бортъ, но съ противоположной стороны рыба снова ударила со страшной силой, и Егорку такъ больно толкнуло въ грудь, что у него захватило дыханье.

— О-го-го-го-о-о!..—прокатилось вдругъ надъ водою, и гдѣ-то недалеко раздался протяжный, призывный свистъ.

Егорка испуганно уцѣпился за бортъ и уже взлѣзъ на него животомъ, сильно накреняя баркасъ, когда опять надъ моремъ пронесся долгій зловѣщій свистъ. Лобовъ на одно мгновенье увидѣлъ передъ собою обезумѣвшее отъ страха, съежившееся лицо Егорки. Потомъ послышался мелкій, торопливый плескъ и громкое, тяжелое фырканье. Оставляя въ водѣ большія разорванныя облака дымящагося свѣта, Егорка поспѣшно отплывалъ къ берегу.

Лобовъ растерялся. Мгновенно пронеслись въ его сознаніи обрывки какихъ-то неясныхъ мыслей, и снова съ невѣроятной быстротой началъ махать маякъ зловѣще протянутыми руками, бѣлой, красной, бѣлой...

— Егорка, сукинъ сынъ! Ворочайся назадъ, анаѳема!—закричалъ онъ испуганнымъ, надтреснутымъ голосомъ.

Потомъ онъ схватилъ багоръ и, не соблюдая больше никакой осторожности, снова подтянулся къ добычѣ. Тогда началась страшная возня, точно два разъяренныхъ звѣря вступили въ бой. Бѣлуга судорожно сокращала свое громадное тѣло, била хвостомъ по водѣ и баркасу, который скрипѣлъ отъ сильныхъ ударовъ и

раскачавшись прыгалъ въ водѣ, какъ раненый звѣрь, большой и неуклюжій. Лобовъ, приросшій ко дну баркаса широко разставленными ногами, напрягалъ всѣ силы, чтобы не выпустить изъ рукъ багра. Вокругъ него кипѣло море и, какъ зажженная сѣра, синеватымъ свѣтомъ дымилась водяная пѣна. Вдругъ что-то пронеслось надъ моремъ далекимъ, жалобнымъ стономъ, и жуткая, холодная дрожь змѣей проползла по тѣлу Лобова.

— О-ой... то-о-ну-у!—донесся издалека странно одинокій и слабый, надрывающійся голосъ Егорки.

Мысли Лобова завертѣлись въ безумномъ, слѣпомъ ужасѣ. Онъ выпустилъ багоръ и, прыгая черезъ банки, бросился на носъ баркаса, безсвязно бормоча что-то и нелѣпо размахивая руками.

Маякъ вращался на мѣстѣ, объятый огромнымъ краснымъ заревомъ, и его длинныя руки уже не были видны... Снова острый, оглушительный свистъ просверлилъ воздухъ, и вслѣдъ за нимъ грянулъ выстрѣлъ. Что-то ахнуло, гулко отдалось въ морѣ и разсыпалось далеко по водѣ мелкой, хохочущей дробью. И стало тихо, тихо... Только въ воздухѣ гудѣло что-то протяжно и непрерывно... Потомъ послышался быстрый свистящій шелестъ. Казалось, огромная птица, странно шумя крыльями, неслась надъ водой низко, низко и приближалась съ глухимъ, угрожающимъ шипѣніемъ... Недалеко мелькнула громадная черная тѣнь, потомъ вынырнулъ желтый свѣтъ фонаря и сразу погасъ, какъ будто упалъ въ бездну.

— О-ой... О-о-ой!.. — снова донеслось издалека и стихло.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, Лобовъ поспѣшно сбросилъ съ себя порты и рубаху и кинулся въ воду. „Сонька“ сильно накренилась подъ его ногами и одиноко закачалась на мѣстѣ.

Сгорбившись и разводя въ водѣ руками, онъ без-

шумно проплылъ мимо вѣхъ, оставляя за собой мутно-бѣлый, скоро потухавшій слѣдъ. Въ густой черной тьмѣ, совсѣмъ близко впереди него, снова мелькнулъ фонарь, послышались голоса людей, плескъ веселъ и громкая брань Демки...

Лобовъ глубоко передохнулъ и съ головой погрузился въ воду... Когда онъ вынырнулъ, заводская шаланда была уже позади него и быстро неслась къ покинутому имъ баркасу.

XXIII.

Егорку долго и безуспѣшно искали баграми и неводомъ. Только на второй день тѣло его прибило къ берегу у Кирилловской слободы, и тамъ оно пролежало всю ночь.

На разсвѣтѣ туда пошли забродчики и застали на берегу множество босоногихъ дѣтей съ испуганными, серьезными лицами, сидѣвшихъ на пескѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Они изрѣдка переглядывались между собою и перешептывались о чемъ-то быстрымъ, тревожнымъ шопотомъ. Недалеко на пескѣ лежало что-то большое и неподвижное, покрытое изодранной мочальной рогожей. Изъ-подъ нея торчали окостенѣвшія ноги съ судорожно скрюченными пальцами, съ желтой шершавой кожей на подошвахъ и пяткахъ. Тутъ же, отойдя въ сторону, сельскій десятскій, сторожившій тѣло, съ равнодушнымъ видомъ курилъ цыгарку. Онъ молча поздоровался съ забродчиками, не поворачивая головы, какъ будто куда-то всматриваясь.

— Ночью прибило?—глухо спросилъ Фролъ Степанычъ.

— Вчерась съ вечера... Должно, слабосильный былъ?.. мальчонка-то?..

— Крѣпкій былъ... про это что говорить!.. Испужался дюже...

— На силу-то онъ на свою понадѣялся...

— Должно, такое ему положеніе, чтобы на водѣ помереть...

— Сичасъ приставъ съ дохтуромъ будутъ...

— Потрошить, что-ли?—жесткимъ, озлобленнымъ тономъ спросилъ кто-то изъ забродчиковъ, но не получивъ отвѣта, махнулъ рукой и отошелъ въ сторону.

— Тутъ ночью дѣвка прибѣгла... страсть за имъ убивалась... Должно, сестра али сроственница...

— Нѣту у его ни отца, ни матери... сирота онъ...

— Должно, Варя была...—грустно проговорилъ Грузновъ и, перекрестившись, подошелъ къ утопленнику.

Онъ низко наклонился надъ нимъ и осторожно отвернулъ рогожку. Забродчики сразу узнали востроносое лицо Егорки. Мокрыя космы волосъ спутались надъ его похолодѣвшимъ лбомъ, прозрачно-блѣднымъ, лоснившимся, какъ старый, отполированный мраморъ. На скулахъ синѣли небольшіе кровоподтеки, а изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ узкими черточками сверкали остеклянѣвшіе бѣлки глазъ. Раскрытый ротъ съ посинѣвшими губами и маленькій, заострившійся носъ придавали лицу утопленника странное, недоумѣвающее выраженіе. Точно онъ собирался и не успѣлъ сказать что-то очень важное и серьезное.

— Нибезпримѣнно заводъ ему подпалить надо!—неожиданно вспомнилось Фролу Степанычу и отдалось въ немъ глубокой, ѣдкой горестью. Онъ бережно завернулъ рогожку и отошелъ, стараясь скрыть слезы, вдругъ выступившія изъ его старческихъ глазъ.

— Боже мой, Господи!.. Ни за что пропалъ мальчикъ!..—безсвязно шепталъ онъ, отворачиваясь отъ побѣжавшихъ за нимъ гурьбою слободскихъ ребятишекъ, съ испугомъ и любопытствомъ глядѣвшихъ, какъ плакалъ старый, суровый забродчикъ.

XXIV.

Егорку похоронили поздно вечеромъ, на краю села, за церковной оградой. И въ гробу онъ былъ такой же недоумѣвающій, поглощенный невысказанной важной заботой. Лобовъ шелъ за гробомъ подавленный, полный суевѣрныхъ предчувствій и острой, безотчетной жалости. Что-то слѣпило глаза и давило грудь громадной непосильной тяжестью. Подвижныя черты Егоркина лица, успокоенныя смертью, отчетливо врѣзались въ его память и возникали передъ нимъ съ поразительной ясностью. Ему казалось, что покойникъ все слышитъ и только притворяется, и сейчасъ встанетъ изъ гроба съ жалобнымъ, дѣтскимъ плачемъ и причитаньемъ.

Въ застывшемъ воздухѣ сердито гудѣлъ густой басъ священника, и стройнымъ, старательнымъ хоромъ, полные кроткой сосредоточенной вѣры и примиренія, пѣли забродчики:

— Святый Боже, свя-тый крѣпкій, свя-тый безсмертный, поми-луй насъ!..

Когда отпѣваніе кончилось, Лобовъ подошелъ къ могилѣ и бросилъ на гробъ горсть глыбистой тяжелой земли. Потомъ сразу замелькали заступы, глухо застучала земля и удушливой, желто-сѣрой пылью поднялся оттуда сухой могильный прахъ. У Лобова сжалось въ груди, а потомъ вдругъ стало легко и пусто, словно отъ него оторвалось что-то. Онъ стоялъ неподвижно надъ могилой и мутными, безсмысленными глазами глядѣлъ, какъ ставили надъ Егоркой низкій сосновый крестъ.

— Не видалъ Варьку?—неожиданно услышалъ онъ позади себя и, обернувшись, увидѣлъ осунувшееся, разстроенное лицо Грузнова.

— Варьку?—переспросилъ онъ, точно разбуженный послѣ тяжелаго сна:—гдѣ-жъ она, Варька?..

Страшно торопясь и путаясь, какъ будто обрадовавшись внезапно нахлынувшимъ новымъ, постороннимъ мыслямъ, Гришка забормоталъ что-то безсвязное и сбивчивое.

— Вчерась приходила до меня Варя... принесла снѣдать... а у меня хворь... недужно мнѣ... Ласковая, ласковая... жалостливая... Гдѣ-жъ она? Ахъ ты, Боже мой!.. а? Гдѣ-жъ она, Варя-то?.. Ребята, гдѣ-жъ дѣвка?.. Варьку кто видалъ?..

Никто изъ забродчиковъ не видѣлъ Варьку съ самаго утра и не зналъ; куда она дѣлась.

XXV.

Съ кладбища забродчики повернули къ большому шляху и, мимо слободы, пошли на косу. Было уже очень поздно, надъ степью стояла громадная полупрозрачная темнота и она неслышно колыхалась въ застывшемъ, дремотномъ воздухѣ. Забродчики шли медленной, молчаливой толпой, поглощенные тихой, покорною думой.

— Гляди, ребята, никакъ, гроза собирается...—раздался чей-то странно одинокій голосъ. И вдругъ что-то дрогнуло въ задремавшей степи и пронеслось мимо. Тогда всѣ столпились среди дороги, словно обрадовавшись нарушенному тягостному молчанію. Съ оживившимися лицами, споря и размахивая руками, забродчики стали вглядываться туда, гдѣ вспыхивали въ темнотѣ частыя, широкія зарницы. Онѣ охватывали небо красивымъ розовымъ отблескомъ и медленно гасли, отгоняя отъ себя быстрыя, пугливыя тѣни. Зарницы вспыхивали все чаще и чаще, и скоро слились въ одно огромное зарево, клубившееся пухлымъ багрово-краснымъ облакомъ.

Оно разгоралось и потухало, и вновь загоралось еще

съ большей яростью, обдавая затихшую степь широкимъ, безпокойнымъ дыханьемъ.

— Горитъ гдѣ-то... кажись, за Ефремовкой...

— Не-е... куды хватилъ!.. Нешто Ефремовка тамъ?..

— Пастухи курай подпалили!.. Сразу видать, что курай горитъ...

Зарево разгоралось все ярче и ярче. Широкія, темныя полосы побѣжали по степи, догоняя другъ друга, и точно таяли, исчезая во мракѣ. Потомъ далеко, далеко послышался странный прерывистый шумъ. Онъ росъ и приближался, и, наконецъ, отчетливо затопоталъ совсѣмъ близко, звучнымъ содрогающимся эхомъ отдаваясь въ степномъ просторѣ. Неожиданно изъ темноты вынырнула высокая черная фигура верхового на короткой храпящей лошади и, разогнавъ стоявшихъ на дорогѣ забродчиковъ, проскакала мимо.

— Эй... дядя!.. Откедова?..

— Съ Мазаевской экономіи!..—донесся протяжный надорванный голосъ.

Потомъ все стихло и насторожилось, какъ будто ожидая чего-то страшнаго и неотвратимаго. Забродчики заторопились. Сбитой, безпокойной толпой они пошли впередъ, споря и перебивая другъ друга, не сводя глазъ съ горизонта, залитаго то разроставшимся, то мгновенно тускнѣвшимъ, багровымъ пламенемъ... И вдругъ всѣ сразу заговорили быстрыми, взволнованными голосами.

— Братцы, на острову пожаръ!..

— На заводѣ!.. Шестериковъ горитъ!..

Свернувъ съ дороги и натыкаясь одинъ на другого, забродчики бѣжали по жнивамъ и пашнямъ туда, гдѣ виднѣлась уже изба Фрола Степаныча, ярко освѣщенная отблескомъ разметавшагося надъ моремъ пожара.

XXVI.

На косѣ было свѣтло, какъ передъ закатомъ.

Среди густо потемнѣвшихъ травъ, тяжелымъ червоннымъ золотомъ отливали очеретяныя кровли куреней; отчетливо чернѣли профили шаландъ и баркасовъ на берегу, залитомъ мутно-желтымъ мигающимъ свѣтомъ. Сильно пахло дымомъ и гарью. Совсѣмъ близко вырѣзывался ослѣпительно бѣлый маякъ на почернѣвшей, какъ смола, слившейся поверхности неба и моря. Недалеко вправо, тамъ, гдѣ стоялъ заводъ Шестерикова, неистово бушевало громадное пламя. Что-то взрывалось и рушилось тамъ, бѣшено металось и билось, падало и поднималось снова, упорное и ожесточенное... Далеко вокругъ лопались и расползались большія, быстро вспухавшія облака дыма, отсвѣчивавшія то потускнѣвшею красною мѣдью, то нѣжнымъ пурпурнымъ румянцемъ.

Внизу сверкала узкая, словно раскаленная до-бѣла, полоса воды, подъ которой огромное зарево пожара опрокидывалось внизъ; оно разгоралось тамъ, среди густой черноты, съ бѣшеной яростью и гнало отъ себя почти къ самому берегу вздувавшіяся фантастическія облака, вспыхивавшія яркимъ багрянымъ отблескомъ.

Сбившись въ безпорядкѣ подлѣ избы Грузнова, забродчики безсмысленно галдѣли, какъ будто стараясь перекричать другъ друга, и голоса ихъ, какъ испуганныя, сонныя птицы, метались подъ чернымъ, низко осѣвшимъ небомъ.

Грузновъ и Гришка безуспѣшно искали Варьку повсюду.

— Варя!.. Боже мой... Варенька моя родная...—въ испугѣ бормоталъ Фролъ Степанычъ, остановившись среди двора и растерянно разводя руками. Что-то безпомощное и слабое было теперь въ его сгорбленной,

неподвижной фигурѣ, отчетливо темнѣвшей въ освѣщенномъ вокругъ мутно-желтомъ, безжизненномъ воздухѣ. Онъ чувствовалъ, какъ на него неслось что-то огромное и страшное, заслоняя собой кровавое зрѣлище пожара и угнетая своей невыносимой тяжестью...

— Гриша...—сказалъ онъ, наконецъ, поспѣшнымъ, взволнованнымъ шопотомъ. —Стой, Гриша... Нѣту ея тутъ!.. Варя... тамъ она... на заводѣ!..

Лобовъ, вытаращивъ глаза, дико озирался вокругъ, точно стара́ясь что-то припомнить. У него сильно стучало въ вискахъ и сдавливало горло. Вдругъ, встрепенувшись и грубо оттолкнувъ отъ себя Фрола Степаныча, онъ выбѣжалъ со двора на дорогу и закричалъ что-то непонятное столпившимся надъ кручей забродчикамъ. Потомъ, спотыкаясь и неуклюже размахивая руками, побѣжалъ по косѣ къ заводу и скоро исчезъ изъ виду.

Забродчики долго еще слышали, какъ онъ звалъ Варьку и кричалъ что-то отчаяннымъ, надрывающимся голосомъ.

XXVII.

Въ самомъ хвостѣ косы, притаившись за старой развалившейся шаландой, Варька сидѣла въ травѣ, недалеко отъ дороги.

Къ Бирючему острову было совсѣмъ близко. Къ ней доносился яростный трескъ огня и зловѣщій непрерывный гулъ. Заводскія постройки были охвачены раскалившимся до-бѣла пламенемъ, которое обжигало глаза и ровнымъ ярко-краснымъ отсвѣтомъ перебѣгало по лицу и фигурѣ Варьки.

— Вотъ я это... я... я...—однообразно и монотонно проплывало въ ея сознаніи.

Варька вздрагивала и озиралась съ болѣзненной, смущенной усмѣшкой. Она машинально срывала во-

кругъ себя мясистые стебли солончака и, съ растущимъ напряженіемъ, всматривалась туда, гдѣ бушевалъ пожаръ, обдавая ее горячимъ, ожесточеннымъ дыханіемъ.

Было невыносимо жарко и душно; ныло въ груди, точно тамъ тяжелымъ комомъ запеклась кровь. Въ сознаніи быстро проносилась все та же единственная мысль, ясная, упорная и неукротимая:

— Я это!.. вотъ я!.. я!..

Эти слова неслись неудержимо быстро, бились въ вискахъ и сливались въ тяжелый, угрожающій гулъ... Навстрѣчу ему спѣшилъ издалека какой-то отрывистый звонъ, гулъ и звонъ...

Она не слышала, какъ мимо пробѣжалъ Лобовъ. Потомъ все какъ будто стихло... И потомъ опять гулъ... звонъ... Варька вскочила и, выйдя на дорогу, стала прислушиваться...

Далеко въ слободѣ настойчиво и часто гудѣлъ набатъ.

ИВ. БУНИНЪ.

ВОСТОКЪ.

Тайна.

Элифъ. Ламъ Мимъ.
Коранъ.

Онъ на клинокъ дохнулъ—и жало
Его сирійскаго кинжала
Померкло въ дымкѣ голубой:
Подъ дымкой ярче заблистали
Узоры золота на стали
Своей червонною рѣзьбой.

„Во имя Бога и Пророка.
Прочти, слуга небесъ и рока,
Свой бранный кличъ: скажи, какимъ
Девизомъ твой клинокъ украшенъ?“
И онъ сказалъ: „Девизъ мой страшенъ.
Онъ—тайна тайнъ: Элифъ. Ламъ. Мимъ.“

„Элифъ, Ламъ, Мимъ? Но эти знаки
Темны, какъ путь въ загробномъ мракѣ·
Сокрылъ ихъ тайну Мохаммедъ“...
„Молчи. гяуръ!—сказалъ онъ строго,—
Нѣтъ въ мірѣ Бога, кромѣ Бога
Сильнѣе тайны—силы нѣтъ“.

Сказалъ, коснулся ятаганомъ
Чела подъ шелковымъ тюрбаномъ,
Окинулъ знойный Атмейданъ
Лѣнивымъ взглядомъ хищной птицы—
И тихо синія рѣсницы
Опять склонилъ на ятаганъ.

Тэмджидъ.

Онъ не спитъ, не дремлетъ.
Коранъ.

Въ тихомъ старомъ городѣ Скутари,
Каждый разъ, какъ только надлежитъ
Быть срединѣ ночи,—раздается
Грустный и задумчивый Тэмджидъ.

На срединѣ между раннимъ утромъ
И вечернимъ сумракомъ, встаютъ
Дѣрвиши Джелвети и на башнѣ
Древній гимнъ, святой Тэмджидъ поютъ.

Спятъ сады и спятъ гробницы въ полночь,
Спитъ Скутари... Все, что спитъ, молчитъ...
Но подъ звѣзднымъ небомъ съ темной башни
Не для спящихъ этотъ гимнъ звучитъ:

Есть глаза, чей скорбный взглядъ съ тревогой,
Съ тайной мукой въ сумракъ устремленъ,
Есть уста, что страстно и напрасно
Призываютъ благодатный сонъ.

И для нихъ-то, страждущихъ во мракѣ,—
Для больныхъ, для старцевъ, для сиротъ,

Сна лишенныхъ,—пѣсню утѣшенья
Братскій голосъ ласково поетъ.

Теменъ міръ, трудна стезя земная...
Но зачтется въ небѣ каждый вздохъ:
Спите, спите! Онъ не спитъ, не дремлетъ,
Онъ васъ помнитъ, милосердный Богъ.

Черный Камень.

Онъ драгоцѣнной яшмой былъ когда-то,
Онъ былъ неизрѣченной бѣлизны—
Какъ цвѣтъ садовъ блаженнаго Джинната,
Какъ горный снѣгъ въ дни солнца и весны.

Духъ Гавріилъ для старца Авраама
Его нашелъ среди песковъ и скалъ,
И геніи хранили двери храма,
Гдѣ онъ жемчужной грудою сверкалъ.

Но шли вѣка—со всѣхъ концовъ вселенной
Къ нему неслись молитвы, и рѣкой
Текли во храмъ, далекій и священный,
Сердца, обремененныя тоской...

Аллахъ! Аллахъ! Померкъ твой даръ безцѣнный—
Померкъ отъ слезъ и горести людской!

За измѣну.

Ихъ Господь истребилъ за измѣну несчастной отчизнѣ,
Онъ костями ихъ тѣлъ, черепами усѣялъ поля.
Воскресилъ ихъ пророкъ: онъ просилъ имъ у Господа жизни.
Но позора Земли никогда не прощаетъ Земля.

Двѣ легенды о нихъ прочиталъ я въ легендахъ Востока.
Милосердна одна: воскрешенные пали въ бою.
Но другая жестока: до гроба, по слову пророка,
Воскрешенные жили въ пустынномъ и дикомъ краю.

Въ день возстанья изъ мертвыхъ одежды ихъ черными стали,
Въ знакъ того, что на нихъ — замогильнаго тлѣнія слѣдъ,
И до гроба ихъ лица, склоненныя долу въ печали,
Сохранили свинцовый, холодный, безжизненный цвѣтъ.

Миражъ.

Мы дали тебѣ Ковсерь.
Коранъ.

Здѣсь царство сновъ. На сотни верстъ безлюдны
Солончаковъ нагіе берега.
Но воды въ нихъ—небесно изумрудны
И шелкъ песковъ бѣлѣе, чѣмъ снѣга.

Въ шелкахъ песковъ лишь сизыя полыни
Раститъ Аллахъ для кочевыхъ отаръ.
Но небеса здѣсь несказанно сини
И солнце въ нихъ—какъ адскій огнь, Сакаръ.

И въ знойный часъ, когда миражъ зеркальный
Сольетъ весь міръ въ одинъ великій сонъ,
Въ безбрежный блескъ, за грань земли печальной,
Въ сады Джиннатъ уноситъ душу онъ.

А тамъ течетъ, тамъ льется за туманомъ
Рѣка всѣхъ рѣкъ, лазурная Ковсерь,
И всей землѣ, всѣмъ племенамъ и странамъ
Сулитъ покой... Терпи, молись—и вѣрь.

Джины.

Стынутъ пески въ тишинѣ и молчаніи ночи...
Вдругъ зашумѣло сухимъ и холоднымъ пескомъ,
Пыль заклубилась, сверкнули несмѣтныя очи,
Вѣтромъ пахнуло—и снова все стихло кругомъ.

Звѣзды горятъ надъ безлюдною, мертвой землею,
Царственно блещетъ святое созвѣздіе Пса...
Вдругъ потемнѣло—и огненно-красной змѣею
Кто-то прорѣзалъ надъ темной землей небеса.

Путникъ, не бойся! Въ пустынѣ чудеснаго много:
Это не вихри, а джины тревожатъ ее,
Это архангелъ, слуга милосерднаго Бога,
Въ демоновъ ночи метнулъ золотое копье.

Демоны всюду преграды куютъ человѣку—
Имъ ненавистна святая дорога во храмъ.
Но не страшись: на разсвѣтѣ увидишь ты Мекку
И облечешься въ Ирамъ.

Гробница Сафіи.

Горный ключъ по скàламъ и оврагамъ,
Полусонный, убѣгаетъ внизъ.
Какъ чернецъ, надъ бѣлымъ саркофагомъ
Въ синемъ небѣ замеръ кипарисъ.

Нѣжныя, какъ дѣвушки, мимозы
Льютъ подъ нимъ узоръ своихъ вѣтвей,
И цвѣтутъ, благоухаютъ розы
По кустамъ, гдѣ плачетъ соловей.

Ниже—дикій берегъ и туманный,
Еле уловимый горизонтъ:
Тамъ просторъ воздушный и безгранный,
Голубая бездна—Геллеспонтъ.

Миръ тебѣ, о юная! Смиренно
Я цѣлую бѣлое тюрбэ:
Пять вѣковъ безсмертна и нетлѣнна
На Востокѣ память о тебѣ.

Счастливъ тотъ, кто жизнью міръ плѣняетъ.
Но стократъ счастливѣй тотъ, чей прахъ
Вѣру въ жизнь безсмертную вселяетъ
И цвѣтетъ легендами въ вѣкахъ!

СКИТАЛЕЦЪ.

ПОЛЕВОЙ СУДЪ.

Скиталецъ. ПОЛЕВОЙ СУДЪ.

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, книгоиздательству „Demos“ въ Женевѣ, по слѣдующему адресу:

Société d'edition et de librairie „Demos“, 22, B^d du pont d'Arve, Genève, Suisse.

I.

За Жигулевскими горами прячется маленькая рѣчка Уса. Начинается она въ лѣсу, около села Переволоки, въ полуверстѣ отъ берега Волги, течетъ межъ горъ навстрѣчу ей, похожая на отростокъ или „усъ“ ея, и, перерѣзая наискось Самарскую Луку, впадаетъ въ Волгу верстъ на двѣсти выше, около Молодецкаго Кургана.

Если отъ Переволокъ ѣхать по этой рѣкѣ, а не вверхъ по Волгѣ, то можно черезъ нѣсколько часовъ очутиться по другую сторону Луки и такимъ образомъ, плывя по теченію, впятеро сократить разстояніе.

Встарину Усой пользовались волжскіе разбойники: они нападали на караваны около Переволокъ и, если суда убѣгали отъ нихъ,—то переволакивали свои челноки на Усу, обгоняли ихъ и вновь грабили у Молодецкаго Кургана.

И рѣка Уса до сихъ поръ сохраняетъ свой прежній разбойничій видъ: она течетъ въ Жигулевскихъ дебряхъ, межъ скалъ и ущелій, дикая, безлюдная, то исчезая въ лѣсу, то снова внезапно появляясь, то широкая и спокойная, то превращенная въ бурный потокъ, мчащійся по зубчатымъ порогамъ. Высокіе, крутые берега ея покрываетъ старый сосновый боръ, и ни разу нигдѣ не встрѣчается жилья человѣческаго. И тихо бываетъ кругомъ, когда плывешь по ней на

челнокѣ съ косымъ волжскимъ парусомъ. Мѣста здѣсь все заповѣдныя, лѣса—дремучіе, и стоятъ заросшія лѣсомъ горы все такими же дикими, какъ и сотни лѣтъ назадъ. Что ни дальше плывешь по Усѣ,— берега идутъ все выше и угрюмѣе, Уса бѣжитъ подъ висящими скалами по темному ущелью, на днѣ пропасти; высоко въ небѣ громоздятся скалистыя верхушки горъ, похожія на зубчатые хребты сказочныхъ чудовищъ или развалины замковъ, а старыя сосны, качаясь отъ вѣтра, гулко поютъ буйныя пѣсни или угрюмо шепчутъ другъ другу жуткія разбойничьи сказки. Вѣтеръ въ этомъ ущельѣ ежеминутно мѣняется, издѣваясь надъ парусомъ, изъ-подъ каменныхъ береговъ звенятъ подземные ключи и чернѣютъ пещеры, полныя темной воды. Какъ-то вѣрится здѣсь въ нечистую силу, въ колдовство, въ исполинскихъ змѣй и драконовъ. Кажется, что невидимая злая сила, тяготѣющая надъ людьми, имѣетъ здѣсь главное свое пребываніе. Выгнанная отовсюду, она прячется здѣсь, въ подземныхъ пещерахъ, подъ горами. И живутъ о каждой горѣ пѣсни и повѣрья въ жигулевскомъ народѣ и вѣетъ отъ нихъ дикостью горъ, поэзіей лѣса.

Стоитъ на Усѣ высокая, обрывистая „Дѣвичья гора“: съ нея когда-то, сотни лѣтъ назадъ, сбросили дѣвушку въ Волгу, невинную, чистую дѣвушку; и съ тѣхъ поръ каждую весну горитъ село Дѣвичье, горитъ весеннею ночью, а на горѣ, въ заревѣ пожара видятъ люди ея огненный, мстительный образъ. Уже позабыто теперь, за что ее сбросили...

Тайна кроется въ пѣснѣ.

Есть тутъ урочище „Воеводино“: стоялъ надъ Волгой красный теремъ съ высокимъ окномъ, воеводинъ теремъ, и любила жена воеводы удалого разбойника: на легкой лодочкѣ приплывалъ онъ къ ней, свисталъ по соловьиному, въ терему отворялось окно, и по веревкѣ она принимала къ себѣ атамана. Но въ послѣдній

разъ не воротился онъ изъ терема: только лодка плыла безъ него, по теченію, а за нею—молодецкая шапка съ краснымъ верхомъ, съ золотою кистью...

Тайна кроется въ пѣснѣ.

А вотъ мрачная Кудеярова гора. Кровожаденъ, жестокъ и мстителенъ былъ Кудеяръ. Лилъ, какъ воду—кровь человѣческую, а любилъ похищенную красавицу и держалъ ее взаперти, на вершинѣ горы. Кончилъ жизнь свою Кудеяръ монашескимъ подвигомъ: сталъ грѣхи свои замаливать.

Есть на Усѣ двѣнадцать малыхъ кургановъ—могилы двѣнадцати братьевъ. Позабыто уже, что это были за братья.

Глубокая, старая тайна кроется въ старомъ преданьѣ.

Все кругомъ обвѣяно тайной, поэтической пѣсней, сѣдою легендой. И начинаетъ казаться, что между стволами стараго бора, что всходитъ прямыми рядами на вершины горъ,—мелькаетъ кто-то безмолвный, кто-то величаво-печальный, могучій, въ златоверхой шапкѣ, въ дорогомъ кафтанѣ съ оторочкой.

И такъ жутко становится въ этой мрачной тишинѣ, что хочется крикнуть, хочется слышать обычный человѣческій голосъ. Но этого только и надо горамъ: волшебное эхо подхватитъ нѣсколько словъ и долго будетъ повторять ихъ громовымъ, нечеловѣчески-мощнымъ голосомъ.

Тѣни далекаго прошлаго обитаютъ здѣсь и не признаютъ онѣ новыхъ владѣльцевъ этихъ чудныхъ горъ, все еще однихъ себя считаютъ онѣ хозяевами здѣшняго приволья. Воинственные, смѣлые, сильные люди когда-то жили здѣсь, и жизнь ихъ была вольной, и гибли они въ борьбѣ за волю...

Давно уже нѣтъ ихъ.

И хочется знать, кто живетъ здѣсь теперь, гдѣ потомки тѣхъ сильныхъ людей, настоящихъ хозяевъ этой страны, поливавшихъ ее кровью своей.

Какъ-бы въ отвѣтъ на эти мысли, неожиданно выносится Уса изъ глубокаго ущелья въ привольную долину, окруженную подковой горъ, задумчиво глядящихъ на Селитьбу, сѣрое, печальное, нищенски-бѣдное село, что пріютилось въ долинѣ на берегу рѣки,—убогое село среди роскошно-величавой природы.

Тутъ-же впадаетъ Уса въ широко-разлившуюся Волгу, такъ широко, что чуть виденъ простымъ глазомъ луговой, плоскій берегъ ея.

При сліяніи рѣкъ, выдаваясь впередъ, какъ на стражѣ—стоитъ грозный Молодецкій Курганъ—сказочная голова гиганта съ морщинистымъ, угрюмо-страдальческимъ каменнымъ лицомъ, съ нахмуреннымъ лбомъ и зеленымъ боромъ вмѣсто волосъ. И бьются пѣвучія волны о печальное лицо его, и шевелится подъ вѣтромъ звенящій боръ. А угрюмый Курганъ глядитъ на сосѣднія зелено-кудрявыя, ласково-спокойныя горы, цѣликомъ отраженныя въ мощной зеркальной рѣкѣ, и хмурится, и вѣчно думаетъ свои старыя, разбойничьи думы.

И такъ хорошъ, такъ цѣломудренно-хорошъ этотъ благодатный край, столько въ немъ глубокаго покоя, привѣтливой ласки и нѣжной грусти, такою дышетъ онъ думой и силой, ширью и волей, что хочется позавидовать людямъ, живущимъ здѣсь, что невѣроятнымъ и невозможнымъ кажется въ краю этомъ горе людское.

Болѣе, чѣмъ сто тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ весь этотъ чудный приволжскій край—эти рѣки, земли, лѣса и горы—стали родовымъ графскимъ достояніемъ; въ неприкосновенномъ видѣ переходитъ это маленькое царство изъ рода въ родъ старой графской фамиліи, представители которой никогда не живутъ здѣсь. Но Селитьба—древнѣе стараго графскаго рода: въ маленькой старой церковкѣ до сихъ поръ хранятся

старыя лѣтописи, въ которыхъ разсказана странная исторія села.

Еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ пришли сюда вольные люди, новгородскіе ушкуйники, пришли съ пищалями и бердышами, прогнали отсюда какое-то басурманское племя и „окопались около Кургана".

Жили они въ постоянной борьбѣ съ кочевыми племенами, но утвердились и стали границей царства Московскаго, стали постоянной угрозой для враговъ его.

Подвиги воинственной Селитьбы оцѣнилъ царь Алексѣй Михайловичъ: всю прилегающую къ Селитьбѣ долину даровалъ онъ имъ, и дарственная царская грамота изъ поколѣнія въ поколѣніе сохранялась лучшими, старѣйшими людьми Селитьбы.

И долго жили они среди непроходимыхъ дебрей, скрытые отъ чужой жизни горами и лѣсами, и долго никто не зналъ о нихъ. Вѣкъ проходилъ за вѣкомъ, а дѣти лѣса жили безъ перемѣнъ, все такъ же, какъ и прежде, и знали только свою землю, лѣсъ и горы. Потомъ отыскало ихъ крѣпостное право, покорило и ввело въ колею. А при Екатеринѣ они были подарены вмѣстѣ съ землей, съ тѣломъ и душой въ „майоратное" вѣчное владѣніе блестящему, великолѣпному графу и всему его потомству. „Царская грамота" стала ненужной, ее забыли, потеряли. Осталась только глухая, неистребимая, незабываемая легенда о ней. И старики разсказывали внукамъ сказку „о царской грамотѣ".

Потомъ—пало крѣпостное право.

Мужики пошли на малый надѣлъ и оказались безъ клочка земли, окруженные владѣніями „графа".

И превратились они въ „рабочія руки" графскихъ имѣній, обрабатывая барскую землю послѣ воли такъ же, какъ и до воли.

Она, эта „воля", какъ будто прошла мимо Селитьбы, не коснувшись ея.

Ушла она отъ нихъ за лѣса и горы, а они остались какъ и прежде неподвижными, жили покорно, и недоумѣнно страдали.

Только съ новою силой стала оживать сказка о пропавшей царской грамотѣ, только еще больше украсилась эта сказка безсознательно-красивыми вымыслами, Богъ вѣсть когда рожденными поэтической душой народа.

И вѣчно-юнымъ оставалось въ этой душѣ все давнее, легендарное, отжившее. Смутно жили въ ней вѣковыя, забытыя воспоминанія о землѣ и волѣ, о первобытной справедливости, о старой, патріархальной жизни. Родимый лѣсъ, все такой же, какъ и сотни лѣтъ назадъ, словно зачаровывалъ ихъ своими тайнами, запечатлѣвалъ и питалъ въ ихъ душѣ дремучія, вѣковыя думы. И не знали они, что сдѣлала жизнь тамъ, за этимъ лѣсомъ, за грядой таинственныхъ горъ, куда мчалась ихъ старая разбойничья рѣка и куда уносила ея воды могучая Волга...

Исторія желѣзною пятой шагала по ихъ спинамъ, а они все жили въ мірѣ лѣсныхъ сказокъ, гремящихъ ручьевъ, играющаго эха, и подъ безсознательными образами и темными, смутными воспоминаніями спящей глубокой души лежала, какъ сказочный кладъ, какая то утраченная, великая правда.

Жила въ нихъ тоска по старой, вѣчной, огромной божеской правдѣ, но не находили они словъ и образовъ, чтобы выразить эту тоску, и лежала на ихъ бородатыхъ, крупныхъ и грубо-сильныхъ лицахъ тѣнь угрюмаго страданія и каменнаго терпѣнія, и было что-то общее въ ихъ лицахъ и въ гигантскомъ тысячелѣтнемъ лицѣ Молодецкаго Кургана.

И долго-бы жили они такъ въ своемъ покорномъ и таинственномъ безмолвіи, если-бы не нашлась легендарная царская грамота. Однажды во время пожара, когда горѣла въ Селитьбѣ хижина какой-то столѣтней

одинокой старухи, спасавшіе ея добро выбросили въ окно маленькій старый сундучокъ, который при паденіи разбился, а изъ потайного, никому доселѣ неизвѣстнаго ящичка выскочилъ старый пергаментный свертокъ, испещренный странными буквами, исписанный малопонятными словами,—удивительный свертокъ съ большой старинной печатью.

Въ городѣ эти слова разобрали, прочли и перевели ходокамъ Селитьбы на жигулевскій языкъ.

Въ этой полусказочной воскресшей хартіи могучій царь бралъ ихъ подъ свою высокую царскую руку, миловалъ за старыя вины, а за подвиги ратные щедро жаловалъ на вѣки-вѣчные землей и угодьями. И властно была приложена тяжелая именная царская печать и „высокою“ рукой подписано давно ушедшее въ глубину вѣковъ царственное имя.

Много снится людямъ сновъ золотыхъ, много райскихъ видѣній проплываетъ надъ спящей душой человѣка, но крестьянскій сонъ всегда одинъ: крестьянину снится земля. Въ его душѣ вѣчно живутъ черныя думы о сѣрой землѣ. Вся фантастичность, вся поэзія, все безсознательное творчество всколыхнулись въ первобытныхъ душахъ этихъ питомцевъ природы. И съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ ходили ходоки села Селитьбы по судамъ и палатамъ большихъ городовъ. Они искали все какую-то „подземельную канцелярію“ и взамѣнъ ея попадали въ острогъ или въ сумасшедшій домъ. Они казались выходцами изъ шестнадцатаго вѣка. Современный вѣкъ не понималъ ихъ, и они не понимали его.

А они хотѣли—суда.

Всюду подавали странныя прошенія, въ которыхъ разсказывалась сказочная исторія, и отовсюду прошенія имъ возвращали и суда начинать не хотѣли.

Многимъ казались интересными эти самобытные, оригинальные люди съ красивой типичной внѣшностью, въ живописномъ національномъ нарядѣ, съ завѣтной

кожаной сумкой, съ волшебной, сказочной грамотой чуть-ли не сказочнаго царя. И смотрѣли на нихъ съ любопытствомъ, какъ на дѣйствующихъ лицъ волшебной сказки, смотрѣли у нихъ грамоту и отсылали отъ одной канцеляріи—къ другой, отъ одного адвоката къ другому.

А они шли—къ царю, но дойти не удавалось, и ни съ чѣмъ возвращались ходоки въ родную свою Селитьбу.

На нѣкоторое время мечты ихъ о землѣ какъ-бы замирали, но потомъ опять возрождались съ новой силой. Стоило кому-нибудь увѣрить ихъ, что дѣло ихъ правое, что землю высудить можно, и—опять собирался сходъ, галдѣлъ, составлялъ „приговоръ", выбиралъ ходоковъ.

И снова шли ходоки въ далекій, не понимавшій ихъ городъ, ходили долго и опять ни съ чѣмъ возвращались домой. Писали графу—графъ жилъ заграницей и ничего не отвѣчалъ имъ; нѣмецъ-управляющій гналъ ихъ, не желая слушать. Въ послѣднее время составляли приговоры „объ отобраніи земли у графа" и вручали ихъ земскому начальнику для представленія высшему начальству, но земскій грозилъ и ругался, бралъ себѣ приговоры и никому не отсылалъ ихъ.

Такъ двадцать лѣтъ тянулась эта безплодная исторія—безконечная, старая, обыкновенная, всѣмъ надоѣвшая исторія мужичьей темноты, глупости и упрямства.

И никто не могъ ихъ убѣдить, что уже безсиленъ теперь добрый Московскій царь Алексѣй Михайловичъ и безсильно его могучее царское слово, и что не встанетъ онъ для нихъ изъ древней усыпальницы московскихъ царей, чтобы заступиться за потомковъ обласканныхъ имъ вольныхъ ратныхъ людей, покорившихъ подъ „нози" его богатое волжское царство.

И никто не могъ доказать имъ, что безсильна теперь та правда, въ которую одну они вѣрятъ, которую

ищутъ и не могутъ не искать, ибо глубоко заложена жажда ея въ темныхъ нѣдрахъ ихъ загадочной, молчаливой души.

II.

Въ свѣтлое майское утро, когда разлившаяся Волга и полная, бурная Уса были особенно прекрасны, отражая въ себѣ зеленыя горы, когда радостное весеннее солнце насквозь пронизывало золотымъ своимъ свѣтомъ прозрачный молочно-синій туманъ, поднимавшійся надъ ширью отрадно-свѣжей, исполненной величавой нѣги, силы и спокойствія гигантской рѣки—въ это дивное утро въ чудной изумрудной долинѣ, обрамленной полукругомъ разодѣтыхъ въ нѣжную зелень горъ, на границѣ крестьянской и графской земли происходило что-то необыкновенное.

Тысячная толпа съ женами и дѣтьми, съ цѣлымъ табором телѣгъ, сохъ и лошадей расположилась въ полѣ.

Вся Селитьба выѣхала сюда, и, кромѣ нея, пришли толпы изъ сосѣднихъ деревень и маленькаго городка, который чуть виденъ былъ отсюда на горизонтѣ сквозь рѣдѣющій золотой туманъ.

Весь этотъ народъ галдѣлъ и копошился, какъ на ярмаркѣ. Лошади изъ телѣгъ были выпряжены и паслись около. Оглобли подняты кверху. Почти у каждой телѣги пылалъ костеръ, на которомъ женщины готовили пищу, и эти безчисленные огни придавали колоссальному табору нѣчто древне-дикое, напоминавшее бродячую народность. Говоръ мужчинъ и женщинъ, писк и плачъ ребятъ, ржаніе лошадей—все это давало настроеніе чего-то необычнаго, торжественнаго. А вдоль межи на цѣлую версту растянулись цѣпью триста или четыреста сохъ съ запряженными въ нихъ лошадьми. И вся эта картина удивительно гармонировала съ мо-

гучими горами, курганами, огромной сверкающей рѣкой и лѣсомъ, безконечнымъ лѣсомъ, что покрылъ собою весь горный хребетъ, отразился въ рѣкѣ и ушелъ до края нѣжно-голубого неба.

Около межи, въ центрѣ всего табора стояло два большихъ стола, накрытыхъ скатертью.

На одномъ изъ нихъ лежали предметы и церковная утварь для молебна съ водосвятіемъ: кропило, кадило, книги, свѣчи—и еще круглый крестьянскій хлѣбъ съ вышитымъ полотенцемъ и солью въ большой рѣзной солоницѣ.

На другомъ столѣ были приготовлены письменныя принадлежности: перо, чернила, бумага—и лежала знаменитая кожаная сумка съ „царской грамотой“.

Маленькій, старенькій селитьбенскій попикъ уже надѣлъ ризу и выправлялъ изъ-подъ нея жидкіе сѣдые волосы.

Толпа, стихая, тяжело и плотно сгрудилась къ столамъ и обнажила головы. Впереди всѣхъ стояли старшина, сотскіе и нѣсколько самыхъ старыхъ крестьянъ съ длинными сѣдыми бородами.

Начался молебенъ.

Толпа истово крестилась и вздыхала. Многіе стояли на колѣняхъ и плакали, обращая лица свои къ прозрачно-высокому, нѣжно-бирюзовому небу.

Въ тишинѣ молебствія издалека доносился густымъ, чуть слышнымъ струннымъ звукомъ шумъ лѣса и волнъ.

Наканунѣ этого дня крестьяне села Селитьбы собрались на сходѣ и составили приговоръ о „полевомъ судѣ“.

Рѣшили они выѣхать въ поле, созвать туда со всей округи „окольныхъ людей“, пригласить графскаго управляющаго, увѣдомить объ этомъ исправника и земскаго начальника и, въ присутствіи окольныхъ людей предъ лицомъ начальства, показать управляющему „царскую

грамоту", а затѣмъ потребовать, чтобы и онъ положилъ на столъ рядомъ съ ней тѣ документы, по которымъ графъ владѣетъ землей. И тогда—какъ рѣшатъ окольные люди, такъ и будетъ: коли присудятъ землю графу—покориться и разойтись, а присудятъ мужикамъ—то запахать ее тутъ же, торжественно, всѣмъ селомъ: пусть тогда графъ судится и самъ доказываетъ свое право.

Но если при запашкѣ графскіе люди или городская полиція будутъ препятствовать, то ни въ какомъ случаѣ не сопротивляться и не прибѣгать къ насилію, а чтобы не оклеветалъ кто-нибудь крестьянъ въ сопротивленіи властямъ, то не брать съ собой никому ни палки, ни прутика, ни даже кнута для лошади: пусть не смѣшиваютъ ихъ поступокъ съ разбоемъ, насиліемъ и захватомъ чужой собственности: они хотятъ добиться правды, законности и вынуждены послѣ двадцати лѣтъ безплодныхъ страданій обратиться къ „полевому суду".

Чуть слышно дребезжалъ голосъ попика. Глухимъ басомъ гудѣлъ дьячокъ. Густо вздыхала толпа, и ровною пѣвучей волной доносилась музыка сосноваго бора. Вдали, съ горы, со стороны графской усадьбы, спускался по дорогѣ экипажъ и нѣсколько всадниковъ.

Молебенъ кончился.

Толпа опять загудѣла. Выдѣлялись отдѣльныя восклицанія:

— Исправникъ ѣдетъ!

— А верхами-то—урядники!

— Управитель-то! Рядомъ съ исправникомъ!

— И земскій съ ними!

— И всѣ—на графскихъ лошадяхъ! Ха-ха!

Послышался презрительный смѣхъ.

Скоро къ табору подкатила щегольская графская коляска, запряженная парой вороныхъ лошадей. Коляску сопровождалъ нарядъ конныхъ урядниковъ.

Мужики стихли и сняли шапки. Впереди всей толпы

стояли старшина и высокій красивый старикъ съ длинной, бѣлой бородой; въ рукахъ они держали хлѣбъ съ полотенцемъ и соль.

Изъ коляски медленно вышло начальство.

Пожилой, но еще бравый исправникъ походилъ на червоннаго короля: борода его, длинная, волнистая, слегка раздѣленная внизу на двѣ половины, почти уже сѣдая, ниспадала на высокую грудь; лицо у него было красивое, умное, въ большихъ веселыхъ глазахъ свѣтилось добродушіе.

Земскимъ начальникомъ былъ мѣшковатый, неуклюжій господинъ медвѣжьяго тѣлосложенія, рыжій, сутулый, со взглядомъ изподлобья, съ тупой жестокостью и злой ограниченностью въ выраженіи угрюмаго, грубаго лица. Даже фуражка съ краснымъ околышемъ сидѣла на его круглой стриженой головѣ съ широкимъ плоскимъ затылкомъ какъ-то слишкомъ опредѣленно и безповоротно, а животный затылокъ внушалъ безотчетный страхъ.

За ними изъ коляски выпрыгнулъ управляющій-нѣмецъ съ черной бородой, въ соломенной шляпѣ и парусиновомъ костюмѣ. Онъ смотрѣлъ на толпу брезгливо, не скрывая своего презрѣнія.

Старшина и красивый старикъ поднесли исправнику „хлѣбъ-соль“. Надъ толпой невнятно звучали отрывочныя фразы короткой рѣчи, которую сказалъ старшина:

— ...Хлѣбомъ живемъ—хлѣбъ и подносимъ... не обезсудь... не за худомъ собрались... изволь выслушать...

Исправникъ движеніемъ руки велѣлъ положить хлѣбъ обратно на столъ и самъ подошелъ къ столу вмѣстѣ съ земскимъ, управляющимъ и урядниками. Толпа раздалась, приняла ихъ въ себя и затѣмъ опять сомкнулась вокругъ нихъ густымъ, широкимъ кольцомъ.

Исправникъ быстрымъ взглядомъ окинулъ море го-

ловъ, таборъ, костры и сохи и спросилъ мягкимъ, хриповатымъ басомъ:

— Въ чемъ дѣло? зачѣмъ собрались?

Вся толпа заговорила разомъ. Даже бабы что-то кричали, волнуясь и поднимая руки къ небу.

Исправникъ замахалъ рукой.

— Тише! Молчите! Говори кто-нибудь одинъ... выборные!

Выступили впередъ опять старшина, нѣсколько стариковъ и молодыхъ.

— Мы—выборные!

— Пусть кто-нибудь одинъ!

Раздались голоса изъ толпы:

— Епанешниковъ, говори! или ты, Бащаевъ!

Сталъ говорить Башаевъ,—молодой, лѣтъ тридцати, живой, энергичный мужикъ небольшого роста, съ курчавой свѣтлой бородкой.

— Ваше благородіе!—взволнованно, смѣло, звонкимъ голосомъ крикнулъ онъ:—мы не воровать пріѣхали! Мы пріѣхали свою землю пахать! свою! Будьте свидѣтели! Вотъ здѣсь на лицо господинъ управляющій, а вотъ окольные, посторонніе люди: мы сами ихъ призвали! Пусть насъ здѣсь разсудятъ, будемъ въ полѣ судиться, какъ наши прадѣды судились! Ваше благородіе! посмотрите: вотъ на этомъ столѣ лежитъ царская грамота царская! дарственная! отъ самого въ Бозѣ почившаго царя Алексѣя Михайловича.—Башаевъ перекрестился. — Наша земля! Почему же ей владѣетъ графъ? Пускай господинъ управляющій положитъ на другой столъ графскую грамоту! Може, его грамота сильнѣе—тогда мы уѣдемъ, тамъ уже окольные люди будутъ судить! Мы требуемъ, намъ желательно, чтобы показалъ, положилъ... Мы двадцать лѣтъ... Пусть положитъ!

Звонкій голосъ его разносился по всему полю.

— Пусть положитъ!—густо откликнулась толпа.

Исправникъ затрясъ бородой, и толпа, погалдѣвъ,

стихла. Впередъ выступилъ управляющій, желая что-то говорить.

Онъ говорилъ тихо, спокойнымъ голосомъ, и его рѣчь плохо была слышна въ заднихъ рядахъ.

— Я не понимайтъ...—доносились ломаныя слова:— какой такой полевой сутъ? зачѣмъ сутъ?.. Какое имѣете право?.. я не обязанъ... ничего не покажу...

Толпа заглушила его враждебнымъ рычаніемъ:

— Ага! не показываетъ, нѣмчура! харя!

— Видно, и показать-то нечего!

— Слышали? не показываетъ!

— Не показываетъ!

Толпа гудѣла.

Исправникъ замахалъ платкомъ.

Когда гулъ затихъ, онъ выпрямился, тряхнулъ волнистой бородой и закричалъ, напрягая грудь:

— Предупреждаю!.. вы затѣваете противозаконное! Никакого полевого суда нѣтъ и быть не должно! Убѣждаю васъ разойтись по домамъ!

— Не разойдемся!—загремѣло кругомъ. Начался всеобщій говоръ. Толпа начинала возбуждаться, жестикулировать... Мелькали руки, потрясаемыя бороды, оживленныя, негодующія физіономіи. Тысяча голосовъ на разные лады кричала:

— Мы требуемъ!.. пусть прочитаютъ! Двадцать лѣтъ!.. Документъ! Управитель! Богъ!.. Правда... Законъ.

Земскій начальникъ давно уже весь трясся отъ злости. Блѣдный, съ потемнѣвшими, горящими глазами, онъ протолкался впередъ и что-то кричалъ рыкающимъ голосомъ, грозя кому-то кулакомъ.

Ревъ толпы сталъ затихать.

— Запрещаю!..—услышала она грозный окрикъ:— уйдите!.. бунтъ!

При этомъ словѣ все сразу стихло. Словно разомъ вспомнили всѣ уговоръ не давать повода къ обвиненію ихъ въ насиліи. Толпа словно подавила въ себѣ что-то.

Только гдѣ-то позади опущенныхъ долу головъ вынырнула черная, хохлатая голова разбойничьяго типа съ дерзкими, острыми глазами и среди внезапной тишины сказала насмѣшливымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Эй, ваше благородіе! Ваше дѣло—только запрещать! Всѣ вы—закуплены графомъ! Мы ляжемъ костьми, а не уйдемъ! Такъ и знайте!

— Не уйдемъ!—опять загудѣла толпа.—Бунтовать мы не станемъ: мы—по закону!.. Кабы захотѣли, давно-бы.. какъ пыль съ лубка стряхнули!

Толпа оскорбленно рычала.

— Господа окольные люди!—нараспѣвъ зазвенѣлъ голосъ Башаева.

Онъ показался на столѣ, видный всѣмъ, и, протягивая къ народу развернутую хартію, не то кричалъ, не то пѣлъ:

— О-коль-ны-е лю-ди-и! Видѣли вы нашу царскую грамоту? вотъ она-а! глядитя! во-отъ! видѣли?

— Видѣли!—ухнула тысяча голосовъ.

— А управитель... своей графской грамоты... не показа-алъ?

— Не показалъ!—прокатилось по всему полю.

— Стало быть— чья земля?

— Ваша!—въ одинъ голосъ грянули „окольные люди“.

— А коли на-ша-а,—торжествующе продолжалъ Башаевъ, все повышая и повышая свой звонкій голосъ и возбужденіемъ своимъ заражая толпу:—коли она, матушка, на-аша, то какъ же повелите вы сдѣлать намъ, господа окольные люди? Па-ахать?

— Пашите!—загрохотало поле.

Исправникъ, земскій и управляющій устремились въ коляску. Старшина помогалъ имъ.

— Я ѣду къ губернатору!—взволнованно сказалъ ему исправникъ:—наблюдите, по крайней мѣрѣ, чтобы не вышло столкновенія. Я далъ урядникамъ инструкціи—не раздражать!..

— Слушаю, ваше благородіе! Прощенья просимъ!..

Коляска покатилась.

А четыреста пахарей уже приступили къ дѣлу. И въ первой сохѣ пошелъ девяностолѣтній Епанешниковъ, красивый старикъ, подносившій хлѣбъ-соль исправнику, безсмѣнный ходокъ по дѣламъ села Селитьбы. Высокій, внушительный, съ длинной сѣдой бородой, въ лаптяхъ и длинномъ кафтанѣ, онъ всталъ на межѣ, выпрямился, какъ-то вдругъ помолодѣлъ, ожилъ, словно загорѣлся весь и, махнувъ шапкой остальнымъ, глухо крикнулъ:

— Съ Богомъ, пашите!..

Потомъ широко перекрестился, вытеръ рукавомъ слезы и взялся за соху.

— Господи, благослови!—шептали его шамкающія губы.

Урядникъ всталъ на бороздѣ, загораживая ему дорогу.

Тогда Епанешниковъ объѣхалъ его, какъ объѣзжаютъ пень, и повелъ борозду дальше, гдѣ опять молча стоялъ полицейскій чинъ.

И другимъ пахарямъ другіе урядники тоже молча становились поперекъ борозды, и они, какъ и Епанешниковъ, объѣзжали ихъ, и въ рукахъ у всѣхъ не было кнутьевъ.

И стало покрываться обширное поле кривыми, вычурными бороздами, похожими на какія-то никому невѣдомыя письмена, на древніе кабалистическіе знаки, въ которыхъ словно скрытъ былъ глубокій, тайный смыслъ и ключъ къ пониманію души народа.

Гигантскими буквами начертали они на родимой землѣ свою правду, свой крикъ о справедливости. И казалось имъ, что этотъ крикъ пронесется могучимъ набатомъ и разбудитъ Россію.

Три дня и три ночи, всѣмъ таборомъ и не отпуская отъ себя „окольныхъ людей“, жили они въ полѣ, дожидаясь губернатора.

На четвертый день онъ явился къ нимъ—все съ тѣмъ же исправникомъ, съ земскимъ начальникомъ, окруженный конною стражей, съ возомъ свѣжихъ розогъ, нарѣзанныхъ въ графскомъ лѣсу.

Грознымъ, взбѣшеннымъ, неистовымъ предсталъ губернаторъ. Высокій онъ былъ, здоровый, женоподобный, съ бритымъ румянымъ лицомъ и стриженой сѣдой головой.

И, завидя его, встала вся толпа на колѣни, а старшина и Епанешниковъ поднесли хлѣбъ-соль. Мольба была на лицахъ толпы, и слезы стояли въ глазахъ ея.

Но ударилъ онъ по хлѣбу и разсыпалъ соль.

Не говорилъ—визжалъ губернаторъ... Клейкая слюна брызгала изо рта его на золотое шитье мундира.

Началъ онъ рѣчь свою словами: „бездѣльники“, „разбойники“, а кончилъ крикомъ: „будете наказаны!“

И велѣлъ схватить „зачинщиковъ“.

Было ихъ схвачено сорокъ три, самыхъ старыхъ, самыхъ почтенныхъ, самыхъ уважаемыхъ, лучшихъ людей Селитьбы.

Тутъ же, на захваченной землѣ, положили ихъ.

Молча и покорно легли они на родимую землю, окруженные густымъ кольцомъ губернаторской стражи, и слышно было, какъ свистѣли въ воздухѣ длинные прутья, да раздавались глухіе, сдержанные, словно подземные—стоны.

Толпа безмолвно и неподвижно стояла все здѣсь же, и слезы текли по лицамъ ея.

Плакалъ самъ исправникъ, которому поручено было руководить наказаніемъ. Только земскій начальникъ радовался и наслаждался. Подъ свистъ розогъ неумолимо, непреклонно и ненасытно звучалъ его грубый, рыкающій голосъ:

— Крѣпче! Кр-рѣпче!

По сто ударовъ получили они.

На мужицкія же телѣги замертво положили ихъ, окровавленныхъ, и повезли, какъ везутъ съ бойни освѣжеванное мясо.

Кровавая лужа осталась на мѣстѣ казни.

И когда везли ихъ медленнымъ, зловѣщимъ обозомъ въ село, то кровь текла сквозь окровавленныя телѣги и сочилась на землю большими тяжелыми каплями, и кровавый путь шелъ къ селу отъ мрачнаго мѣста „полевого суда“.

По сто ударовъ получили они.

III.

Цѣлый годъ они сидѣли въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда, того настоящаго, подлиннаго суда, котораго такъ долго добивались. Крѣпкія натуры вынесли жестокую пытку.

Черезъ годъ ихъ судили въ томъ самомъ маленькомъ городкѣ, который въ дымкѣ волжскаго тумана былъ виденъ изъ Селитьбы, откуда призвали они „окольныхъ людей.“

Въ маленькомъ, убогомъ залѣ уѣзднаго суда они сидѣли всѣ сорокъ три, занимая скамьи, приготовленныя въ обычное время для публики, и казалось, что не ихъ судятъ, а они пришли судить.

Лица ихъ не были печальными, но были исполнены торжества и увѣренности въ своей правотѣ.

Судили ихъ добросовѣстные чиновники, равнодушные порядочные люди, старались отнестись къ нимъ справедливо и—осудили.

Когда послѣ этого вели ихъ къ Волгѣ, на пристань, чтобы отправить въ губернскій городъ и снова посадить въ тюрьму—былъ опять сіяющій весенній день.

Уса и Волга смѣшали свои воды, затопили берега и

разлились такъ широко, что чуть виденъ былъ далекій луговой берегъ, а на мѣстѣ полей отъ города до Селитьбы сверкало на солнцѣ веселое играющее море, и вдали маячила надъ нимъ богатырская голова Молодецкаго Кургана.

Попрежнему подковой стояли кругомъ зеленыя бархатныя горы и привѣтливо улыбались, отражаясь въ спокойной, полной рѣкѣ.

И такъ хорошъ, такъ цѣломудренно хорошъ былъ этотъ благодатный край, столько въ немъ было всепрощающаго спокойствія, терпѣливаго незлобія и нѣжной, женственной грусти, что странно было видѣть, какъ солдаты съ саблями на-голо вели къ берегу кучку добродушныхъ, смиренныхъ людей.

Двигалась вслѣдъ за ними огромная толпа народа: вся Селитьба была тутъ и вся округа, и всѣ жители городка, жаднаго до зрѣлищъ.

А они шли, понуривъ головы, ни на кого не глядя, и было что-то недоумѣвающее въ ихъ согбенныхъ спинахъ и тяжелыхъ движеніяхъ. Казалось, что они все еще не вѣрятъ въ подлинность произведеннаго надъ ними суда и уносятъ въ своей разочарованной душѣ неистребимыя древнія сказки и фантазіи и какую-то необнаруженную тайну о поискахъ божеской правды.

И казалось, что, опять не найдя ея; они теперь снова идутъ на самые дальніе, самые тяжелые поиски, что легенда о царской грамотѣ не только не замретъ, не разсѣется, но будетъ ярко расцвѣчена цвѣтомъ ихъ крови, украшена пѣснью о страшномъ губернаторѣ, о пыткахъ, цѣпяхъ и тюрьмахъ, о слезахъ и страданіяхъ, о неправедныхъ судьяхъ...

Глухо и тяжко двигалась за ними безчисленная толпа. Не было ни говора, ни плача: молча двигалась пестрая толпа по песчаному берегу, и желтымъ облакомъ стояла надъ ней густая золотистая пыль, освѣщенная весеннимъ обиліемъ солнечнаго свѣта.

И когда вошли они по гибкимъ сходнямъ на буксирный маленькій пароходъ—вся толпа сгрудилась къ самой водѣ и молча стояла колыхающейся массой, и сотни лицъ и глазъ обращены были къ нимъ.

Пароходъ медленно отходилъ. А они стояли всѣ въ рядъ, у борта парохода, блѣдные, съ крѣпко-стиснутыми челюстями, судорожно схватившись напряженно-вытянутыми руками за перила.

Стояли неподвижно, словно окаменѣлые, впиваясь остановившимися глазами въ родную толщу, въ родныя горы. И въ этой каменной неподвижности ихъ чувствовалось тяжкое напряженіе огромной силы, и каменными казались крупныя лица ихъ, и желѣзными казались вцѣпившіеся скрюченные пальцы.

Долго уходилъ пароходъ, уплывая все быстрѣе и дальше, становясь все меньше.

Долго стояла толпа на берегу и все смотрѣла въ блестящую рѣчную даль, гдѣ въ сіяніи весенняго дня черной точкой потонулъ пароходъ.

Мало-по-малу, безъ говора и шума, какъ послѣ похоронъ, растаяла толпа и уползла кучками по различнымъ дорогамъ.

Никого изъ людей не осталось на берегу.

Кругомъ была одна природа—неизмѣнная, жизнерадостная и равнодушная къ людямъ: подъ щедрыми лучами солнца остались Волга и горы, полныя глубокаго безмолвія и покоя: такими онѣ были сотни лѣтъ назадъ и все такими же остаются теперь.

Зеленыя, кудрявыя горы цѣликомъ отражаются въ зеркальной глубинѣ, чуть виденъ вдали плоскій луговой берегъ, да Молодецкій Курганъ—богатырская голова съ мощнымъ выраженіемъ каменнаго терпѣнія и таинственной печали на морщинистомъ тысячелѣтнемъ лицѣ—угрюмо смотритъ на окружающую ширь и хмурится, и вѣчно думаетъ свои старыя, разбойничьи думы.

ГУСТАВЪ ДАНИЛОВСКІЙ.

НА ОСТРОВѢ.

ПОЭМА.

Переводъ А. С. Черемнова.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Богъ изъ сумрачныхъ силъ, затаенныхъ во мглѣ,
Вывелъ духа источникъ и все на землѣ
Онъ смѣшалъ—и съ нея снялъ онъ длани.
Съ той поры духъ желаетъ царить надъ судьбоій;
Съ темнотою инстинктовъ, съ стихіей слѣпой
Бой ведетъ, совершенствуясь въ брани.

И творенья вѣсы въ колебаньи всегда;
И начало борьбы возникаетъ
На вершинахъ тѣхъ духа, гдѣ гибнетъ нужда,
Гдѣ свобода свой стягъ поднимаетъ.

А порой въ безграничномъ просторѣ міровъ
Раздаются удары звенящихъ часовъ
Безконечности—грозно и сильно.
Міръ поноситъ героевъ тогда и клянетъ,
На алтарь увлеченья и вѣры плюетъ,
И, какъ въ тачку закованный ссыльный,
Въ колесницу слѣпой и жестокой судьбы
Запрягаясь, сдается онъ ей безъ борьбы.
И измученный духъ замираетъ
И могущество зла и насилья ростетъ...
Но не вѣчно суровое время невзгодъ—
Новой жизни заря наступаетъ.

Въ дни, когда не хватаетъ дыханья въ груди
И не видно отрадныхъ надеждъ впереди,
И Злой Рокъ угнетаетъ народы,—
Духъ подъ игомъ рождаетъ огонь для людей,
Въ міръ несетъ его въ образѣ новыхъ Идей
И костеръ зажигаетъ свободы.

ПѢСНЬ I.

Надъ островомъ высокимъ караваны
Лучистыхъ звѣздъ плывутъ и между нихъ
Путь Млечный тихо вѣшаетъ туманы
Серебряные... Берегъ моря тихъ.
Грядою скалъ задержанныя волны
Невольно измѣняютъ ровный токъ
И, злобой на свою преграду полны,
Дрожа сверкаютъ, какъ стальной клинокъ.
Надъ берегомъ огней потухли очи,
Безмолвные дома уныло спятъ,
За ними льютъ сады свой ароматъ,
Окутаны весенней нѣгой ночи.

На площади зато и шумъ, и звонъ!
Тамъ праздникъ пѣсни жители справляютъ
И въ короли сегодня избираютъ,
Какъ требуетъ обычай и законъ,
Того, чья пѣснь прольется всѣхъ звучнѣе
И привлечетъ сердца людей сильнѣе.

Торжественный готовится турниръ;
Народъ на площадь точно лава льется;
Толпа шумитъ и у трибуны жмется,
Одѣтая нарядно, какъ на пиръ.
Зажглись костры веселыми огнями,

И колоколъ ударилъ надъ толпами
И возвѣстилъ, что начался турниръ.

* * *

Были дни... Какъ лава изъ груди вулкана,
Съ острова на землю черезъ мглу тумана
Свѣтъ лился... Потушенъ этотъ дивный свѣтъ!..
И лежатъ въ обломкахъ прежнія святыни.
Новый храмъ Молоха тамъ вознесся нынѣ,
Въ немъ же нѣтъ святыни и героевъ нѣтъ.

Миновали, скрылись дни, когда поэты
Новыя знамена гордо вознесли—
И на нихъ читались чудные завѣты
Равенства, свободы, счастья для земли.

Вѣрилось тогда, что духъ разрѣжетъ звенья
Всѣхъ цѣпей, что новый засіяетъ свѣтъ...
И народъ земли стремился въ пылъ сраженья.
Дни тѣ миновали и слѣда ихъ нѣтъ.

Сталъ богатъ и славенъ островъ величавый!
Только духъ, объятый гибельной отравой,
Измельчалъ, какъ карликъ, мощь свою губя.
Островъ жилъ и думалъ только для себя.
И, отрѣзанъ жизни шумнымъ, грознымъ моремъ
Отъ земли печальной, съ ней порвалъ союзъ;
Онъ землѣ оставилъ трудъ съ тяжелымъ горемъ,
Взявъ себѣ веселье, пиръ и голосъ музъ.

Доблестный король сошелъ тогда въ могилу;
Смѣлостью подобный гордому орлу,
Онъ въ себѣ носилъ увѣренность и силу,
Проникалъ онъ взоромъ будущаго мглу.
Чувствуя, что близко новое теченье,
Мучился король—и въ горестномъ томленьи
Много силъ собралъ въ душевной глубинѣ;

Онъ забылъ о славѣ, о восторгѣ шумномъ
И летѣлъ мечтою къ гибнущей странѣ.
Мудрецы прозвали короля безумнымъ
За стремленья эти... А король желалъ
Жизнь свою окончить славными дѣлами.

Но напрасно чудной власти надъ сердцами
Требовалъ король и Бога умолялъ,
Измѣнить желая, что̀ неотвратимо:
Видѣлъ онъ съ тоскою, что его друзья
Зло въ себѣ таили, пропуская мимо
Муки угнетенныхъ, горе бытія.
И по ихъ сердцамъ, какъ молнія по стали,
Пѣснь его скользила и его мечта,
И его молитвы тщетно повторяли
Жалкихъ себялюбцевъ грубыя уста.
Что̀ молитвой звали эти лицемѣры—
Былъ обрядъ, лишенный истины и вѣры.

Королевскій прахъ окутанъ вѣчной мглой,—
Духа же цвѣты растутъ еще неслышно,
Ждутъ, что оживятся нѣжною росой
И въ плоды дѣяній превратятся пышно.
Ждутъ давно. Не вянутъ лепестки цвѣтовъ,
Точно самъ король попрежнему съ любовью
Пламеннаго сердца поливалъ ихъ кровью,
Покидая царство мрака и гробовъ.

Но сегодня тихи вѣчныя постели,
Миренъ сонъ глубокій въ области тѣней;
Къ нимъ на стражу тихо отъ высотъ слетѣли
Ангелы молчанья, геніи ночей,
И, склоняя крылья, въ небеса смотрѣли,
Плачущія яркимъ золотомъ огней.

* * *

Ликуетъ островъ, залитъ моремъ свѣта,

Шумящею толпою наводненъ.
Четыре на турнирѣ томъ поэта:
Кто побѣдитъ—король! Владѣетъ онъ
Всѣмъ островомъ; когда-жъ цвѣты живые
Успѣютъ изъ вѣнца его опасть,
То выступятъ послы передовые,
И онъ свою раздѣлитъ съ ними власть.
Но кто же здѣсь достигнетъ славной цѣли?
Кому цвѣты, кого корона ждетъ?
Ужъ три пѣвца на празднествѣ пропѣли,
И наступаетъ Даймона чередъ.

Онъ—младшій изъ пѣвцовъ—и не почетъ
Стяжалъ себѣ, но брань и поношенье.
Народъ кричалъ, что пѣснь его течетъ
По ложному руслу; что это пѣнье—
Какъ рѣзкій скрипъ; что рѣчь его остра
И боль таитъ безъ ласки вдохновенья;
Что муза—одичалая сестра
Небесной музы; что земли мученья
Имъ завладѣли; что къ лазури въ даль
Не рвется онъ, но въ темнотѣ могилы
Онъ ищетъ искру Божью, и что жаль
Его: онъ проявляетъ много силы.

Былъ судъ надъ нимъ, чтобъ строго наказать
И струны оборвать на лирѣ звучной,
Когда посмѣлъ онъ жителямъ сказать,
Что материкъ земли—убогій, скучный—
Съ презрѣніемъ глядитъ въ такіе дни
На островъ, ихъ грѣхами омраченный;
Что не могучій колоколъ они—
Трещотки лишь изъ глины золоченой,
Которыхъ трескъ не будитъ славныхъ дѣлъ;
Что жгучій стыдъ душой его владѣлъ
Отъ жизни ихъ и новыхъ идеаловъ,

Что этотъ островъ—вѣчный трудъ коралловъ,
Обидами и горемъ полонъ онъ
Существъ, которымъ имя—легіонъ.

Съ тѣхъ поръ, тая недугъ сокрытой муки,
Надъ берегомъ, задумчивости полнъ,
Бродилъ пѣвецъ, внимая говоръ волнъ,
И говорилъ, что часто слышитъ звуки
Печальныхъ слезъ и стоновъ, издали
Летящихъ черезъ море отъ земли.
Онъ говорилъ съ тоскою, что напрасно
Отъ острова мучительно и страстно
Ждетъ помощи несчастная земля,
И что въ гробу несетъ теперь страдальца
Трупъ славнаго поэта-короля
За то, что позабыли завѣщанье.

Онъ говорилъ, что видитъ впереди,
Какъ по винѣ островитянъ случится:
Польютъ съ земли кровавые дожди,
И островъ весь въ пустыню обратится!
Никто рѣчамъ поэта не внималъ;
Кричали всѣ съ гримасой отвращенья:
Онъ боленъ, онъ разсудокъ потерялъ,
Въ немъ разумъ спуталъ демонъ разрушенья,
Ужасный черный духъ... И оттого
Они прозвали Даймономъ его.
Сегодня это слово пробѣжало
По всѣмъ устамъ и поразило всѣхъ;
Однихъ негодованье обуяло,
Другіе же сдержать старались смѣхъ
При вѣсти, что стремится Даймонъ къ трону
И выступитъ, чтобъ получить корону.

Но, лишь прошелъ насмѣшекъ первый взрывъ,
Въ толпѣ тревога пробѣжала глухо

О томъ, что пѣсня—тайныхъ силъ порывъ—
Живетъ и въ глубинѣ больного духа.
И вотъ, едва увидѣли пѣвца,
Какъ тишина повисла надъ толпами.
И взоры всѣхъ стеклись къ нему лучами
И жгли огнемъ черты его лица.

Увѣренно и гордо рыцарь юный
По пурпурнымъ ступенямъ восходилъ
И сталъ спокойно на верху трибуны.
Онъ блѣденъ былъ. Въ дали небесъ ловилъ
Взоръ призраки мечты необычайной,
Какъ будто видѣлъ новый дивный міръ
И забывалъ, объятый думой тайной,
Толпу людей, и пѣсню, и турниръ.
И слышенъ былъ на площади турнира
И трескъ костровъ, и шумъ морской волны...
И вдругъ въ тиши раздался плачъ струны.
Задѣтая рукой поэта, лира
Запѣла вдругъ, и, звукомъ пробужденъ,
Отъ тайныхъ грезъ своихъ очнулся онъ.

Смутился вдругъ и вздрогнулъ, какъ ребенокъ,
Видѣніемъ испуганный во снѣ.
И грустенъ голосъ былъ его и звонокъ,
Онъ такъ сказалъ: „Я боленъ, тяжко мнѣ!
Душа томится неутѣшнымъ горемъ...
Я отданъ въ жертву злымъ и горькимъ снамъ
И вамъ одинъ охотно передамъ,
Вчера его я увидалъ надъ моремъ.
Постигъ я силой сердца своего,
Но осудить вы можете его,
Хотя, быть можетъ, это сонъ пророка!“

Умолкъ на мигъ. Потомъ вздохнулъ глубоко,
Бросая взоръ на ясный небосклонъ...

И вдругъ, рванувъ увѣренно и живо
Рукою струны лиры, началъ онъ
Бросать слова разсказа въ тонъ мотива,
Пока съ его чарующей игрой
Не слился голосъ, звонкій и глубокій,
Какъ родниковъ бѣгущіе потоки
Сливаются съ могучею рѣкой.

СОНЪ.

День угасалъ, а зори ужъ слетали
На лоно водъ съ небесной высоты;
Какъ струны арфы въ тишинѣ звучали
Могучихъ волнъ дрожащіе хребты
Великій вѣчный гимнъ земной печали.
И, на пути задержанныя вдругъ
Грядою скалъ, на части разрывались,
Какъ золотыя кольца, устремлялись
Обратно въ море, издавая звукъ,
Слезами и унылой скорбью полный.

Въ просторѣ, гдѣ шумѣли, пѣнясь, волны,
Мнѣ чудилось, звучала стономъ мгла.
Насъ проклинали тамъ; изъ тьмы могилы
Рвалась тамъ жизнь и напрягала силы,
Но одолѣть преграды не могла.

Закатъ угасъ. Ночь покрывала море.
У ногъ оно кипѣло, какъ вулканъ.
Мысль разрывалась отъ тоски и горя
И сердце—отъ жестокой боли ранъ.
Слабѣли силы въ необъятной мукѣ—
И я упалъ, какъ трупъ, на лоно скалъ
И въ ужасѣ мученій умиралъ.
Но сонъ сошелъ и положилъ онъ руки

На грудь мою, и далеко ушла
Больная скорбь встревоженнаго духа.

Мнѣ снилось: землю покрываетъ мгла...
Ужасный крикъ доносится до слуха,
И я во снѣ почуялъ ужасъ вновь:
Томительные черные кошмары
Въ суровой тьмѣ свои рождали чары
И страшно леденили въ сердцѣ кровь.

Я увидалъ толпу людей несчастныхъ,
Больныхъ и слабыхъ. Стоновъ ихъ ужасныхъ
Звукъ разносился, точно моря ревъ.
Громада шла. Потъ лилъ съ нея ручьями.
Предъ ней шла боль кровавыми путями.
Печаленъ былъ страдальцевъ легіонъ:
Тѣла ихъ рвалъ на части бичъ неволи,
Сомнѣніе несло имъ муки боли,
Насиліе въ груди давило стонъ.

А средь людской безчисленной громады
Кровавый пиръ свершали духи зла:
Въ безуміи впивались въ ихъ тѣла,
Ихъ кровь сосали, точно злые гады.

И увидалъ я ту, что ихъ гнала...
Вливая въ раны изнуренныхъ яды,
Она вела ихъ, какъ толпу звѣрей,
И грозно имъ кричала: „Ну, скорѣй!
Я—Нищета. Я вамъ повелѣваю!
Вашъ царь, вашъ Богъ, вашъ всемогущій Панъ!“

„Могуществомъ своимъ я убиваю
Людей за непокорность. Съ болью ранъ
Я имъ дарю могилы вѣчный холодъ,
Но раньше шлю на нихъ суровый Голодъ;

Онъ внутренности ихъ опустошитъ,
И мозгъ костей сожретъ безъ сожалѣнья,
И въ жилахъ кровь до капли изсушитъ!“

„Удѣлъ покорныхъ моему велѣнью
Жестокъ не будетъ! Въ мракѣ и въ пыли,
День ото дня слабѣя и блѣднѣя,
Они сойдутъ въ могилу... Ну, скорѣе!
Или сотру я васъ съ лица земли!
Я—Нищета! Я вамъ повелѣваю!
Вашъ царь, вашъ Богъ, вашъ всемогущій Панъ!“

„Покорнымъ я щедроты расточаю:
На ужинъ черный хлѣбъ имъ будетъ данъ,
На плечи ихъ—отрепье и для гроба
Клочокъ земли!
Но смерть бунтовщикамъ!
Повсюду ихъ моя настигнетъ злоба!
Я—Нищета—приказываю вамъ:
Впередъ, впередъ! Я вамъ повелѣваю!
Вашъ царь, вашъ Богъ, вашъ всемогущій Панъ!“

Вослѣдъ за нею шелъ ужасный станъ
Ея родныхъ: Болѣзни съ мрачнымъ Моромъ
И Тьма, и тощій Голодъ, лютый врагъ
Живущаго,—ревѣли дикимъ хоромъ.

И злая Тьма толпѣ кричала такъ:
„Убейте мысли, мысли умертвите,
Или навѣкъ лишу я васъ ума.
Огонь сердецъ своихъ вы загасите,
Скорѣй! скорѣй! Я—страшный князь вашъ—Тьма!“

„Да, мысль—нашъ врагъ!“—шепталъ ей Голодъ злобно:
„Когда она рождается въ умѣ
И тлѣетъ, искрѣ маленькой подобно,

Туши ее, гаси въ мертвящей тьмѣ.
Когда же свѣтъ всѣ тѣни уничтожитъ—
Предай болѣзни страшной ты народъ...
А если это средство не поможетъ—
Ты кликни Моръ, меня и весь мой родъ!"

„Ты знаешь, я силенъ. Какъ сонъ могилы,
Проникну въ нихъ, возьму ихъ жизнь и силы,
Не оторву отъ тѣлъ ихъ блѣдныхъ губъ,
Все буду кровь сосать со злобой жадной,
Пока въ добычу смерти безпощадной
Останется холодный, синій трупъ!"

„Бездушный трупъ, лишенный чувствъ, свободный,
Въ глубокой мглѣ останется одинъ!
Такъ задушу я мысль, я—злой, голодный,
Могучій панъ, я—Голодъ, царскій сынъ!"

И вся толпа злыхъ демоновъ завыла:
„Да, эти люди—наши! Ихъ свѣтило
Потушено! Скорѣй отъ свѣта прочь
Мы поведемъ ихъ въ пасмурную ночь
Съ неволею и страхомъ леденящимъ!"

Вдругъ грянулъ громъ, ужасенъ и могучъ,
И молнія своимъ мечомъ блестящимъ
Разсѣкла плащъ суровыхъ, хмурыхъ тучъ.

И силы мрака дрогнули толпой...
Въ тревогѣ тайной вся ихъ рать застыла.

И тишина повисла надъ землей.
Свой путь прервали вѣчныя свѣтила,
И молнія огнистой полосой
Стояла въ небѣ и горѣла свѣтомъ,
Разорванными тучами одѣтымъ,

И мѣсяцъ, точно рыцарь золотой,
Держащій стражу полночи глухой,
Остался въ тишинѣ необычайной.

Міръ ожидалъ чудесъ великой тайны.

Оттуда, гдѣ терялся полосой,
Ведущей къ неизвѣстному чертогу,
Путь Млечный, схожій съ чистою росой,
Гдѣ, потерявъ обычную дорогу,
Лишь изрѣдка комета пролетитъ
И слѣдъ ея волосъ огнемъ горитъ,—
Оттуда духи выплыли толпою
И близились огнистою рѣкою.

Летѣла Мысль всѣхъ ближе въ вышинѣ,
Прекрасная, съ лицомъ богини Эллады;
Пытливостью ея горѣли взгляды
И чудно отражали въ глубинѣ
Увѣренность въ могуществѣ и силѣ,
Стремленье вѣчный разрѣшить вопросъ...
Разсѣяннымъ клубамъ туманной пыли,
Отъ вѣка представляющей хаосъ,
Она дала иныя очертанья
И мѣрный путь. Порядокъ міровой
Явился въ царство новаго созданья
И гордо поднялъ вѣчный скипетръ свой.

Вослѣдъ за нею Чувство направлялось;
Его лицо въ движеньи измѣнялось:
На немъ была то радость безъ границъ,
То грусть и боль, то пламенныя грезы—
И вдругъ опять подъ бархатомъ рѣсницъ
Кристальныя сверкали тихо слезы.
Безумнымъ ритмомъ пульсъ его стучалъ,
Оно то блѣдно было, то румяно.

И крови токъ въ груди его дрожалъ,
Подобно лавѣ въ кратерѣ вулкана.

Направо же неслась Надежда вдаль,
Съ участьемъ ободряя всѣ созданья,
А рядомъ съ ней, въ очахъ тая печаль,
Унылое летѣло Состраданье.
Всѣ вмѣстѣ, взявшись за руки, они
По голубому фону неба плыли
И далеко виднѣлись и свѣтили,
Какъ яркіе горящіе огни,
Какъ перья благороднаго убора
На шлемѣ рыцаря, какъ средь простора
Небесъ—три птицы дивной красоты.

Любовь летѣла вслѣдъ; ея черты
Одѣла ярко прелесть неземная...
Она несла въ очахъ туманъ мечты,
Она дышала быстро... Прикрывая
Рукою страстной наготу грудей,
Біенье сердца удержать старалась...
За нею пелена ея кудрей
Неслась вдали и пышно развѣвалась.
И тѣхъ кудрей роскошная волна
Въ своемъ стремленьи на звѣзду упала,—
Звѣзда же, новыхъ свѣтлыхъ чувствъ полна,
Зардѣлась и, какъ солнце, засіяла.

За нею мчалась съ страшной быстротой
Фантазія; ея стремились взоры
Въ безбрежности пучины міровой
За грани безконечнаго простора.
И видно было, какъ безумно бьетъ
Она въ эфирѣ мощными крылами,
А гордый умъ своими удилами
Смирялъ ея стремительный полетъ.

И вдругъ всѣ духи опустили крылья
И замерли въ просторѣ голубомъ,
Какъ паруса въ покоѣ и безсильѣ
Спускаются въ безвѣтріи морскомъ.

Въ волнахъ эфира медленно, безъ шума
Тамъ Творчество въ потокѣ свѣта шло.

Глубокая таинственная дума
Окутала высокое чело.
Спокойны были взоры. Лишь порою
Ихъ трепетъ озарялъ черты лица.
А волосы влачились пеленою
Огромною,—я не видалъ конца.
И звѣзды въ нихъ, объятыя экстазомъ,
Подобно яркимъ огненнымъ алмазамъ,
Горѣли, жизни трепетомъ полны.
Оно узрѣло все средь тишины
Въ просторѣ мірового океана,
И голосъ полился изъ глубины,
Подобный звучной музыкѣ органа:

„Вы, духи, вы—мои! Съ начала дней
Я царствую надъ вами и донынѣ
И васъ теперь на скопище тѣней
Веду въ послушной доблестной дружинѣ.
Въ неисчислимомъ времени вѣковъ
Предметы всѣ моей покорны власти.
Холодный мраморъ силой тайныхъ словъ
Дастъ статую, исполненную страсти,
И чувствъ, и жизни, мощи и огня...
Я камень оживить могу бездушный!
И слушаются краски всѣ меня,
И струны мнѣ подвластны и послушны:
Едва коснусь я ихъ своей рукой—
Онѣ звучатъ и льются въ строѣ дивномъ

То нѣжной пѣсней съ тихою тоской,
То гордымъ, властнымъ, всепобѣднымъ гимномъ.
Послушны мнѣ пустые звуки словъ:
Лишь захочу—ихъ рифмами свяжу я,
И потекутъ они потокомъ строфъ,
Какъ быстрая рѣка, сердца волнуя.
И дивно славитъ ихъ согласный хоръ
Мои дѣла хвалою безконечной"...

„Лишь Демоны, исчадья ночи вѣчной,
Меня злословить смѣютъ до сихъ поръ!
Отъ козней ихъ донынѣ стонутъ люди,
Они по міру сѣютъ мракъ и зло,
Хоть для людей я свѣтъ давно зажгло
И искры имъ давно вложило въ груди,
Чтобъ сами чудеса творить могли
Мои сыны, сыны моей земли.
Размножилось неистовое племя
И на земное лоно тяжело,
Какъ страшное томительное бремя,
Своею темной силою легло.
И обратить грозитъ та сила нынѣ
Орловъ въ воронъ, могучихъ львовъ пустыни—
Въ трусливый и ничтожный родъ щенятъ!"

Оно умолкло. Лучезарный взглядъ
Его лица зардѣлся гнѣвомъ жгучимъ,
Въ немъ недовольства свѣточъ заблисталъ,
И въ страхѣ цѣлый міръ затрепеталъ.
А Демоны, подобно чернымъ тучамъ,
Собрались всѣ огромною толпой.
Дрожа во тьмѣ со злобою слѣпой,
Ихъ пьяныя отъ бѣшенства дружины
Несли въ груди предчувствіе кончины
И, издавая злобный, дикій стонъ,
Помчались на блестящій легіонъ.

И словно эскадронъ гусаръ крылатыхъ,
Скрывается въ густыхъ толпахъ татаръ,
Тревогою и ужасомъ объятыхъ,
И лишь порой сверкнетъ вдали, какъ жаръ,
Копье иль мечъ, иль панцырь золотистый
И снова все закроется толпой,—
Такъ скрылся духовъ легіонъ огнистый,
Окутанный суровой, злобной тьмой.

Раздался крикъ, звучали восклицанья...
Потомъ на черномъ тѣлѣ мрачныхъ тучъ
Зажглось огней волшебное сіянье,
Какъ будто солнце бросило свой лучъ
И онъ все росъ, блистая безъ предѣла...
Промчались молній золотыя стрѣлы,
На части рвали тучи впереди,
Горѣли яркимъ свѣтомъ въ небѣ чистомъ
И сыпались онѣ дождемъ огнистымъ,
Какъ будто бы изъ демонской груди.
Вся мерзкая ужасная громада
Была разбита. Сквозь ночной туманъ
Летѣли съ дикимъ крикомъ силы ада
И рухнули въ глубокій океанъ.

Сорвавъ оковы сна, открылъ я очи.

Пора разсвѣта ужъ была близка.
Печально гасли звѣзды—слезы ночи.
По небесамъ блуждали облака,
Какъ голуби, воздушною толпою.
И вся земля съ равниною морскою
Еще была ночною мглой полна.
Великая царила тишина.
Я чувствовалъ, какъ тѣни прочь бѣжали,
А волны подъ дыханьемъ вѣтерка

Другъ другу вѣсть объ утрѣ лепетали,
Которое идетъ издалека.

* * *

Умолкъ—и тихо-тихо замирала
Одна струна... вотъ умерла и та...
И въ тишинѣ минута пролетала,
Какъ звука путь изъ сердца на уста.

И вдругъ въ толпѣ, молчанію на смѣну,
Раздался крикъ немногихъ голосовъ...
Вѣнокъ упалъ на шумную арену,
Пятная землю роемъ лепестковъ.

А вслѣдъ за этимъ полились каскадомъ
Рукоплесканья, крики; рой вѣнковъ,
Цвѣтовъ и листьевъ сыпался тамъ градомъ.

Пѣвецъ стоитъ, исполненный еще
Мелодій сердца. Сила возбужденья
Кровь заставляетъ литься горячо,
И грудь кипитъ отъ новаго волненья.
Невѣдомый огонь въ его очахъ...
И вновь рука трепещетъ на струнахъ.
Стихаетъ крикъ народа: слава, слава!
Застыли руки. Снова тишина.
И рѣчь пѣвца—стремительна, какъ лава,
На площади затихнувшей слышна:

„Судьба рѣшилась, братья-минестрели!
Уже плыветъ въ небесной синевѣ
Побѣдный легіонъ къ завѣтной цѣли,
И Творчество съ Любовью во главѣ
Дарятъ слова небеснаго привѣта
Лучамъ святого радостнаго свѣта.

Но тамъ въ долинахъ стонущей земли

Еще вершатъ свой праздникъ злыя тѣни,
Средь ужаса, тревоги и мученій...
И цѣлый міръ влачатъ онѣ въ пыли".

„Тѣ демоны раскинули всѣхъ шире
Свой стягъ на близкомъ намъ материкѣ.
Тамъ, въ этомъ жалкомъ изнуренномъ мірѣ
Народъ со смертью борется въ тоскѣ".

„Тамъ взоръ, слѣпой отъ слезъ, не видитъ свѣта,
Не видитъ дня и солнечныхъ лучей,
Тамъ свой удѣлъ клянетъ пророкъ разсвѣта,
Пока не погребетъ своихъ идей
И, пыткой мукъ ужасныхъ побѣжденный,
Забудетъ небо, свои потушитъ взглядъ,
Отринетъ всѣ великія знамена
И будетъ ползать, какъ презрѣнный гадъ!"

„Тамъ геніевъ—насилья убиваютъ,
Подрѣзываютъ крылья тамъ орламъ
И горныхъ козъ въ ярмо тамъ запрягаютъ,
И для души уставы пишутъ тамъ!"

Тамъ всѣхъ дѣтей берутъ тираны злые
И, чтобъ скорѣе выпли подлецы,
Куютъ, какъ деньги, души молодыя
Всѣ на одни и тѣ же образцы!
Тамъ въ дикой злобѣ отравляютъ воды!
А эти звѣзды—свѣточи ночей—
За чудный блескъ серебряныхъ лучей
Сорвали бы охотно съ небосвода!"

Нельзя тамъ плакать, тамъ нельзя любить!
Нельзя тамъ мыслить, тѣшиться мечтами!..
Нѣтъ! Той земли не описать словами:
О ней стонать я долженъ, слезы лить,

Иль вырвать сердце, полное мученья,
И показать его страданья вамъ!“

Тутъ силы не хватило ужъ словамъ,
Мысль умерла на высяхъ возбужденья.
„Гей! прочь отсюда! Гей, на материкъ!
На помощь братьямъ всѣ безъ замедленья!“
Остаткомъ воли испустилъ онъ крикъ
И оборвалъ дрожащихъ струнъ теченье.

Толпа застыла въ мрачной тишинѣ.

И слышно было, какъ кипѣли слезы
У всей толпы въ душевной глубинѣ,
И воскресали пламенныя грезы,
Какъ сильно бились у людей сердца,
Кипѣла кровь огнемъ живыхъ дыханій,
И образы вставали безъ конца.
Изъ маленькихъ частицъ воспоминаній...
Нить, порванная прежде, вновь узломъ
Завязывалась здѣсь съ материкомъ.

Но вотъ, смѣняя тѣ воспоминанья,
Изъ тайныхъ нѣдръ души явился страхъ,
То страхъ былъ за покой существованья,—
И снова нить онъ разорвалъ въ сердцахъ.

И мысли всѣ боролись, колебали
Вѣсы ихъ воли съ силою, какъ вдругъ
Имъ тѣни осторожности предстали
И поселили въ сердцѣ ихъ испугъ,
Поднявъ опять спокойной жизни цѣну,
Разсчетомъ мелкимъ совѣсть отравивъ.

Позорный страхъ родилъ въ сердцахъ измѣну,
Погасъ въ душѣ восторженный порывъ,

На лица вышли сумрачныя тучи,
И ропотъ выросталъ, какъ громъ могучій,
И разразился, гнѣвомъ все покрывъ.

И вся толпа, поднявъ къ трибунѣ руки,
„Молчи!“—кричала:—„ты зовешь, губя!
На островъ ты накликать хочешь муки,
Но мы научимъ разуму тебя!
Отнимемъ лавры—подаримъ позоромъ!“
Ревѣлъ народъ вокругъ согласнымъ хоромъ.

И на арену бросилась толпа
И съ криками, разбойникамъ подобно,
Вѣнцы съ земли хватала спѣшно, злобно;
Отъ бѣшенства безумна и слѣпа,
Она топтала ихъ безъ сожалѣнья
Въ неистовомъ порывѣ возбужденья.

При этомъ видѣ все лицо пѣвца
Покрыла блѣдность. Къ сердцу устремилась
Вся кровь его, и взглядомъ мертвеца
Смотрѣлъ онъ такъ, что страшно становилось.

Вдругъ сквозь народъ приблизились толпой
Его друзья. Ихъ лиръ звенѣли струны
Въ безумномъ бѣгѣ. Точно вихрь морской,
Они взбѣжали къ высотѣ трибуны
И тамъ съ рыданьемъ обняли пѣвца;
Сплетя на немъ свои въ восторгѣ руки,
Они ему твердили безъ конца:
„Ты нашу скорбь воспѣлъ и нашей муки
Туманъ разсѣялъ... Вѣчно да живетъ
Нашъ Даймонъ-вождь! Направь ты нашъ полетъ!“

А Даймонъ, возбужденный, со слезами
На головы ихъ руки возлагалъ...

И въ этотъ мигъ разсыпалась лучами
Луна съ небесъ—и свѣтъ ея бросалъ
На ихъ дружину блики золотые,
И въ нихъ пѣвцы стояли, какъ святые
Въ своемъ безсмертномъ ореолѣ мукъ.

А тамъ, внизу, народа мрачный кругъ,
Съ трудомъ порывъ смиряя злобы бурной,
Еще дарилъ гирляндами цвѣтовъ
Трехъ первыхъ состязавшихся пѣвцовъ.
И вотъ герольдъ открылъ нѣмыя урны,
Пересчиталъ во всѣхъ число вѣнковъ
И объявилъ толпѣ, что по закону
Одинъ пѣвецъ получитъ здѣсь корону:
Кто распѣвалъ сегодня всѣхъ звучнѣй
О прелестяхъ любовницы своей.

ПѢСНЬ II.

На островѣ—король, но съ этихъ дней
Веселья нѣтъ на немъ, и все сильнѣй
Тѣнь Даймона и тѣнь его дружины
Смущаетъ миръ вечернихъ грезъ долины.
А только день разгонитъ ночи сны—
Вѣсть ужаса летитъ тревожной птицей:
Отъ жителей уходятъ вереницей
Любимые и лучшіе сыны.

Едва турниръ смѣнился тишиной,
Одинъ пѣвецъ покинулъ кровъ родной,
Отца и мать и вѣчный миръ долины
И почему—не вѣдомы причины—
(Онъ говорилъ, что тѣсно жить въ стѣнахъ)
Ушелъ съ одной своею лирой звучной
И спутникомъ дружины неразлучной
Скитается въ ущельяхъ и горахъ.

Тамъ тишина. Задумчивы лѣса.
Надъ пропастью синѣютъ небеса.
Тамъ Даймонъ рать свою ведетъ по скàламъ
На гору, что зовется Идеаломъ.

Ужасный путь по черной кручѣ скалъ
Идетъ, казалось, въ сумрачный провалъ;
Въ лазурь небесъ высоко поднимаясь,

Высь горная терялась въ мрачной мглѣ,
И Богъ, порою на нее спускаясь,
Въ громахъ о чемъ-то говорилъ землѣ.

И тѣ слова, тѣ знаменья святыни,
Безъ отклика въ душѣ людей прошли
И, громъ тая, всё ждали на лавинѣ,
Что человѣкъ придетъ сюда къ вершинѣ,
Разбудитъ ихъ, поднявшись отъ земли.

Туда вела опасная дорога...
Въ часъ отдыха съ печалью на челѣ
Пѣвецъ твердилъ друзьямъ, что на землѣ
Они, поэты,—не любимцы Бога,
Кому налилъ онъ золотомъ сердца
И душу изъ прозрачнаго кристалла
Ковалъ, чтобы свѣтилась и блистала
Она красой безсмертнаго вѣнца.

„Мы,—говорилъ онъ:—дѣти перелома;
И всякъ изъ насъ—наслѣдникъ золъ отца;
Стяжанья жажда близко намъ знакома,
Живетъ въ душѣ, пятнаетъ намъ сердца".

„Ядъ преступленій безъ сознанья пили
Изъ почвы острова мы съ юныхъ дней,
И въ годы дѣтства намъ обычны были
Грѣхи отцовъ, паденья матерей".

„Теперь отъ искры совѣсти не даромъ
Святой огонь въ душѣ у насъ ростетъ!
Раздуемъ же! Пусть вспыхнетъ — и пожаромъ
Всю слабость, всѣ сомнѣнія сожжетъ.
Сердца черны отъ вѣковой заразы —
Пусть переплавитъ въ свѣтлые алмазы."

„Идемъ! Пусть, горнымъ воздухомъ дыша,
Излечится печальная душа,
Пусть учится, отринувъ сѣть разсчетовъ,
Безумію стремительныхъ полетовъ
И, свято исполняя свой завѣтъ,
Въ юдоль печали проливаетъ свѣтъ,
Чтобъ на землѣ лучи его святые
Зажгли людей, какъ факелы живые!“

„Смотрите внизъ, туда, сквозь эту мглу:
Тамъ блещутъ слезы горнаго потока;
Онъ борется съ преградой и жестоко
Бьетъ грудь свою о твердую скалу.
Пусть смерть насъ не страшитъ своимъ видѣньемъ,
Въ тюрьмѣ мы подаримъ ее презрѣньемъ!“

„Смотрите въ высь на горнаго орла:
Онъ воздуха волну одолѣваетъ
Могучимъ взмахомъ своего крыла.
Съ привѣтомъ солнцу выше онъ взлетаетъ,
И взоръ его и ясенъ и открытъ.
Намъ, какъ ему, бороться предстоитъ
Всей силою, во что бы то ни стало,
Ломать преграды на своемъ пути,
Поднять толпы къ свѣтилу идеала
И въ сердцѣ ихъ для неба дверь найти.“

Умолкъ и въ высь пошелъ. И всей дружиной
Они пошли за нимъ съ огнемъ въ очахъ,
Пошли, слѣдя за горною вершиной,
Мелькавшею въ румяныхъ облакахъ.

А въ городѣ сгущалась мгла печали,
И страхомъ всѣ наполнились сердца,
Когда однажды ночью убѣжали
Изъ дома—дѣти знатнаго отца

И на стѣнѣ поспѣшно начертали:
„Отецъ и мать, простите! Тяжела
Разлука намъ, но долгъ даетъ велѣнье
Снять съ острова проклятье преступленья,
Съ материка—кошмаръ ужасный зла...“

И вдругъ иная вѣсть ударомъ грома
Весь островъ огласила въ тишинѣ;
Народъ на площадь выбѣжалъ изъ дома,
Толкуя о явившемся суднѣ.

Тамъ, блѣдный, среди общаго молчанья,
Островитянинъ, что съ недавнихъ поръ,
Исполнивъ королевское желанье,
Ходилъ искать дружину въ царствѣ горъ,
Такъ говорилъ: „Смотрю я изъ долины
И вижу,—что-то движется изъ горъ.
Я полагалъ, что то—кусокъ лавины,
Какъ вдругъ невольно поразила взоръ
Толпа людей: то Даймонъ шелъ съ дружиной!
Со страхомъ, растянувшись на землѣ,
Смотрѣлъ я, оставаясь на скалѣ,
И видѣлъ: то, что я считалъ лавиной,
Сползавшей съ горъ, то было ихъ судно.
Его толкали, силы напрягая,
Всѣ люди. Къ морю близилось оно.
Я шелъ за ними, все узнать желая.
Изъ словъ вождя я услыхалъ одно:
Что ѣдутъ всѣ въ чужія земли свѣта...
И къ королю, извѣстіе храня,
Я прибѣжалъ. Онъ выслушалъ меня
И пригласилъ къ столу вельможъ совѣта.“

Умолкъ и потъ онъ вытиралъ съ лица,
Уставъ отъ бѣга и отъ повторенья
Своихъ вѣстей съ начала до конца.

Толпу объяло мрачное смятенье.
На половинѣ слова у людей
Порвался голосъ. Точно ужасъ казни,
Почувствовали всѣ въ мозгу костей
Дрожь холода и призраки боязни...
Предчувствіе росло среди сердецъ,
Что рокъ изъ круга ихъ предназначенья
Взялъ приговоръ, который, безъ сомнѣнья,
Единымъ словомъ утвердитъ Творецъ.

И, какъ въ бреду, видѣнье имъ предстало:
Казалось, отъ обиженной земли,
Такъ быстро, что дыханье застывало,
Месть Господа имъ ангелы несли.
И взоръ ловилъ въ тоскѣ невыразимой
Кровавый судъ на пламенныхъ мечахъ.

Всѣхъ поразилъ тотъ видъ неотвратимый,
Всѣ головы склонилъ безумный страхъ,
Какъ будто мечъ, подобный грозной бурѣ,
Уже сверкалъ, мгновенія губя.
Когда-жъ толпа опять пришла въ себя
И къ радостной безоблачной лазури
Вновь подняла смущенный, грустный взоръ -
Увидѣла, какъ будто бы далекій
По небесамъ промчался метеоръ
И скрылъ въ лазури отблескъ одинокій.

И каждый думалъ, мраченъ и угрюмъ,
Что̀ значило безвѣстное явленье?
Потомъ поднялся говоръ, крикъ и шумъ,
Смущенная толпа пришла въ движенье,
Къ дворцу стремились всѣ, и передъ нимъ
Раздался крикъ: „Мы короля хотимъ!!“

На зовъ толпы, шумящей, своевольной,

Король явился блѣденъ и смущенъ.
Она ему кричала, что довольно
Совѣтовъ этихъ; пусть немедля онъ
Идетъ на берегъ, чтобы силой власти
Иль просьбой бѣглецовъ остановить.

Напрасно онъ пытался ихъ смирить;
Король былъ самъ рабомъ народной страсти:
И робко, подъ ударами бичей
Враждебныхъ взглядовъ, взялъ свою порфиру,
Надѣлъ корону, представляя міру
Подобье куклы прежнихъ королей,
И въ путь пошелъ взволнованный и жалкій.

Какъ жертвенникъ пылая, солнца шаръ
Свѣтилъ съ небесъ. Какъ бѣлыя весталки,
Которыхъ жжетъ экстаза мощный жаръ,
Снѣга подъ солнцемъ таяли. Природа
Затихла вся въ расцвѣтѣ красоты,
Лишь пѣли гимнъ весенніе цвѣты
Въ честь вѣчнаго свѣтила небосвода.

Браня въ душѣ палящій солнца зной,
Толпы людей тянулись по дорогѣ,
Измучены въ молчаньѣ и въ тревогѣ,
Къ заливу моря горною тропой.

Вотъ, наконецъ, и горная вершина:
Отсюда даль толпѣ была видна,
Зеленая цвѣтущая равнина,
Морской заливъ и моря пелена.
По зелени и синевѣ простора
Разсѣянно летѣли стрѣлы взора.

Когда же удалось уйти очамъ
Изъ плѣна этой синевы и дали,

Они опять къ заливу посылали
Пытливый взоръ, ища чего-то тамъ.

У сжатаго скалами полукруга
Представилось имъ свѣтлое пятно,
Какъ розы лепестокъ на фонѣ луга.
Иные, разсмотрѣвъ тревожнымъ взглядомъ,
Рѣшили, что у берега судно;
И всѣ толпы внизъ полились каскадомъ.

Да, точно, тамъ стояли бѣглецы,
И видъ судна и формы говорили,
Что то судно въ горахъ соорудили
Искусные пѣвицы и пѣвцы.
Они не въ ватерпасѣ, не въ аршинѣ
Искали мѣръ для своего судна.

Подобно чашѣ вогнутъ въ серединѣ
Его былъ корпусъ, форма же стройна
Была, какъ форма легкаго сонета.

Носъ—остро срѣзанный напоминалъ
Мужскую рифму среди строкъ куплета;
Подобно строфамъ—веселъ рядъ торчалъ;
Прямыя мачты, какъ мечты поэта,
На палубу глядѣли съ вышины,
На нихъ канаты, какъ строфа терцета,
Изъ трехъ веревокъ были сплетены.
Рядъ парусовъ въ ихъ мѣрномъ колыханьи,
Какъ ритмовъ рядъ, судно слегка качалъ
И, какъ поэмы звучное названье,
На мачтѣ флагъ пурпуровый игралъ.

Какъ разъ тогда всѣ люди торопливо
Въ судно садились; оттого и смѣхъ,
И шумъ, и крики разносились живо...

Ихъ вождь желалъ остаться позже всѣхъ,
На берегу стоялъ онъ одиноко.
Со времени ухода своего
Онъ измѣнился, видимо, глубоко.

Онъ точно выросъ. Тѣло все его
Лишь духа оболочкою казалось.
Примѣты муки внутренней борьбы
Ушли съ лица, оно же прояснялось
Рѣшимостью и знаніемъ судьбы.

По блеску глазъ его замѣтно было,
Что мысль святая взглядъ ихъ озарила
И вѣра, и глубокая любовь,
И чистота душевнаго покоя;
Что отъ побѣды этого героя
Земли не оросить людская кровь,
Что за его побѣдной колесницей
Не повлекутъ печальной вереницей
Измученныхъ и стонущихъ рабовъ.

И стоя такъ въ молчаньѣ надъ заливомъ,
Онъ услыхалъ движенье за собой
И, обратясь порывомъ торопливымъ,
Недвиженъ замеръ онъ передъ толпой.
Тутъ короля онъ сразу встрѣтилъ взоры,
И оба вздрогнули, а всѣ кругомъ
Невольно оборвали разговоры
И замерли на берегу морскомъ,
Предчувствуя въ тиши необычайной,
Какъ велика подобной встрѣчи тайна.

Вожди-жъ, едва скрестился взглядъ очей,
Увидѣли душевной глубиною,
Что не идти дорогой имъ одною,
Что рознь сердецъ у нихъ всего сильнѣй,

Что двухъ міровъ двѣ силы въ нихъ замкнуты,
Два полюса таятъ они въ себѣ,
Что одному изъ нихъ пришли минуты
Иль измѣниться, иль упасть въ борьбѣ...

И такъ они смотрѣли другъ на друга,
И ихъ судьба рѣшалась въ этотъ мигъ;
Король блѣднѣлъ, какъ будто отъ испуга
Иль оттого, что свой конецъ постигъ,
Смутился онъ... А вождь дружины юной
Задѣлъ рукою плачущія струны,
Какъ будто бы въ душѣ онъ пожелалъ
Окончить этотъ споръ въ одно мгновенье.
И звукъ струны напѣвомъ всепрощенья
И вселюбви негромко прозвучалъ.

Король не разгадалъ его значенья,
Онъ въ немъ увидѣлъ робость и смущенье
И, думая, что бунту здѣсь конецъ,
Надменнымъ тономъ власти и презрѣнья
Спросилъ онъ: „Что ты дѣлаешь, пѣвецъ?—

— Оружье смотритъ передъ битвой воинъ,—
И я свое оружье узнавалъ:
Хорошъ ли звонъ и вѣрно-ли настроенъ?—
— Какой вашъ бой?—
— То бой за идеалъ!—
— Куда плывете вы?—
— На поле битвы!—
— Зачѣмъ?—
— Чтобъ сѣять тайныя слова
Возвышенной спасающей молитвы,
Которая въ сердцахъ еще жива,
Но надъ душою призраки повисли
И нѣтъ ей силъ пробиться въ область мысли!—

— Кто звалъ и кто велѣлъ вамъ плыть туда?—

— Насъ стонъ зоветъ и долгъ повелѣваетъ!—

— Вамъ плохо здѣсь?—
— Здѣсь совѣсть жить мѣшаетъ!
Вѣками напряженнаго труда
Коралловъ, гибнущихъ во мракѣ моря,
Вашъ островъ держится! Здѣсь страхъ и горе!—
— Что-жъ васъ страшитъ?—
— Что островъ упадетъ
Въ пучину... Гадъ морской его пожретъ,
Коль онъ другихъ безъ помощи оставитъ!—
— А ты—герой, который насъ избавитъ?!—
Съ иронiей воскликнулъ тутъ король:
— Ты въ плащъ геройства рядишься напрасно!
Хоть цѣль свою скрываешь ты прекрасно—
Меня не проведетъ такая роль.
Я знаю, что придумалъ, безъ сомнѣнья,
Твой жалкiй разумъ: это—планъ смущенья!

— Смущать?!. Богатствомъ, что собрали здѣсь
Мильоны рукъ работой вѣковою,
Стремиться одѣлить людъ бѣдный весь;
Желать, чтобъ жизнь не дѣлалась рѣзнею,
Какой она являлась съ давнихъ поръ;
Аккорды слить въ одинъ согласный хоръ,
Всѣ души охватить дыханьемъ пѣсни
И разбудить ихъ возгласомъ: „воскресни!..“

— Молчи!—вскричалъ король,—ты потерялъ
Аккордовъ тайну, въ чемъ всѣхъ пѣсенъ сила!
Ты пѣснь рабою сдѣлать пожелалъ,
И пѣснь тебѣ навѣки измѣнила.
Вѣдь съ пѣснью духъ пѣвца соединенъ,
А ты отвергъ ея святой законъ!—

Тутъ Даймонъ, грозно шевельнувъ бровями,
Сказалъ дружинѣ своего судна:
„Хоть онъ король и первый межъ пѣвцами,
Но рѣчь его о пѣснѣ не вѣрна:

„Ты правъ, что пѣсня—духа выраженье;
За что-жъ ты насъ рѣшился упрекнуть?
Должны-ли всѣ пѣвцы для пѣснопѣнья
Въ твоемъ мотивѣ ноты почерпнуть?“

„Пѣвецъ—обманщикъ, если съ пѣснью тою,
Съ которою навѣкъ соединенъ,
Не связанъ онъ любовію святою...
Да, лишь тогда предъ ней виновенъ онъ!
Пусть о себѣ тоскуютъ эгоисты!
А кто влюбленъ въ свѣтъ будущаго дня,
Пускай поетъ, на струнахъ серебристыхъ
Привѣтный гимнъ грядущему звеня.
Какъ мать еще во чревѣ любитъ сына
И страстно ждетъ его, хотя самой
Грозитъ съ его рожденіемъ кончина,—
Такъ жаждемъ мы всей силой, всей душой
Великаго, прекраснаго разсвѣта,
Когда вся жизнь тѣ гимны запоетъ,
Хотя бы намъ онъ былъ—конца примѣта,
Какъ для зари свѣтила дня приходъ.
Мы будемъ счастливы! Уничтоженья
Нѣтъ въ смерти... Смерть—грядущей жизни звонъ,
Иная форма вѣчнаго явленья,
Она—дитя изъ пелены временъ.
Да, мы умремъ... Но жизни не жалѣемъ,
А смерть сама намъ будетъ мавзолеемъ“.

„За эту форму сладко умереть!
Ей пѣли мы, будили силой звона,

И по утрамъ надъ нами будетъ пѣть
Она свой гимнъ, какъ статуя Мемнона".

Умолкъ. Король же понялъ передъ нимъ,
Что пораженъ оружіемъ своимъ.
Среди толпы послышались укоры,
Что съ Даймономъ ведетъ онъ плохо споры.
А потому онъ измѣнилъ свой тонъ,
Желая въ мигъ покончить съ той ошибкой,
И милостиво, съ кроткою улыбкой
Сказалъ пѣвцу:
„Хоть за меня законъ,
Не какъ король я говорю съ тобой,
Какъ человѣкъ я къ равному съ мольбой
Пришелъ, хоть могъ бы дать и приказанье.
Останьтесь! Вамъ не будетъ наказанья...
И насъ смущалъ когда-то этотъ сонъ,
Миражъ пустыни. Только опытъ знаетъ,
Что быстро онъ отъ взора убѣгаетъ,
Хоть ярко для очей явился онъ".

„На островѣ всегда—друзья вы наши;
Здѣсь миръ, довольство и удобный кровъ,
Роскошный столъ, наполненныя чаши,
Родителей глубокая любовь.
И это все покинуть! Въ мракѣ ночи
Среди громовъ надъ безднами блуждать,
Гдѣ волны заливаютъ пѣной очи!—
Нѣтъ, этого я не могу понять!"

—„Ты не былъ тамъ, куда изъ мрачной мглы
Пробились мы! На этихъ горныхъ кручахъ!
Внизу кричали горные орлы,
И далеко отъ насъ, скрываясь въ тучахъ,
Вашъ островокъ былъ точкою для глазъ,
Ничтожной точкой въ необъятномъ мірѣ".

„Нашъ взоръ летѣлъ все далѣе и шире
На материкъ. И скорбь объяла насъ!
Просторъ полей—безплодный; надъ полями,
Какъ облако застывшихъ горькихъ слезъ,
Лежалъ туманъ густыми пеленами
И надъ землею ширился и росъ".

„Насъ солнце залило своимъ сверканьемъ,
Но не ослѣпли мы,—и взоръ очей
Летѣлъ все дальше, вымытый сіяньемъ
Горячихъ, яркихъ солнечныхъ лучей".

„Туманъ лежалъ густою пеленой...
Но разглядѣлъ нашъ взоръ въ туманѣ этомъ,
Что далеко надъ грустною землей
Дрожали горизонты тайнымъ свѣтомъ!.."

„И мы тогда на этой вышинѣ
Торжественно предъ солнцемъ обѣщали
Не отступить въ безжалостной войнѣ,
Пока туманы не очистятъ дали.
Мы нашъ обѣтъ исполнимъ до конца!
Король! Кто разъ ступилъ туда ногою,
Гдѣ были мы передъ лицомъ Творца,
Исполнены рѣшимостью благою
Въ торжественный, невыразимый мигъ,
Когда гремѣлъ обѣтъ нашъ звучнымъ хоромъ;
Кто видѣлъ солнца лучезарный ликъ
И не смутился гордымъ, смѣлымъ взоромъ;
Кого такъ нѣжно воздухъ горъ ласкалъ,
Влетѣвшій въ грудь съ дыханіемъ покоя;
Кто въ жилахъ пламя страсти ощущалъ;
Кто такъ, какъ мы, на тѣхъ вершинахъ стоя,
Единымъ взглядомъ къ вѣчности летя,
Временъ и дѣлъ проникнулъ вереницы
И увидалъ, минувшее прочтя,

Грядущаго раскрытыя страницы
Какъ свитокъ Бога правды, и на немъ
Его завѣтъ, пылающій огнемъ,—
О, никогда средь муки и безсилья
Не можетъ тотъ безплодно умереть!
И держитъ наготовѣ мысли крылья,
Какъ птица, что готовится летѣть
Въ просторъ небесъ... Не упадетъ онъ ниже,
Чѣмъ былъ тогда! И насъ ты не зови-же!
Внимай: орелъ летѣлъ къ вершинѣ той,
Гдѣ были мы,—но измѣнили силы,
Упалъ онъ въ прахъ съ разбитой головой!..
И думалъ ты, что въ этотъ мракъ могилы
Мы спустимся съ сіяющихъ вершинъ,
Что мы ярмо златое вновь одѣнемъ!?.
О, никогда! Ты властвуй здѣсь одинъ!
Мы знаемъ путь и дѣлу не измѣнимъ!
Прощай!“—
И онъ на палубу судна
Вошелъ поспѣшно. Мощною рукою
Онъ вырвалъ якорь изъ морского дна,
И дрогнуло судно надъ глубиною.

Внезапно на суднѣ огни зажглись,
Ударилъ въ парусъ вѣтеръ моря бурный,
Всѣ весла въ рядъ согласно поднялись,
Затрепеталъ на мачтѣ флагъ пурпурный,
Какъ яркая вечерняя заря
На синевѣ играя и горя.
И вотъ судно увѣренно и живо
Направило по морю быстрый ходъ,
Какъ лебедь, граціозно и красиво
Скользитъ по бирюзовой глади водъ.

Судно неслось. Въ тревогѣ и печали
На берегу, вперивъ недвижный взоръ,

Всѣ звучной пѣснѣ Даймона внимали,
А пѣснѣ той гремѣлъ отвѣтный хоръ.

ГОЛОСЪ.

Присмотритесь, о братья! Въ просторѣ морскомъ
Жадный омутъ замкнулся зловѣщимъ кольцомъ.
Все глотать глубина его рада.
Онъ замкнулся въ себѣ для вражды безъ конца,
Знаетъ жизнь и живетъ только въ сферѣ кольца...

ХОРЪ.

Онъ таитъ тамъ ужаснаго гада!

ГОЛОСЪ.

Прочь отъ омутовъ, прочь! Нули моря—они!
Кто туда попадетъ—оборветъ свои дни
Въ одинокой холодной могилѣ.
Поспѣшимъ же отъ нихъ! Тамъ уныло, темно!
Пусть не брызнутъ ихъ волны на наше судно!

ХОРЪ.

Въ нихъ міазмы губительной гнили!

ГОЛОСЪ.

Въ дѹши Творчество намъ и святая Любовь
Заложили сокровища дивныхъ даровъ
И пѣвцовъ намъ названіе дали.
Понесемъ же знамена великихъ идей
И посѣвы свободы на ниву людей...

ХОРЪ.

Чтобъ любви очаги возникали!

ГОЛОСЪ.

Пусть же вспыхнетъ огнемъ эта сила любви!
Міръ холодный и мрачный, погрязшій въ крови,
Поведемъ къ лучезарной денницѣ.

Такъ спѣшимъ же туда! Тамъ насилье, вражда,
Книга жизни тамъ кровью людей залита.

ХОРЪ.

Этой книги откроемъ страницы!

ГОЛОСЪ.

И запишемъ туда мы небесный завѣтъ...
Взвейся, парусъ! Туда, гдѣ печаль скрыла свѣтъ,
Полетимъ мы, сгорая любовью.
Полетимъ, чтобъ скорѣе надъ бѣдной землей
Сѣять зерна добра и свободы святой...

ХОРЪ.

Эти зерна польемъ своей кровью!

ГОЛОСЪ.

Но куда же по морю направимъ мы ходъ?
О, смотрите: нашъ руль сдѣлалъ самъ оборотъ,
И судно такъ отважно несется.
Что за диво? Спокойна, недвижна вода...
Почему же судно повернулось туда?

ХОРЪ.

Наше сердце въ ту сторону бьется!

ГОЛОСЪ.

О, какъ бьется, какъ тянетъ къ несчастной странѣ,
Гдѣ въ поляхъ, и въ лугахъ, и въ лѣсной глубинѣ
Кровь течетъ съ неустанною силой,
Гдѣ ручьи замутились отъ пота и слезъ,
Гдѣ ни пламенныхъ чувствъ, ни возвышенныхъ грезъ...

ХОРЪ.

Гдѣ герои подъ каждой могилой!

ГОЛОСЪ.

Ты, о сердце, отважно и громко зови,
Что грядетъ вольный Богъ всемогущей любви,
Снять готовясь проклятіе вѣка.
И, какъ древле изъ храма ушли торгаши,
Такъ все злое навѣки уйдетъ изъ души...

ХОРЪ.

Будетъ свѣтлой душа человѣка!

ГОЛОСЪ.

Да, сбывается лучшая въ свѣтѣ мечта:
Человѣкъ ожидалъ Человѣка-Христа—
Это чудо свершается нынѣ.
Поспѣшимъ же обрадовать гибнущій свѣтъ,
Ибо тамъ—первый шагъ, первый новый завѣтъ...

ХОРЪ.

Первый камень для храма святыни.

ГОЛОСЪ.

Такъ звучите же, струны! Въ зловѣщей тиши
Наши пѣсни убитую силу души
Воскресятъ, упованіемъ полны,
Слабымъ силы пошлютъ на борьбу до конца
И упрекомъ отравятъ тирановъ сердца...

ХОРЪ.

Даймонъ! Бурны зловѣщія волны!..

ГОЛОСЪ.

Ничего! Если смерть намъ пророчитъ волна,
Мы умремъ у морского спокойнаго дна,
Въ дивномъ царствѣ подводнаго міра.
Будетъ море хранить безмятежный нашъ миръ,
Чуть касаясь волной серебра нашихъ лиръ.

ХОРЪ.

И разскажетъ о насъ наша лира!

ГОЛОСЪ.

Смѣло, братья, плывемъ! Прочь боязнь и печаль!
О, смотрите, смотрите: туманится даль,
Береговъ обѣщая явленье...
Что такое? Ростетъ на волнахъ полоса...
Суша, суша!.. О, нѣтъ!.. Но звучатъ голоса...

ХОРЪ.

Это правда!.. Задержимъ стремленье!..

И словно альбатросъ, что въ высотѣ
Пробитъ стрѣлой упалъ въ пучину моря,
Судно вдругъ стало на одной чертѣ
И замерло, съ движеньемъ прежнимъ споря.
Какъ кровь, по мачтѣ красный флагъ сплывалъ,
Подобно крыльямъ паруса трепались;
А весла, въ море врытыя, сгибались,
Ихъ скрипъ, какъ стонъ, пучины оглашалъ.
И напрягая слухъ, сдержавъ дыханье,
Дружина вся сидѣла на суднѣ
Недвижна, какъ живое изваянье,
Въ томительной и жуткой тишинѣ.

Къ судну, что оставалось безъ движеній,
Шелъ голосъ черезъ море отъ земли,
Лишенный оболочки выраженій,
Которыя служить ужъ не могли
Ни въ чемъ ему... Словамъ нѣтъ силъ и воли,
Чтобъ выразить стонъ безграничной боли.

Печаленъ звонъ клинка, когда сквозь стоны
Его ломаетъ рыцарь, побѣжденъ;
Шумятъ печально дымныя колонны

Костровъ всѣхъ Авелей, чей тяжкій стонъ
Звучитъ въ вѣкахъ томительно и звонко;
И крышки гроба малаго ребенка
Ужасенъ звукъ, когда съ нѣмой тоской
Бросаетъ землю мать на гробъ печальный,
И плачетъ дождь надъ хмурою землей...
Все это выражалъ тотъ голосъ дальній
И много больше... Слышалось еще,
Какъ то, что тамъ зоветъ, хоть и желаетъ,
Но всею силой мукъ не ударяетъ,
О помощи не проситъ горячо,
Какъ будто демонъ, муки отмѣряя,
Считаетъ скорбь и требуетъ отчетъ
Отъ каждой капли крови, убивая
Все то, что мѣру скорби перейдетъ.

Ужасенъ и великъ въ своемъ безсильѣ,
Летѣлъ тотъ голосъ, рвался безъ конца,
Наполнивъ жгучей болью всѣ сердца.
И вдругъ затихъ внезапно, точно крылья
Ему подрѣзалъ вѣтеръ роковой,
Что пролетѣлъ, страшилищу подобно,
Между судномъ и дальнею землей
И стихъ вдали, ворча надъ моремъ злобно.

А изъ зеркалъ поверхности морской
Вдругъ выплыла толпа русалокъ чудныхъ;
Съ тревожною и страстною тоской,
Съ огнемъ любви во взорахъ изумрудныхъ
Движеньями и звукомъ голосовъ
Онѣ манили молодыхъ пловцовъ.

Первая изъ нихъ въ одеждѣ бѣлоснѣжной
Пѣла, точно арфа; голосъ свѣжій, нѣжный
Въ тишинѣ звучалъ и съ крикомъ страсти рос.
„О, приди ко мнѣ!—звала она съ тоскою:—

Я постель тебѣ сложу своей рукою,
Я тебя покрою золотомъ волосъ.“

„Нѣжно, прямо къ сердцу грудь свою прижму я
И ее открою вновь для поцѣлуя...
Кровь твою насытитъ крови моей жаръ.
Полныхъ устъ коралломъ я уста покрою!
Всѣ движенья страсти съ нѣгой неземною
Дѣвственнаго стана—принесу я въ даръ!“

„О, иди!—другая пламенно шептала:—
Косъ благоуханныхъ, дивныхъ покрывала
Постелю тебѣ я!.. О, приди, приди!..
Я открою плечи, смуглыя отъ жара,
Груди, что томятся пламенемъ пожара,—
И прижму ихъ обѣ я къ твоей груди!“

„И огнемъ любовнымъ загорятся очи...
Дрожь моего стана въ часъ беззвучной ночи,
Точно въ колыбели, усыпитъ тебя.
Полными руками шею оплету я,
Прогоню усталость жаромъ поцѣлуя...
Я хочу и гибну, гибну я, любя!..“

„Дождь моихъ лобзаній смоетъ пыль мученій!..
Даймонъ! Цвѣтъ—росѣ, а я—всѣхъ наслажденій
Чашечки открою одному тебѣ!
Всѣ смѣшаемъ чувства! Будь мнѣ господиномъ
И въ моемъ ты небѣ богомъ будь единымъ!..
Я борюсь безумно, я паду въ борьбѣ!..“

„А когда въ объятьяхъ я замру, блѣднѣя,
Затуманитъ очи страсть,—тогда нѣжнѣе
Буду я шептать во снѣ и на яву
Благодарность сладкой и любовной ласкѣ...

О, иди со мною въ міръ волшебной сказки!
Неужель напрасно я тебя зову?“

„Напрасно!—съ нотой гнѣвною поэтъ
Отвѣтилъ грозно въ сторону русалокъ:—
Міръ вашихъ чаръ для насъ и чуждъ и жалокъ,
У нихъ надъ нашимъ сердцемъ власти нѣтъ.
Самсонъ утратилъ мощь въ плѣну Далилы,
А намъ для битвы нужно больше силы;
Вѣдь тамъ, на сушѣ дорогой страны,
Намъ подвиги Геракла суждены!“

„Завѣтъ у насъ высокій, но суровый,
И мы должны держать надъ сердцемъ власть!
Насъ искушенья ждутъ, но мы готовы
Отбросить ихъ съ презрѣньемъ, а не пасть!“

„Бокала съ вашимъ ядомъ и позоромъ
Не выпьемъ мы! Такъ прочь же, прочь скорѣй!..“
И слово оскорбленья грознымъ хоромъ
Звучитъ съ судна по синевѣ зыбей.

На этотъ возгласъ съ тяжкимъ стономъ горя,
Подобно ряду скошенныхъ цвѣтовъ,
Оставивъ слѣдъ расплывшихся круговъ,
Русалки погрузились въ лоно моря.

И волны ихъ ударились въ судно
И въ яромъ гнѣвѣ, мстительно-жестокомъ,
Въ глаза дружинѣ брызнули упрекомъ.

День меркнулъ, стало мрачно и темно;
Суровой мглой покрылся сводъ лазурный,
Съ морскихъ полей сорвался вѣтеръ бурный
И вновь летѣлъ отъ полосы земли;
Съ могучимъ свистомъ мощными крылами,

Какъ тѣнь, промчался онъ надъ головами,
Нарушилъ тишь и вновь исчезъ вдали.

А вслѣдъ за нимъ дружина увидала,
Какъ моря гладь лазурный свой покровъ
Въ зловѣщій, темный сумракъ одѣвала;
Какъ, плача легіономъ голосовъ,
Вздымались волны съ силою стремленья,
И какъ вдали морской водоворотъ
Борьбой смущали грозныя движенья,
Неся наружу бѣлой пѣны потъ.

Пловцы на небо обратили взоры:
Сгущалась ночь темнѣе и темнѣй;
Ползли, подобно скопищу тѣней,
Огромныхъ тучъ блуждающія горы.
И двигались, какъ стаи мрачныхъ птицъ,
По небесамъ отъ сѣверныхъ границъ.

Тутъ каждый, ожидая утѣшенья,
Взглянулъ въ лицо товарища-пѣвца;
И общее въ ихъ лицахъ выраженье
Заставило забиться всѣ сердца,
Наполнивъ ихъ божественнымъ экстазомъ;
И всѣ они взялись за весла разомъ
И двинули впередъ свое судно.

Межъ тѣмъ послѣдній лепестокъ лазури
Ужъ завернулся въ покрывало бури
И, какъ въ могилѣ, стало вдругъ темно.
И разостлалась по морской долинѣ
Ужасная ночная тишина,
И было слышно, какъ вблизи въ пучинѣ
Потокомъ разрывается волна,
Рыдая такъ, что всѣ пловцы въ тревогѣ
Взглянули—и въ сердца ударилъ страхъ:

Оттуда, гдѣ дробятся о пороги
И плачутъ волны, разлетаясь въ прахъ,
Гдѣ гибнетъ все, родится преступленье,
Оттуда шло ужасное видѣнье:
Злой Демонъ міра грозно выходилъ
И шелъ въ стремленьи злобнаго порыва.

Щетинилась его густая грива,
Надулся на челѣ клубъ синихъ жилъ.
Холодные глаза, какъ бы двѣ шпаги,
Блестѣли грозно на его лицѣ.
По омутамъ волнующейся влаги
Онъ шелъ, какъ вѣсть о роковомъ концѣ.
Его слова и взоровъ выраженье
Дышали зломъ и силой разрушенья:
„На сушу стремятся, но я не пущу,
Повергну ихъ въ омутъ, волной поглощу,
Грозой растерзаю на части.
Дружина и въ морѣ—опасный мой врагъ,
Но если на сушѣ подниметъ свой стягъ—
Исчезнетъ вся мощь моей власти“.

„Они завоюютъ долины земли,
Гдѣ много столѣтій клевреты мои
Мильоны людей угнетаютъ,
Неволю несутъ и тюрьму, и гробы
И гордыхъ вождей, и героевъ борьбы
Вѣнцами страданья вѣнчаютъ!“

„И тамъ, среди жатвою полныхъ полей,
Гдѣ Гарпія—символъ побѣды моей—
Вьетъ гнѣзда съ своими птенцами,
Стремится когтями весь міръ охватить,—
Хотятъ они красное знамя развить
И свѣтомъ блеснуть, какъ звѣздами!“

„Видъ этого флага терзаетъ меня,
Глаза затемняетъ мнѣ свѣтъ ихъ огня,
Тревожитъ меня все страшнѣе...
Гей, вѣтеръ, рви флагъ на куски поскорѣй!
Туши этотъ призракъ кончины моей!
Гей, буря! Реви же сильнѣе!..“

Онъ задрожалъ и отступилъ къ землѣ,
И постепенно скрылся за туманомъ.
Но знакъ былъ данъ—и сорвался во мглѣ
Безумный вихрь ужаснымъ ураганомъ.

Клубились тучи, какъ толпа тѣней,
Ревѣло море, пѣнилось и злилось...
И вдругъ потокомъ голубыхъ огней
На мигъ. одинъ все небо озарилось.
И грянулъ громъ, какъ будто надъ землей
Оно распалось... Изъ числа дружины
Пѣвецъ, сраженный громовой стрѣлой,
Упалъ, какъ снопъ, въ глубокія пучины.
И темный омутъ тѣло вырвалъ вдругъ,
Какъ бы хвалясь добычею своею,
Описывалъ по влагѣ трупомъ кругъ.
Пѣвецъ держалъ рукою лиру; съ нею
Упалъ, когда сразилъ его перунъ;
И волны вызывали рокотъ струнъ,
А струны тѣ на звучной дивной лирѣ
Могучій гимнъ гремѣли,—и когда
Исчезъ пѣвецъ—та пѣсня безъ слѣда
Не сгибла съ нимъ, но полилася шире.
На палубѣ, въ родномъ кругу друзей,
Усилилась она,—а вмѣстѣ съ ней
Усилилось и бѣшенство стихіи.

Съ небесъ лилъ дождь, а снизу волны злыя
Хватали руль и весла, на пловцовъ

Потоками плевали пѣны бѣлой,
Несли судно, какъ звѣрь освирѣпѣлый,
И, бросивъ въ омутъ, черезъ край бортовъ
Свои тѣла огромныя вливали;
А въ небесахъ громады черныхъ тучъ
На части стрѣлы молній разрывали,
И громъ гремѣлъ, ужасенъ и могучъ.

Но каждый разъ въ отвѣтъ его ударамъ
Побѣдно развѣвался красный флагъ...
Тутъ видя, что уходятъ силы даромъ,
Въ безумье впалъ суровый, злобный врагъ:

Запѣнилось море, понизились тучи
И громъ прокатился сквозь черныя кручи,
И волны одна на другую
Взбирались, вздымались, какъ грозныя горы,
И вѣтровъ запѣли могучіе хоры;
Взрывая поверхность морскую,
Тѣхъ вѣтровъ шумѣли кругомъ вереницы,
Надъ палубой жертвы искали,
Упали на мачту, какъ жадныя птицы,
И вымпелъ на клочья терзали.
А мгла ниспадала на бурныя воды,
И грязныхъ тумановъ кругомъ хороводы
Затѣяли танецъ кипучій,
Чтобъ съ моремъ и вихремъ и тучей
Въ союзѣ—сгубить удалую дружину
За то, что, презрѣвъ роковую кончину,
Несетъ она свѣтъ свой могучій.

И тучи съ пучиной слилися въ туманѣ;
Какъ грязная тряпка, онъ все въ океанѣ
Покрылъ своимъ саваномъ влажнымъ.
Но только тотъ саванъ гроза разрываетъ—
Во мракѣ изорванный флагъ выступаетъ

И снова порывомъ отважнымъ
Бросается въ воздухъ, надъ бурей смѣется,
Смѣется—какъ будто бы знаетъ,
Что онъ не надъ гробомъ, что тамъ, гдѣ онъ вьется,
Великая жизнь расцвѣтаетъ.

Когда же утихнетъ гроза на мгновенье,
Замолкнетъ волны разъяренной кипѣнье
И вѣтры затихнутъ въ просторѣ—
Могучая пѣснь черезъ море
Несется, судно представляется взглядамъ,
Вѣтрила вздымаются пышно;
Но снова гроза разражается адомъ—
Ихъ снова не видно, не слышно.

. . . . . .

Сегодня тамъ не видно ничего,
Но кто пробьетъ туманы взоромъ духа—
Увидитъ онъ дружины торжество,
И пѣснь побѣды долетитъ до слуха.
Узнаетъ онъ, что доплывутъ они,
Что вѣтры не сорвутъ съ ихъ мачты флага,
Что въ бурѣ не потухнутъ ихъ огни
И не измѣнитъ сердцу ихъ отвага!

Свой яркій флагъ они на берегахъ
Окрасили своей горячей кровью,
Они избрали дерево съ любовью
Для своего судна въ родныхъ лѣсахъ.
То дерево отъ вѣка на вершинахъ
Подъ яркимъ свѣтомъ солнечнымъ росло;
Вотъ отчего ихъ крѣпкое весло
Такъ радостно купается въ пучинахъ,
И мачты ихъ стремятся въ вышину,
И разрѣзаетъ бурную волну

Ихъ руль, рукѣ послушный и прекрасный...
А наконецъ, они изъ мысли ясной
Зажгли огни, какъ дивныхъ звѣздъ вѣнецъ;
И средь тумановъ моря, грозъ и шквала,
Смотря на компасъ доблестныхъ сердецъ,
Ведутъ судно дорогой идеала.

ИВ. РУКАВИШНИКОВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

Кто за насъ—иди за нами!
И сомкнутыми рядами
Мы пройдемъ надъ головами
Проклинающихъ враговъ...
Кто за насъ—иди за нами,
Чтобы не было рабовъ!
Кто мы? Насъ много. Мы — люди великой свободы.
Мы за страданья доступнаго счастья хотимъ.
Родина! Родина! Даромъ пропавшіе годы,
Даромъ пропавшую мощь мы тебѣ возвратимъ.

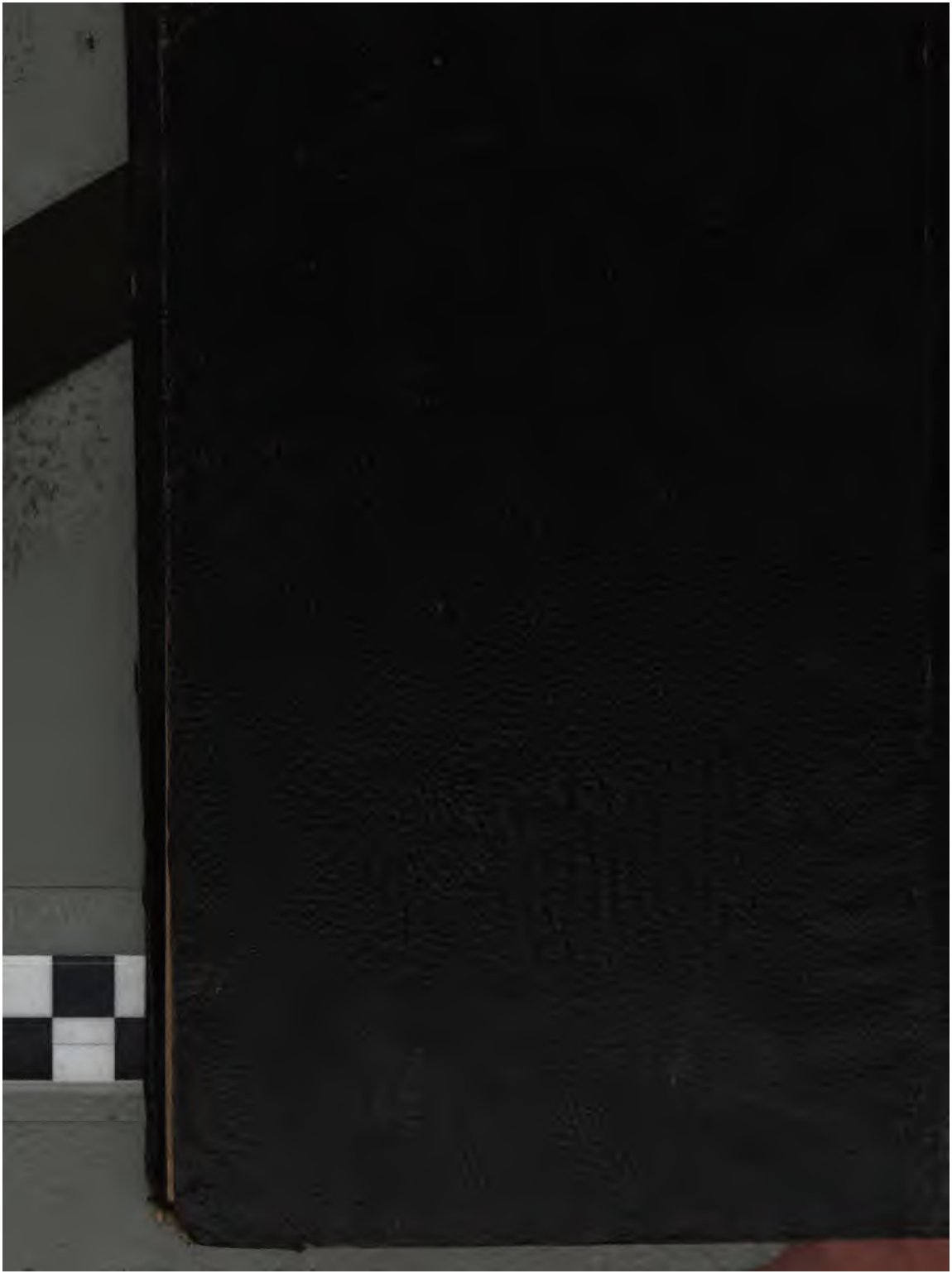
Кто за насъ—иди за нами!
Мы возможнаго хотимъ.
Мы беремъ свой хлѣбъ горбами.
Русь вѣка питалась нами.
Мы на Волгѣ—бурлаками;
Подъ камнями съ фонарями
Мы за тачками бѣжимъ;
По желѣзу молотками
Мы стучимъ, стучимъ, стучимъ...
Кровью горячей мы рабство вѣками поили.
Рабство падетъ отъ ударовъ житейскихъ наукъ.
Все впереди! Не напрасно вѣка проходили:
Прадѣдъ не зналъ, до чего дострадается внукъ.

Кто за насъ—иди за нами!
Жизнь и правда насъ зовутъ!
Будутъ дни: блестя штыками,
На своихъ свои пойдутъ...
Но не разъ враги предъ нами
Жерла пушекъ повернутъ...
Вѣчная память погибшимъ за дѣло святое!
Вѣчная память замученнымъ въ тюрьмахъ гнилыхъ!
Вѣчная память сказавшимъ намъ слово живое!
Вѣчная память!..
И месть за нихъ!

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY

To avoid fine, this book should be returned on or before the date last stamped below.

Stanford University Libraries
3 6105 015 006 054

PG
3227
S33
v.7

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARY
Stanford, California